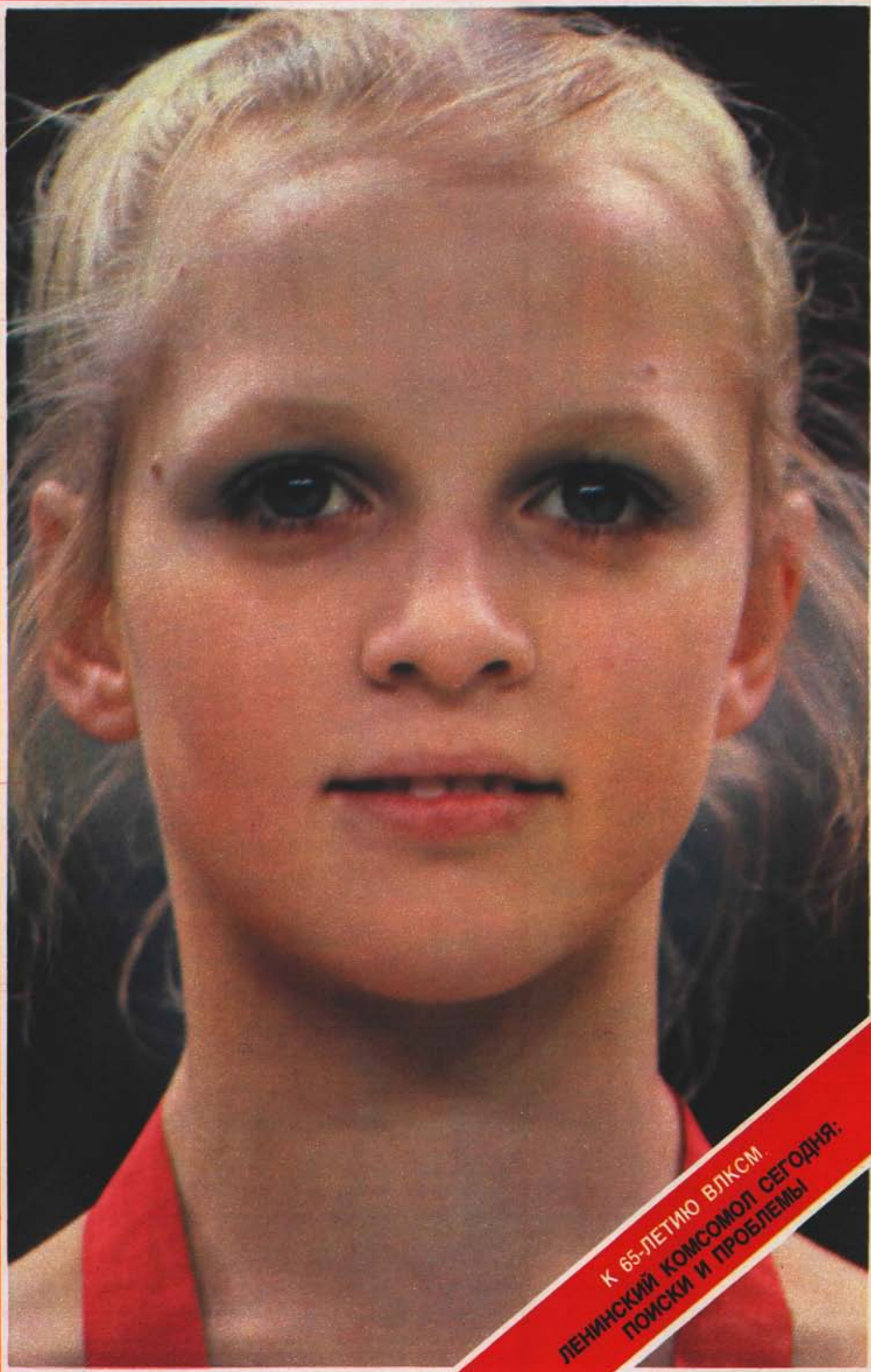

Смена

№ 20 октябрь 1983

К 65-ЛЕТИЮ ВЛКСМ.
ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ СЕГОДНЯ:
ПОИСКИ И ПРОБЛЕМЫ

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА

«Я БУДУ ПОМНИТЬ
СВОИХ СВЕРСТНИКОВ-ГЕРОЕВ
ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ»

Герою Виталию

Клара ХРОВОВА.
Фото
Сергея ВЕТРОВА.

Детские фотографии

Дети войны. Тысячи судеб. Возможно, сегодня мы и не знали бы о них, впрочем, как и они — друг о друге, если бы не Клара Александровна Рябова, создатель и бессменный директор музея «Юные защитники Родины». Создан такой музей двадцать лет назад в Курске, при заводе тракторных запасных частей. Музей живет на общественных началах. Вместе со своими помощниками Клара Александровна разыскала более тысячи сыновей (разумеется, и дочерей!) полков и юнг всех морей.

...А тогда, в начале шестидесятых, нынешний огромный заводской массив контурами прорисовывался на пустыре, где уже осваивались строители. К первым домам прикреплялись таблички с названиями улиц. Еще в помине не было нынешнего Дворца культуры, библиотеки, тира. Не было мостовых, не говоря об асфальте. Мальчишки, дети первых новоселов, слонялись без дела.

Клара Александровна только что перенесла второй инфаркт и, по предписа-

ны, она просила не за себя — за ребят. Через три дня пришел ответ Климента Ефремовича: «Предоставить помещение!» Штаб следопытов перебазировался в двухкомнатную квартиру...

Возмужали первые ее воспитанники. Пришло новое поколение школьников-следопытов. Сложился актив, боевой штаб музея «Юные защитники Родины». Теперь у нее полтысячи добровольных активных помощников — учащиеся средних школ и технических училищ, заводские комсомольцы.

Не найдешь в музее свободной стены. Смотрят с фотографий не по годам серьезные дети в военной форме. Давно их величают по имени-отчеству и ждут в Курске из Москвы и Ленинграда, из Свердловска и Перми, из Воронежа и Тюмени, с Харьковщины, из Донбасса и Белоруссии. В музее гости молча рассматривают экспонаты. Глаза наполняются влагой, к горлу подступает комок.

Последняя граната

Колю Печененко фашисты пытали с утроенной злобой.

Трое юных партизан находились на связи в украинском городе Смела. Они разведали, что гитлеровцы готовят временный склад боеприпасов, и в ночь на шестое ноября сорок третьего года его взорвали. Однако уйти не успели. Толю

ТЫСЯЧА СЫНОВЕЙ

нию врачей, много времени проводила на свежем воздухе. Собственно, из-за ее нездоровья, по настоянию докторов семья переехала с милого ее сердцу Урала в Курск. Человек энергичный и деятельный, она умела быть полезной в дальних гарнизонах Сибири и Дальнего Востока, где служил ее муж: организовывала досуг детей военнослужащих.

И вот прочла у Антона Семеновича Макаренко: «Идите во дворы и занимайтесь там с детьми, помните, что воспитательный процесс происходит на каждом метре земли».

— Вначале бабушка задумала создать при домоуправлении библиотеку на общественных началах, — рассказывает учащийся ПТУ Андрей Рябов. — Мы отвоевали у домоуправления подвал, выгнали оттуда лягушек, принесли книги, собранные в жилых домах микрорайона.

Нетрудно представить сырое, без окон и дверей помещение. Клара Александровна по нездоровью быстро утомлялась, порой опускалась в изнеможении на стопы книг. И все равно испытывала удовлетворение: рядом копошились ее ребятишки — все-таки при деле.

Несгибаемый, сибирский характер у маленькой, хрупкой, болезненной женщины. Дочь профессионального революционера, Клара воспитывалась доброй и волевой бабушкой, на спине которой до глубокой старости лиловели следы жандармских нагаек.

В те же, шестидесятые, годы написала она из Курска письмо К. Е. Ворошилову. Участница Великой Отечественной, кавалер ордена Красной Звезды и многих других наград, инвалид второй груп-

Ткачука часовой застрелил. Коля Печененко и Вася Хильченко попали в лапы гестаповцев...

После первых допросов Вася решил: «Лучше погибну от пули, чем от пыток». И «согласился» показать врагам базу партизан. Он завел гитлеровцев в глубокий лес, где на них напали партизаны. Во время боя Васе удалось скрыться...

А озверевшие фашисты всю ненависть вымещали на Коле. Придумывали изощренные пытки: прищепляли в дверях пальцы, загоняли под ногти заостренные спички, выбили передние зубы, повредили слух... Коля молчал и, облитый ледяной водой, приходил в сознание в каземате гестапо. Наутро пытки продолжались: с хрупких плеч мальчика срывали одежку, босого вытаскивали на мороз. Однажды, как выстрел в ночи, прозвучала команда: «Повесить!»

Обреченных штыками подталкивали к виселице. Сзади, едва переставляя расплужшие ноги, шел юный партизан, ставший очевидцем гибели не известных ему людей.

Последним поднялся он на эшафот. Ощутил петлю, перехватившую горло, увидел нацеленные на него пистолеты и потерял сознание... Он не слышал самодовольного хохота палачей, что означало конец пытки. Очнулся в каземате.

Фашисты еще трижды имитировали его смерть через повешение. Последний раз, снятый с виселицы, Коля оказался в полной власти паралича...

На рассвете пятого января сорок четвертого (в тот самый день при отражении атаки карательной дивизии войск СС погиб Вася Хильченко) немецкие

У КЛАРЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ
РЯБОВОЙ
СЕГОДНЯ ТЫСЯЧА
СЫНОВЕЙ И ДОЧЕРЕЙ.

антифашисты Курт Рейнгольд и Отто Роговски по заданию партизанского комиссара Петра Яковлевича Хижнякова похитили Печененко.

— До сих пор не пойму, как удалась им эта операция,— размышляет Николай Фомич.— В полночь я пришел в сознание, услышал скрип санных полозьев, немецкую речь, понял, что меня везут на кладбище. Пытаюсь сползти с саней— тело чужое, непослушное, обмотанные ватником ноги бесчувственны...

...Война застала его в пионерском лагере. О том, что родители погибли в первые дни войны, он еще не знал. За многими детьми никто не приехал. И ребята одни, без взрослых (откуда им знать, что встретятся с бедой) углубились в лес в поисках ближнего пути к дому.

А фашистские самолеты держали курс на Восток. Над лесом один из них нарушил строй, пошел в пики. Пока пионеры (четырнадцать мальчиков и восемь девочек) разглядывали «хищную птицу» со зловещей свастикой, пилот-фашист сбросил смертоносный груз. Из двадцати двух детей в живых остался лишь Коля Печененко. От взрыва

ты, зубами потянул чеку, ощутил первые щелчки— жить оставалось ровно четыре секунды...

Неожиданно с противоположной стороны донеслось громкое «ура»: на выручку нашим пришли две роты партизан. И Коля швырнул гранату вслед удирающим фашистам!

Смерть отступила в третий раз! В сорок пятом Коля вернулся домой с орденами и медалями, закончив войну в Австрии. Ему только что исполнилось пятнадцать.

Военная музыка

У костров, разложенных вдоль Вислы, грелись гитлеровцы. Черный дым застилал берега: в районе Кракова горели дома.

Солдаты фюрера не обращали внимания на парнишку в стареньком пальтишке, в стоптанных ботинках, с заплечным мешком, из которого он достал баян и заиграл.

Кому пришло бы в голову заподозрить в нем советского разведчика?!

Свою первую медаль «За отвагу» Саша Эйхман получил в четырнадцать

Пришлось подробно рассказать короткую биографию, а игрой на баяне Саша окончательно покори полковника. Оставили его в дивизии.

Потом один из офицеров попросил показать баян, прошелся по кнопкам, заметил:

— Баян-то у тебя хрипит. Давай-ка почино!

Через несколько дней Саше вернули инструмент, предложили сыграть. Баян потяжелел...

С тех пор неразлучны были на дорогах войны мальчик и баян. Юный разведчик появлялся во вражеских подразделениях, в деревнях, веселил до гитлеровцев, то местных жителей. Поиграет и незаметно в сторону отойдет, вроде ремонтом занят, а в эфир летят точки-тире, которые расшифровывали в радиовзводе штаба дивизии, и командование получало лаконичные строки важных донесений.

Ни разу не подвел разведчика старенький баян— под Ленинградом; в Сталинграде, на Курской дуге, в Подмоскovie, в Польше и Германии. Пока Саша Эйхман дошел до поверженного рейхстага, его мать получила пять (!) извещений о гибели сына. Последний раз юного разведчика заживо погребло в Кракове. Могло случиться и самое худшее, когда бы не откопала его в развалинах и не укрыла польская девушка Вероника Костенецкая...

После войны почетный гражданин Кракова Александр Григорьевич Эйхман вернулся в родную Сибирь. Однако не забыт польскими рабочими: избран почетным рабочим стекольного завода.

На снимке победного сорок пятого года Саша запечатлен рядом с Героем Советского Союза генерал-майором Николаем Петровичем Охманом— командиром и строгим наставником (без него, пожалуй, не осилил бы на фронте семилетку). Разведчику-баянисту в ту пору шел пятнадцатый год.

«За оборону Сталинграда»

...В четырнадцать лет Женя Лесников убил первого фашиста. До того растерялся, что выпустил в него длинную, до последнего патрона очередь.

Случилось это в августе сорок второго в его родном Сталинграде. В обычный, суровый для города-воина день. Утром Женя бежал с приятелями в кинотеатр, где крутили любимый, бесчисленное число раз виденный фильм «Чапаев». Сеанс отменили из-за воздушной тревоги. Идти в убежище привычные ко всему мальчишки отказались. Женя кружил по городу: помогал бойцам таскать пулеметные диски, откапывал из-под обломков людей, отводил в укрытие раненых. Тогда и подобрал автомат погибшего солдата.

Наконец, Женя оказался на Смоленской улице, у дома, откуда утром убежал в кино, и увидел... развалины. Не существовало больше его дома. Мальчик не успел опомниться, как в проеме стены показалась каска, затем фигура фашиста. Не задумываясь, Женя выпустил в него обойму. Фашист был убит, а с мальчиком случился нервный припадок.

Контуженный, раненый, Женя попал в госпиталь. В палате познакомился с краснофлотцами Волжской флотилии. Подружились. Сдержанные, внешне суровые люди обещали после выздоровления взять его на свой корабль. Не обманули. Снова ранение, госпиталь. Потом Женя поступил во флотский учебный отряд, где обучился сигнальному делу, служил на тральщике, участвовал в разминировании черноморских вод. Однажды у борта взорвалась мина. Женю контузило, выбросило за борт— с трудом его выловили моряки.

Жестокая память войны сказалась «болезнью Бехтерева»: в расцвете лет наступила полная неподвижность суставов...

Так воевали дети сорок первого, по

нынешним временам ученики пятых-шестых классов. Городские и деревенские. Подвижные и сообразительные. В разной степени начитанные, музыкальные, спортивные. Никто из них, встреченных мною, не учился в военном училище, не был знаком с воинским уставом. Но был поставлен перед фактом: «Отечество в опасности».

Круто изменила война судьбу несовершеннолетних граждан страны. Еще вчера они беззаботно гоняли мяч— канюлы-то в разгаре. И вдруг слезы на глазах мамы, собиравшей вещмешок отца. Прежде чем переступить порог, отец крепко прижал к груди сынишку, потрепал за плечи и, нащупав под майкой острые лопатки, с грустью подумал: «Ребенок еще»,— но сказал ободряюще: «Я скоро вернусь, сынок. Вот только врага разобьем. А ты маму береги— единственным в семье мужчиной остаешься».

Но после ухода на фронт отцов недолго оставались дома мальчишки. Саша Кочетов из белгородского села Коньшино, что под Старым Осколом, сразу после вторжения гитлеровцев пристал к нашим бойцам, двигавшимся к Сталинграду. Ему обязательно надо было поехать туда, где воевали отец и брат.

Случаются на фронте чудеса. Деревенский паренек, приставленный к лошадам, при переправе через осенние, студяные реки схватил воспаление легких и попал в тот самый госпиталь, где долечивался сапер Григорий Кочетов. Братья продолжили службу в саперном полку, мстили фашистам за гибель отца.

Беспощадная война не делала скидок на возраст. В бою однажды потери оказались настолько велики, что в атаку пошли саперы, а с ними Саша Кочетов, сын 74-го полка 7-й гвардейской армии.

— На меня бежал здоровенный фашист со штыком,— вспоминает Александр Дмитриевич.— Увернулся я не успел. Очнулся в госпитале. Надо мною склонилась медсестра: «Знаешь ли, что тебя спасло?»— протянула мою медаль «За оборону Сталинграда», искореженную вражеским штыком...

Раненый вторично, потерявший (к счастью, временно) речь, Саша всю ночь пролежал на морозе. Утром обнаружили его санитары, посчитали погибшим, пока не заметили широко раскрытые, просящие о помощи глаза. Мальчик вмерз в красный от крови лед. Чтобы высвободить прикованную к стальной земле, начиненную осколками его левую руку, санитарам пришлось вырубить кусок шинели...

Приравнял перо к штыку

Кто-то из посетителей музея обязательно скажет: «Не хотим, чтобы наши сыновья раньше срока надевали шинели».

Да, дети всегда остаются детьми. Тем, кто сам недосыпал в неполные пятнадцать лет, кто рыл окопы или сутками не выходил с завода, где тоже ковали победу, иной раз хочется отдать детям красивую, беззаботную жизнь, освободить от домашних нагрузок, от забот. Дети войны, так близко соприкасавшиеся с горем, бывали свидетелями гибели боевых командиров, старших товарищей. А теперь, случается, тринадцатилетнего человека не берут на похороны бабушки, дабы не причинить ему душевную травму... Иным родителям страшно даже себе признать, что вырастали в тепличных условиях эгоистов. Но боязно за таких дочек и сынков: выстоят ли, столкнувшись с жизненными невзгодами?!

Коля Печененко спешил жить. В партизанском отряде прошел курс начальной школы. После войны, окончив медицинское училище, работал фельдшером. Получил права шофера, без отрыва от производства с отличием окончил автодорожный институт. А в сорокалетнем возрасте Николаю Фомичу приш-

И ОЖИВАЮТ НА ЭКРАНЕ И НА СТЕНДАХ БЕССМЕРТНЫЕ ЮНЫЕ ГЕРОИ.

второй бомбы он упал в воронку, где засыпанный землей пролежал более суток. Двадцать пять дней мальчик скитался по лесам. Жизнь уходила из слабого тела. Однажды Коля не смог подняться...

По счастью, его обнаружил Петр Яковлевич Хижняков, комиссар партизанского отряда, и отнес найденца в сторожку лесника Евмена Ивановича Гончара. Терпеливая и ласковая Елена, лесникова дочь, с ложечки отпоила-откормила истощенного мальчишка. Не суждено, видно, сироте было погибнуть ни от дикого зверя, ни позже на виселице.

И вот в лазарете полностью парализованный маленький боец жалел об одном: не успел отомстить фашистам за гибель близких и сверстников.

От дум отвлеч шум. Услышал спокойный голос начальника медсанбата:

— Кто может держать в руках оружие, ложись в оборону. Гитлеровцы в лагере.

В то же мгновение с Колей произошло чудо: стресс вернул подвижность. Он выполз из землянки, увидел, как по косогору поднимались гитлеровцы. Перестрелка продолжалась. Рядом упал смертельно раненный партизан. Слабыми руками Коля дотянулся до его грана-

лет. Его солдатский путь начался двумя годами раньше, в сорок втором, под Ленинградом, куда добрался не с какой-нибудь соседней станции, а из далекого сибирского Ялуторовска.

Фамилию мальчик унаследовал от деда, выходца из поволжских немцев. В семье с детства внушали: каждый культурный человек должен знать несколько языков, быть начитанным, музыкальным. С малолетства Саша свободно говорил по-немецки, взахлеб читал, играл на всех инструментах. В двенадцать лет юный сибиряк собрался идти на защиту Отечества, уверенный: без его помощи не обойдется блокадный Ленинград. Дима Черкашин понял его с полуслова. Вместе оказались на берегу Невы неразлучные школьные приятели и старенький Сашин баян.

— Так, значит, сбежал от матери?— Полковник Николай Петрович Охман внимательно посмотрел в глаза беглеца.— Придется отправить обратно.

Ах, как нужен был Саше случай, чтобы отличиться. И судьба улыбнулась ему. В землянке, куда привели его танкисты, допрашивали пленного. Саша прислушался к диалогу, поправил неточности переводчика.

— Откуда у тебя такое знание чужого языка?— удивился командир.

лось отказаться от должности главного инженера авторемонтного завода: вновь жестоко напомнила о себе война. Не забылся черный день, когда остался дома без любимого дела и коллег. От неподвижности и одиночества стало невмоготу...

Как вовремя оказались рядом «фронтотвой отец» Петр Яковлевич Хижняков и Герой Советского Союза генерал в отставке Сергей Евдокимович Кузьмин, в прошлом начальник штаба (это его разведчики обнаружили в стое сена и «усыновили» Колю Печененко), подбодрили: «Держись, солдат, мы с тобой!» И он держится, даже когда отказали ноги и руки, когда его телом полностью овладел паралич.

— Пишу карандашом, зажатым в зубах,— извиняется за каллиграфию Николай Фомич.— У меня остался «единственный двигательный орган» — голова.

Карандашом, зажатым в зубах, Печененко написал повесть «Опаленное детство» и взялся за новую — о боевом генерале Кузьмине.

Остался Печененко в строю действующих: «Покуда верные собратья меня ведут в своем строю, в борьбе за жизнь я буду драться и славить Родину свою». Коллеги сделали ему специальное кресло, навесной столик устойчиво держит лист бумаги. Учительница-пенсионерка печатает на машинке его рукописи. Пioniеры около его кровати проводят сборы. Земляки заботятся, чтобы их любимый Микола не знал одиночества.

И Николай Фомич по-прежнему спешит жить. Утром ставит перед собой задачу: успеть сделать сегодня больше, чем вчера. Потому что для него понятия «жизнь» и «борьба» равнозначны.

«Мама Клара»

О каждом «сыне» или «дочке» болит материнское сердце. До сих пор Клара Александровна рядом с теми, кому особенно трудно. Вдруг приехала в Волгоград, помогала добиться переселения Евгения Лесникова в благоустроенную квартиру, а вернувшись в Курск, озадачила комсомольцев КЗТЗ. Сама не ожидала, как активно пройдет на заводе соревнование между молодежными бригадами за право зачислить Женю Лесникова почетным членом лучшей бригады. Не только почет и признание сыну полка: причитающаяся ему зарплата была заметным подспорьем к пенсии.

Но до обидного коротким оказался век Евгения Лесникова. Несгибаемый коммунист, как боец, окруженный врагами, до последнего дыхания боролся с недугами. Тринадцать лет пролежал с запрокинутой головой. С трудом выговаривал фразу за фразой, переводимые на язык магнитофона,— страницы будущей книги. Дождался-таки свою изданную в Волгограде повесть «На Смоленской тихо».

Переписка К. А. Рябовой с главным управлением кадров и Центральным архивом Министерства обороны СССР всегда приносит результат. Приведу лишь один пример. Как-то познакомилась она с документами Бори Дмитриева. В пятнадцать лет этот сын полка уничтожил на фронте четыре боевые машины врага, триста пятьдесят два гитлеровца, пленил фашиста.

Борис не предполагал о существовании Указа о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Возможно, какого-то бездушного человека смутила цифра «1930» — год рождения юного героя,— и он убрал Указ под сукно. И вот через тридцать шесть лет Борис Дмитриев узнал, что он Герой Советского Союза! С радостью встретили его в Курске, в музее «Юные защитники Родины», куда он приехал уже с Золотой Звездой на груди.

За что ни возьмется Клара Александровна, добьется своего. Сила обаяния ее настолько велика, что, общаясь с нею, невозможно не увлечься ее любимым делом. Это я испытала на себе. И горжусь, что ее заинтересовали раз-

сканные мною дети войны. Узнаю их фотографии на стендах музея. Вот Боря Новиков, в одиннадцать лет награжденный медалью «За отвагу», а в двенадцать — похороненный в братской могиле на Северо-Западном фронте (улица его имени появилась на родине Бориса — в верхневолжском Рыбинске); и дочь панфиловской дивизии Маша Макарова, в пятнадцать лет получившая орден Красной Звезды за восстановленную на передовой связь (после войны Мария Ивановна вернулась в легендарное Дубосеково, к братской могиле гвардейцев-панфиловцев, стала одной из лучших доярок в совхозе «Панфиловский»); и шестнадцатилетний партизан Толя Шумов из подмосковного села Осташево, посмертно награжденный орденом Ленина.

Тесновато стало в двух небольших залах и коридоре, сплошь занятых экспонатами. Рябовой приходится постоянно что-то придумывать, изобретать. Как ни кинь — все клин получается. Ликвидировали кладовочку, поставили вместо вынесенных шкафов дополнительные ряды стульев, так архив оказался на полу. Конечно, директору музея на общественных началах недоста-точно лишь доброго расположения директора Дворца культуры КЗТЗ Виктора Васильевича Нечаева, ребяг из заводского, районного и городского комитетов комсомола, активно помогающих вести поиск юных защитников Родины. Требуется более существенная и регулярная помощь.

Рассказываю секретарю парткома КЗТЗ Александру Владимировичу Маклакову о том, что по поручению Рябовой следопыты ежедневно отправляют десятки писем-запросов в разные концы Союза. Почтовые расходы, бумага, фотоматериалы, междугородные телефонные разговоры с «сынами» и «дочками», разбросанными по всей стране,— все это из пенсии Клары Александровны.

Внимательно выслушал меня Александр Владимирович, обещал наладить дело. И сразу же нашел контакт с сынами полка и юнгами, которые признали в партийном вожаке завода «своего парня, которого можно брать в разведку».

Четыре дня гостили на Курской земле «сыны» и «дочери» полка. Только за один день — 23 февраля — с ними встретились в музее, во Дворце культуры, в вечерней школе и техническом училище КЗТЗ более трех тысяч человек. В средней школе № 39 они провели уроки мужества одновременно в пятнадцати классах.

Блеск в ребячьих глазах. Перед ними — мальчишки и девчонки сороковых. Солидные люди с орденами и медалями на парадных костюмах, с незнакомыми нашивками за ранения. Сдержанные и немногословные, шумные и веселые — такие, какими уходили на фронт. Никто из них, пройдя суровые будни войны, не зачерствел душой, не ожесточился, не живет прошлой славой. Сегодня они роднее друг другу, чем кровные братья и сестры. Интересные собеседники и рассказчики. Пишут стихи, играют на музыкальных инструментах, публикуют книги. Михаил Корин, Геннадий Мусихин, Николай Щукин стали профессиональными артистами, Виталий Гузанов, Александр Подобед, Леонид Кузубов — литераторами.

Уезжали «братья» из Курска в один день. Долго стояла на перроне хрупкая женщина. Пока поезд не скрылся из виду, слышала нестройный хор голосов: «До свидания, мама Клара!» Смахивала наворачивающуюся слезу, вспоминала поэтические строки дочери полка, бывшей блокадной девочки Нины Сухопрудской: «Некогда собой заняться маме Кларе: у нее лишь тысяча детей».

Старушка, наблюдавшая сцену прощания, полюбопытствовала:

— Это все ваши сыновья? — и, не дожидаясь ответа, добавила: — Какая вы счастливая...

Курск — Москва

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 20 (1354) ОКТЯБРЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото
Ольги
ВОЛКОВОЙ.

Наша обложка:
чемпионка
Спартакиады
народов СССР
по художественной
гимнастике
Даля КУТКАЙТЕ.

- 1 «ТЫСЯЧА СЫНОВЕЙ». Фотоочерк Клары ХРОМОВОЙ и Сергея ВЕТРОВА.
- 4 «ВЫДВИНУТ КОМСОМОЛОМ». Фоторепортаж Павла ЕМЕЛИНА и Альберта ЛЕХМУСА.
- 8 Стихи Адама ШОГЕНЦУКОВА. Рассказ Александра ШАЛГАНОВА «ВЕРОЧКА».
- 12 «ГРАММАТИКА БОРОЗДЫ». Фоторепортаж Михаила ПЕТРОВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 14 «ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ».
- 16 Алексей КОРЗУХИН. «ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ ДЕБЮТА».
- 18 АВТОБИОГРАФИИ. Георгий ТОВСТОНОГОВ: «ВЕЧНЫЙ ДИАЛОГ».
- 20 ТВОЙ СОБЕСЕДНИК — ЧЕМПИОН. Ольга ВОЛКОВА. «ДАЛИНЫ ДАЛИ».
- 22 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 23 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 24 «...ДА ПЛАТ УЗОРНЫЙ ДО БРОВЕЙ». Фоторепортаж Марины КРАЙНЕЙ и Анатолия ИОЛИСА.
- 25 МИР КАПИТАЛА: МОЛОДЕЖЬ БЕЗ ПРАВ. Александр УРБАН. «ГОРЬКИЙ ХЛЕБ НА ЧУЖБИНЕ».
- 28 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «АНОНИМНЫЙ ЗАКАЗЧИК».
- 32 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ». Рассказы Михаила ЗОЩЕНКО.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СЛЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

Павел ЕМЕЛИН.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
 Специальные корреспонденты
 «Смены»

В вуктыльском аэропорту в клубах морозного воздуха, среди тулупов и малахаев мы сразу заметили коренастого, круглолицего молодого человека, одетого явно не по погоде, — в демисезонном пальто нараспашку, без шапки. Весь его молодцеватый вид как бы говорил: «Знай наших!» Тут было не хвастовство, не превосходство над окружающими, а та удал, с какой вызывают помериться силой или выходят в круг для лихой пляски.

«Это он, Зиняк», — догадались мы и обрадовались, точно старому знакомому. Таким примерно и представляли его по рассказам. В Сыктывкаре, в обкоме комсомола, нас предупредили: «Внешне, с первого взгляда, он может показаться... — секретарь обкома замаялся, подыскивая слово, — не совсем солидным, что ли».

И вот мы встретились с первым секретарем Вуктыльского райкома комсомола Ярославом Зиняком.

Утром ехали по шоссе, потом, проваливаясь в сугробах (намело за ночь), пробирались к проходной СП-2. Не станции «Северный полюс», а сборного пункта, или, правильнее, оперативно-производственной службы — ОПС.

Зиняк шел впереди, прокладывая путь. В зимней шапке, в том же распахнутом демисезонном пальто. Ветер обжигает лицо, руки, а ему ни о чем.

Стальные шлейфы, сплошное переплетение труб. СП-2 — это нулевой пикет газопровода «Сияние Севера», строительство которого в конце 60-х годов было Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Добровольцев, приехавших тогда на освоение Вуктыльского газоконденсатного месторождения, встречал боевой лозунг: «Вуктыл — не тыл, Вуктыл — передовая!» Сейчас Вуктыл за сутки дает около 50 миллионов кубометров газа. Приблизительно столько же «голубого топлива» потребляет за 24 часа Москва.

Здесь Зиняк почувствовал себя в своей родной стихии: он ведь как-никак инженер-газовик. Подошел к пульту, за которым сидел оператор Володя Карацупа, затем направился к начальнику цеха.

— Как дела, Валерий Николаевич?

Гурьянов, ровесник секретаря райкома комсомола, среднего роста, сухощавый, ответил с застенчивой улыбкой:

— Даем газку.

— Турбодетандер не барахлит? — Повернувшись ко мне, неспециалисту, Ярослав пояснил: — Интереснейшая установка. Для осушки газа. О ее применении на промысле я диплом писал.

— Установка работает, а вот мой тезка бежать собрался, — с горечью сказал Гурьянов.

— Кто? — Зиняк встрепенулся. — Валера? АLEXIN?

— Он самый. Говорил я с ним, думал, может, обидел кто его. Одно твердит: хочу домой. Заявление вчера принес. Вот почитай.

Ярослав взял неровно вырванный из тетради в клеточку листок. Вслух прочел: «Прошу уволить меня по собственному желанию, так как я хочу уехать домой».

УРОК ДАЕТ СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА.

СОМОЛОМ

— Сегодня Валерий работает?
— Последнюю ночь отдежурил. На выходные ушел.

— Поговорю с ним. Сегодня же.
В операторскую заглянул невысокий молодой человек при бороде, в телогрейке защитного цвета, на голове — темно-синий подшлемник с белыми тесемочками, словом, заправский северянин-газовик. Увидел Ярослава — просиял. Да и тот сразу повеселел.

— Игорь Стефинив, мастер, а также мой односельчанин и друг детства, — в шуточной манере представил вошедшего Зиняк.

— Односельчанин? Какими судьбами здесь?
— Да вот он привез, — хитро улыбаясь, Игорь кивнул на Ярослава.

Летом 1974 года друзья встретились не в родном селе, а совершенно случайно в аэропорту Ивано-Франковска. Ярослав возвращался в Вуктыл из отпуска, а Игорь с дипломом нефтяного техникума в кармане держал путь к месту распределения — в Полтаву.

— Зачем тебе туда? — удивился Зиняк. — Поедем в Вуктыл.

— Холодно там, — отшутился Игорь.

— Будешь работать — не замерзнешь. — Ярослав говорил серьезно и не думал отступать. — У нас такое закручивается!.. — горячо продолжал он. — Люди нужны. А тебе, молодому специалисту, цены не будет. В министерство мы напишем, чтобы распределение изменили...

Вылет самолетов задерживался. Время для беседы у них было. Доводы друга показались Игорю убедительными, но он все еще колебался. Объявили посадку.

— Ну так как — едешь или нет? — твердо спросил Зиняк.

— А как же мой билет?
— Чудак! — Ярослав засмеялся. — Судьба решается, а ты «билет». Дай-ка его сюда.

Подчиняясь властному тону, Игорь протянул вчетверо сложенную бумажку. Ярослав спокойно развернул ее, словно хотел убедиться, то ли ему дали. Затем так же спокойно разорвал билет на четыре части и выбросил в урну. Игорь на какую-то секунду остолбенел от неожиданности, потом махнул рукой:

— А-а... была не была! Едем.
Судя по дружеской встрече в операторской, о том «акте насилия» Игорь не жалеет.

Весь день у Зиняка не выходило из головы заявление Валерия Алексина. «Прошу уволить по собственному желанию, потому что хочу...» Надо же такое написать!

...В красный уголок общежития, где собрались приехавшие пэтэушники, Зиняк пришел с Володей Сазоновым. Ребята даже рты раскрыли, когда первый секретарь райкома комсомола представил им этого веселого кудрявого крепыша: делегат XIX съезда, член ЦК ВЛКСМ, лауреат премии Ленинского комсомола. А работает, как и многие из них, оператором на СП.

Володя рассказал о съезде комсомола. Говорил

интересно: еще бы! — столько встреч со знаменитыми людьми, столько проблем. Закончил выступление и совсем по-свойски спросил:

— Как там наш Майкоп? Да не смотрите вы на меня как на чудо какое — я ведь тоже пятое ПТУ кончал. Однокашники мы с вами. Вот и здесь, в Вуктыле, из одного котла хлебать будем...

— Тут похлебаешь, — сказал кто-то с ехидцей. — Утром умыться нечем...

— А то кипяток идет вместо холодной воды, — подхватил другой.

— Пиджак повесить не на что...

— Восемь человек в комнате. Разве это правильно?

Поднялся Зиняк. Улыбаясь, оглядел собравшихся. Голоса смолкли.

— Кому вы жалуетесь, казаки? — весело спросил секретарь. — Володя сам в этом общежитии живет. Между прочим, у него недавно второй сын родился. — Выдержав паузу, продолжил уже другим тоном: — Давайте спокойно, без паники разберемся, где неполадки, а где неполадки, которые за день не поправишь. Согласен, восемь человек в комнате — не дело. Сегодня попробуем это уладить. А вот с водой труднее. Строится водовод, чистейшая водичка скоро придет из Подчерья. Пока же... — Ярослав развел руками.

Прошли по комнатам, посмотрели, кто как устроился. В одной комнате над кроватью Зиняк увидел не казенное полотенце, а настоящий рушник. Рядом, безучастно смотря на гостей серыми грустными глазами, стоял худой белобрысый паренек.

— Мама вышивала? — Ярослав потрогал узор.

— Мама. — Паренек чуть заметно улыбнулся. Это и был Валера Алексин.

Через неделю Зиняк встретил его на улице. Шли не торопясь. Ярослав рассказал, как сам приехал сюда десять лет назад, после окончания Дрогобычского нефтяного техникума. Как его мама, сельская труженица, не выезжавшая дальше Ивано-Франковска, провожала сына до Москвы.

— Видишь здание? — спросил Зиняк.

Валерий хмыкнул: обычное здание, что в нем интересного?

— Правильно, поликлиника. — Ярослав легко обнял Валеру за плечи. — А раньше здесь было общежитие. Во-он мое окошечко! Представляешь, стоял тогда только этот пятиэтажный дом, а вокруг ели и кедры. На танцы пойти некуда. Танцевали в фойе. А чтобы не толкаться, расписывали время по этажам.

— А в бассейне был? — все более увлекаясь, спрашивал Зиняк. — Сами строили. Слушай, может, ты на чем-то играешь или поешь? В Вуктыле ни один талант не пропадает, точно тебе говорю. Город ведь небольшой, всех видно...

— Мама моя хорошо пела, — как-то отрешенно сказал Валера.

— Что значит «пела»? — не понял Зиняк. — Прости, она что...

— Замуж она вышла, — отчеканил парень и добавил: — Мне пора. На смену скоро.

Ярослав догадался, что задел больное место парнишки.

— Заходи как-нибудь, — сказал он на прощание Валере. — Знаешь, где я живу? Или прямо в райком. Договорились?

— Спасибо, — поблагодарил Алексин и зашагал к общежитию.

Больше с тех пор они не встречались. Ярослава закружили дела, а Валерий... не приходил ни домой, ни в райком. А может, приходил?

«Газик» подкатил к райкому.

— Толя, через час едем в Дутово.

Зиняк еще не вошел в кабинет, как был в расстегнутом пальто, так и стоял в тесноватой

приемной, вмиг ставшей для работников райкома центром притяжения.

— Ярослав Степанович, звонили из Дутова...

— Ярослав, надо посоветоваться...

— Завтра в райкоме партии совещание по Соплесску...

Из каждой информации Ярослав тут же выхватывал то единственное, главное слово, из которого становилось сразу ясно, что от него требуется.

Сейчас самым важным из того, что он услышал в приемной, был Соплесск, вернее, Западно-Соплесское месторождение. Новая работа Вуктыла. Пласт основного месторождения истощается, все труднее поддерживать годовую добычу газа и конденсата на высокой плановой отметке. Поэтому ведется геологоразведка «второго дна» Вуктыла: пробурено несколько скважин на две тысячи метров ниже эксплуатируемого пласта. Первые результаты обнадеживают, но промышленное освоение — это вопрос будущего. Сегодня же палочка — вырубалочка — Западно-Соплесск.

Вуктыльский райком комсомола создал штаб стройки. В Соплесск направлены лучшие комсомольско-молодежные коллективы буровиков, строителей, газовиков. Правда, плотников-бетонщиков задержала авария на третьей компрессорной станции, но за Володю Никифорова и его парней Зиняк спокоен: они свое наверстают. Люда Жигулович, комсорг треста «Вуктылстрой», была вчера у них на политзанятиях. Говорили, конечно, и о Соплеске. Ребята за вахтовый метод — летать туда на вертолете, а на выходные возвращаться домой, в Вуктыл. Их можно понять: не хочется надолго отрываться от семей. «Завтра на совещании скажу об этом». Зиняк открыл синенький блокнот-ежедневник, записал: «З.-Соплесск. Бригада Никифорова. Семья».

Так, ну а как дела в Дутове? Алла, поди, волнуется: сегодня ее слушают на заседании парткома. Пора бы уже руководству леспромхоза найти общий язык с комитетом комсомола, особенно после того случая...

На собрании районного комсомольского актива не было дутовских комсомольцев. Зиняк позвонил Алле Скрышник:

— В чем дело?

— Не могли приехать.

— Это не ответ, Алла. Объясни толком.

Молчание. Вдруг в трубке послышался всхлипывания.

— Алла, что с тобой? Ты плачешь?

— Не могу больше, — сквозь слезы выговорила девушка. — Переизбирайте меня.

Оказалось, что работу комсомольскому секретарю осложняет... директор леспромхоза. Хозяйство большое, и, чтобы попасть на отдаленные лесопункты, нужен транспорт. Каждая просьба об этом превращалась для Аллы в пытку.

Сегодня на парткоме Зиняк, уж будьте уверены, скажет свое слово.

В кабинет вошли Иван Озаркив, второй секретарь, и Володя Журбин, завор. Ярослав знает, как достается им в эти дни: пленум на носу. Кроме текущих дел, готовят доклад.

— Что, орлы, упарились? — Зиняк старается шуткой поддержать товарищей. — Ничего, возьмем и эту высоту.

Подсев поближе к ребятам, Ярослав стал смотреть наброски доклада. Чтение прервал телефонный звонок.

— Помочь с билетами? Нет, не могу, через полчаса уезжаю в Дутово. Нельзя же в конце концов так — существует предварительная продажа.

— Опять из школы. — Зиняк сокрушенно качает головой. Иван и Володя, понимающе переглянувшись, улыбаются.

— Новую телеграмму министру давать? — Жур-

**«МОЛОДЦЫ, ДЕВЧАТА!»
ПОСЛЕ КОНЦЕРТА
В СЕЛЬСКОМ КЛУБЕ.**

**«НУ ЧТО,
ТАК И ЗАПИШЕМ?..»**

**САМЫМ ТЩАТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ,
С КАРАНДАШОМ В РУКЕ, ЧИТАЕТ ЯРОСЛАВ ЗИНЯК
КАЖДЫЙ НОМЕР «ПРАВДЫ».**

**НА ТРАССЕ ГАЗОПРОВОДА
СОПЛЕССК — ВУКТЫЛ.**

бин, скрывая улыбку, пощипывает свои белесые усы.

Сейчас, конечно, можно и посмеяться, а тогда было не до шуток. Старшеклассники сидели в райкоме на чемоданах, и каждый раз, проходя мимо них, Ярослав прятал глаза. Хотя его ли это вина?

Школьники, отличившиеся на уборке турнепса в совхозе «Вуктыльский», должны были поехать в Москву. Заранее как будто все обговорили: путевки достает райком комсомола, билеты на поезд — школа. Но с билетами вышла загвоздка, и неудивительно: начало ноября, канун праздников. Райсполком послал телеграмму начальнику управления Северной железной дороги — ответа не последовало. Конечно, можно было развести руками, обвинив во всем нерасторопных педагогов. Но как объяснить ребятам?..

Зиняк дал телеграмму министру путей сообщения СССР. Через день пришел ответ: школьникам выделены два дополнительных вагона. Теперь можно было смело смотреть ребятам в глаза.

Вернулся к докладу.

— Основа неплохая. — Ярослав перелистывал страницы. — Только, по-моему, надо больше уделить внимания комсомольско-молодежным коллективам и укреплению трудовой дисциплины. Пусть выступит бригадир буровиков из Соплеска Андрей Кириллов. Помните, к нему пришли ребята из другой бригады, где возник конфликт между комсоргом и... — Ярослав назвал фамилию известного в Вуктыле бригадира. — Конфликт не личный. Его уроки — вот тема для выступления.

На дисциплину Зиняк обращает внимание райкомовцев, разумеется, не ради того, чтобы лишним раз щегольнуть модным словом. Не о словах, о деле он печется. Ярослав не понаслышке знает, к чему ведут прогулы, нарушения технологического режима. В прошлом году только из-за аварий на буровых потеряно более трех тысяч метров проходки, нанесен ущерб в 60 тысяч рублей. И так вот, конкретно, с цифрами в руках, он может сказать о недостатках в работе строителей, газовиков, лесозаготовителей.

Ярослав выглянул в окно. «Газик» уже стоял у крыльца. Пора ехать.

Алла задалась секретаря райкома: чувствовалось, что ей нужна сейчас не столько его помощь, сколько моральная поддержка. К началу заседания она справилась со своим волнением и, когда ей представили слово, говорила внятно, уверенно. Вопросы к Скрыпник было немного. Секретарь парткома обратился к директору:

— Вы что-нибудь добавите?

— О чем говорить? — Директор разглядывал кончик своего галстука. — Особого проку от нашей комсомольской организации я не вижу.

— Разрешите? — попросил слово секретарь райкома ВЛКСМ. Ярослав выложил все, что думал об администраторах, которые вместо помощи комсомольским активистам вставляют палки в колеса; напомнил и о фокусах с транспортом. Разве это нормальные отношения с комсомольским вожаком, за которым стоят 320 человек?

— А возьмите организацию труда молодых. — Ярослав резко рубанул воздух своей широкой ладонью. — Сколько раз и комитет комсомола и райком пытались организовать комсомольско-молодежные бригады! Работа комсомольцев на вывозке древесины доказала, что дело это стоящее. Чем помогла администрация? Наблюдала со стороны...

— Вы не очень-то горячитесь, товарищ Зиняк, — прервал его директор. — Позвольте нам, специалистам, решать хозяйственные проблемы.

— В том-то и дело, товарищ директор, — в тон ему

ответил Ярослав, — что эти проблемы решаются не только специалистами, но всеми членами коллектива, в том числе и молодыми людьми, у которых есть свои запросы, свои интересы.

Из Дутова возвращались, когда уже стемнело. — Придется этот разговор с директором продолжить, — вслух размышлял Зиняк. — А вообще надо признаться, мало бываем в первичных. Бездрожье — не оправдание. Цель-то у нас — дойти до каждого, а без постоянных встреч это хоть и громкие, но пустые слова.

Шестидесят километров туда, шестидесят обратно — все-таки утомительно. Но, вернувшись в райком, Зиняк вновь взялся за доклад: пленум не за горами.

В дверь кто-то постучал. В кабинет вошла девушка в простеньком коричневом платье, похожем на школьную форму.

— Здравствуйте, я к вам. Насчет жилья. — В голосе ее слышались неуверенность и робость.

Люба, так звали девушку, работает кондуктором на автобусе, недавно вышла замуж. Познакомились в другом городе. Володя предлагал там и остаться: у него интересная работа, а в просторной родительской квартире хватало бы места и для новой семьи. Но как ей оставаться? Здесь мать, младшие сестренки, братишка — Люба самая старшая. Отец есть, но от него помощи ждать нечего — пьет.

— Мне сказали: иди к Зиняку, он поможет.

— Кто сказал? — спросил Ярослав.

— Ребята, шоферы. Если уж вы откажете, то я не знаю, что делать.

Люба опустила голову, машинально разглаживала складки своего платья.

— А в автохозяйство, в райисполком обращаться?

— Была и там, — не поднимая головы, ответила девушка. — Говорят, ждите. А сколько ждать? Володя, муж мой, хочет вернуться к родителям, надоела ему такая жизнь...

Ярослав вышел из-за стола и зашагал взад-вперед по кабинету. Как помочь? В городе с жильем крайне сложно. Более семи тысяч человек живут в вагончиках, в бараках. А сколько в общежитиях...

Но общими проблемами не отгородиться от конкретной человеческой судьбы. Вот она, перед тобой, нескладная, неустроенная. Неужто ничего нельзя сделать?

— Оставьте свой адрес, Люба. Что-нибудь придумаем. — Зиняк ободряюще улыбнулся.

Разным профессиям сродни работа комсомольского секретаря. Если говорить о Зиняке, то он мог бы быть прекрасным врачом, а еще — спасателем на водах. Ведь, как спасатель, он всегда начеку, готов прийти на помощь по первому зову. А кто-то и сам приходит в райком. С бедой, как с застарелой болезнью, часто идут не к любому лекарю, а к тому, который вылечивает. Так и о хорошем секретаре райкома комсомола, как о хорошем враче, молва разносится быстро. Люба, что приходила к Зиняку с просьбой о жилье, узнала о его умении выслушать человека, проникнуться чужой бедой от ребят-водителей, а мы слышали об этом от многих молодых, и не только молодых, вуктыльцев.

Ну, а чем же закончилась история с Любой? Через неделю молодоженам нашли половину вагончика. Конечно, не бог весть какое жилье, но главное — свой угол, что и нужно было для сохранения семьи.

В тот день Ярослав уходил из райкома последним. Уже и в коридоре свет погасили. Однако направился он не домой, а в общежитие.

Валера Алексин сидел за столом в одиночестве и писал письмо.

Комната выглядела неуютно от обшарпанной

мебели, наклеенных на стену картинок из разных журналов, от небрежно заправленной постели, лампочки без плафона... Когда Ярослав сказал об этом Валере, тот с некоторым вызовом ответил:

— А зачем нам уют? Одним скоро в армию, а другим... — и осекся.

Зиняк сделал вид, что ничего не понял. Подошел к окну.

— Какой отсюда Вуктыл красивый! Огней-то сколько! — Повернувшись к пареньку, спросил, словно продолжая прерванный разговор: — Что из дома пишут, Валера?

Алексин ответил не сразу.

— Уехать я хочу, Ярослав Степанович. Не привыкну здесь. И мама скучает...

— Помнится, ты говорил, что твоя мама... — осторожно начал Ярослав.

— ...Замуж вышла? — живо продолжил паренек. — Да, за дядю Мишу. Я его знаю, он хирург в больнице, где мама работает. Я раньше злился на нее — ведь мы с мамой давно вдвоем живем. Но один человек... девушка, в общем, мне все объяснила. Я понял, каким эгоистом был. Мама ведь у меня нестарая. Хотите, я вам ее фотокарточку покажу?

— Прямо как артистка Доронина, — сказал Ярослав.

— Правда, похожа? Мама тоже стихи читает на вечерах. Лермонтова очень любит. Она у меня жуткая общевенища.

— А вот моя мама умерла, — тихо сказал Ярослав. — Летом был в отпуске. Ни на шаг от меня не отходила. Приезжаю сюда, а через неделю — телеграмма...

Помолчали.

— Ярослав Степанович, — вдруг горячо заговорил Валерий, — хотите, я останусь? Я ведь понимаю, вас ругать будут за то, что я еду. Я маме напишу, она подождет...

— Ничего ты не понял, — с горькой усмешкой сказал Зиняк. — Говоришь, мама скучает? Конечно. На то она и мама. Но ведь она ждет тебя честным человеком, а ты?.. «Гарун бежал быстрее лани» — так ведь получается, да?

И опять, как недавно в райкомовском кабинете, Ярослав зашагал взад-вперед по комнате.

— Посмотри, какие люди вместе с тобой работают! Володя Сазонова ты знаешь. А Иван Артельный? Лауреат премии Ленинского комсомола. Тоже, между прочим, Майкопское училище заканчивал. А хочешь, познакомлю тебя с Ильгизаром Галикевичем? Вот герой! Сквжина начала «сифонить», он побегал привенторную задвижку закрывать — и тут взрыв. В больнице я его еле узнал — весь в бинтах. И слезы на глазах. Я его успокаиваю: тебя, мол, лучшие врачи лечить будут. А он показывает перебинтованные руки. «Мне, — говорит, — в партию скоро вступать. Как же я теперь напишу заявление?»

— А где он сейчас? — переводя дыхание, спросил Валерий.

— Как где? Здесь, в Вуктыле. Работает, в институте заочно учится. Выше голову, ты же вуктылец.

Прошло два месяца. Ярослава вызвали в райком партии.

Иван Федорович Кортошкин, первый секретарь райкома, низко склонившись над столом, что-то быстро писал. На секунду оторвался от листа, показал на кресло. По его взгляду Ярослав понял, что разговор будет серьезный.

— Есть мнение рекомендовать тебя секретарем парткома в трест «Вуктылстрой», — без всяких предисловий сказал Кортошкин.

Зиняк поначалу даже растерялся. Если честно, этого момента он ждал, понимал: комсомольская

ПОРА СЕНОКОСНАЯ...

6 СМЕНА

У СЫНА ПАВЛУШИ СЕГОДНЯ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

ВСЕГДА С ЛЮДЬМИ — ТАКАЯ РАБОТА.

ОКОНЧИЛСЯ ЕЩЕ ОДИН РАБОЧИЙ ДЕНЬ СЕКРЕТАРЯ ПАРТКОМА. НАДО ОЦЕНИТЬ СДЕЛАННОЕ, НАМЕТИТЬ ПЛАНЫ НА ЗАВТРА.

биография не бесконечна, но уж никак не думал, что именно сейчас все решится.

— Я же газовик, а не строитель...— возразил было.

— Мы тебя не прорабом рекомендуем,— прервал его Кртошкин.— Положение в тресте тебе известно. Там нужен боевой, принципиальный партийный руководитель. Твоя кандидатура одобрена обкомом партии.— И, уже улыбаясь, добавил:— Верим в тебя, Ярослав.

Конечно, положение в тресте Зиняку было известно, но больше со стороны, а не изнутри. «Вуктылстрой» — одна из крупнейших в Коми АССР строительных организаций.

— Как новая работа?— спросили мы Ярослава, когда снова приехали в Вуктыл.

— Нормально. Песок от цемента уже отличаю,— с неизменной улыбкой ответил Зиняк.

Он верен себе: не может без шутки. Не виделся с ним несколько месяцев, а такое ощущение, что расстались лишь вчера. Внешне Ярослав почти не изменился, такой же молодцеватый, неутомимый. Похудел, кажется, немного да загорел. Под солнцем чаще приходилось бывать не на пляже, а на стройплощадках. По давней комсомольской привычке новый секретарь парткома знакомился с людьми на их рабочих местах.

В первый же день Зиняк сам снял висевшую на двери кабинета табличку с указанием часов приема по личным вопросам. «В партком люди могут приходить в любое время, когда им нужно»,— рассудил.

Так и получилось: сюда шли с предложениями, за советом и помощью.

Начальник участка, немолодой, в ватнике, пришел прямо с площадки, волнуясь, перескакивая с одного на другое, просил ускорить монтаж на строительстве жилого дома. А то ведь плотники и штукатуры сидят без дела.

Сказал об этом руководству своего СМУ — не помогло. Пришлось секретарю парткома вникать в причины. А потом рассмотрели вопрос на заседании парткома. В итоге — дом ввели в срок, 79 семей получили благоустроенное жилье.

Дом сдали, зато ранняя и затяжная весна помешала развернуться работам на Западно-Соплесском месторождении. Болота, слякоть, техника тонет. А тут еще сюрприз: при испытании газопровода лопнула труба. Прорыв, по закону подлости, обнаружился в самом гиблом месте — в устье ручья.

Зиняк прилетел туда с главным инженером треста. Спрыгнул со ступеньки вертолета на сырой песок и зашагал к костру, у которого сгрудились ребята из бригады Кораблева.

— Как с питанием?— поздоровавшись со всеми, поинтересовался Зиняк.

— Тушенка. Приелась уже.

— Курево кончается, это похуже,— сказал интеллигентного вида парень в роговых очках, в штурмовке. Володя Деревянко. К нему у секретаря парткома особый разговор. Молодого изолировщика скоро будут принимать в партию. Нужна комсомольская рекомендация. Ведь Деревянко — член бюро ВЛКСМ в своем СУ-18, отвечает за производственный сектор.

— Запомни, Володя,— сказал ему Зиняк,— самой лучшей рекомендацией тебе будет ваш труд на прорыве. Здесь сейчас самая горячая точка...

Вернулись в Вуктыл. Ярослав «стрельнул» папироску у знакомого буровика, ожидавшего вертолет. Свои сигареты он оставил ребятам у костра.

С питанием решилось все оперативно.

Вопрос этот держал на контроле секретарь парткома, хотя, по идее, это забота начальника СУ и его заместителя по быту. Однако по своему опыту Зиняк знал: некоторые хозяйственники больше занимаются «железками», забывая порой о первейших нуждах людей. Зимой, когда вели газопровод (Ярослав тогда работал еще в райкоме комсомола), экскаваторщики ходили на обед за три километра. В мороз, по глубокому снегу. А ведь куда лучше подвозить пищу прямо на рабочее место. И машины бы подолгу не простаивали, и люди, чувствуя заботу о себе, работали бы с настроением. Но до руководителей СУ эти простые истины дошли лишь после того, как на их недостатки указал партком треста.

Такие «мелочи» ему, молодому партийному работнику, прошедшему хорошую комсомольскую школу, бросаются в глаза. А кое-кто с ними уже свыкся. С приходом нового секретаря эти привычки придется им менять.

...Вечером, дома, когда отступают дневные заботы, Ярослав частенько включает магнитофон, который на прощание подарили ему друзья-комсомольцы. Слушает их голоса, мысленно представляет себе знакомые, родные лица и тихо подпевает записанной на пленку песне:

— Комсомол не просто возраст, комсомол — моя судьба.

Адам ШОГЕНЦУКОВ

Весенняя сила человека

Отсветом кизила заалело снова
Утро над лучистой горною грядой.
Девичья улыбка неба молодого,
Как земля, омыта чистою росой.

Звезды в поднебесье закрывают очи,
А Баксан не дремлет им наперекор,
И к нему шагает человек рабочий,
Сердцем и глазами видящий простор.

Человек рабочий,
Он — хозяин гордый,
У него на редкость сила велика.
Делает он звонче
Песню речки горной,
И поля он вдоль поит и луга.

Он — всему опора,
Он — ваятель мудрый,
Он земле дарует радость и покой.
Кажется, и горы,
И Баксан, и утро
Созданы рабочей мирною рукой.
Кажется,
и солнце блещет новым светом,
Словно он и солнцу проторил пути,
Силою весенней обновил планету
И еще поможет
Садом расцвести.

Пусть и немало я в жизни изведаль,
Пусть и досрочно пришла седина,
В сердце моем и в стихе неизменна
Та же горячность и стать скакуна.

Конница мыслей летит чередом,
К цели высокой летит напрямик.
Не расставаясь с мечтой молодой,
Радостью плещет душевный родник.

На седину не глядите вы, люди,
Будто на старость.
Седины не в счет:
Сердце по-прежнему
пламенно любит,
Нежностью той же
С надеждой живет.

Всякий раз...

Когда стихи слагаю,
Не до шуток:
Прокладываю траверсы мечте,
Шагаю
Непроложенным маршрутом
К еще никем не взятой высоте.

По крутизне открытия отвесной
Иду в ночи,
Иду, забыв покой...
Вдруг всплеск души
Над откровенья бездной!
И, кажется, вершина предо мной.

Но вслед за показавшейся вершиной
Уже вершина новая встает.
И напряженья ток неудержимо
Меня огнем мороза обдает.

Пусть — неизведанности ледники,
Пусть сбита
Вся в кровь душа,
Но нет счастливей дней:
Живешь
вершинным воздухом открытий,
И целый мир становится видней.

Не из легенды и не из сказанья
Досталась мне земля моих отцов.
Ее вручили,
Как вручают знамя,
Овеянное славою боев.

Октябрьской революции солдаты
Огонь вдохнули в наши очаги.
Их помыслы отважные
Крылаты
И, как вершины наши,
Высоки.

И, на ноги встав твердо,
Верным сыном
Дорогой восхождения я шел.
И с высотой земли моей любимой
Сам высоту свободы
Я обрел.

Свободу эту
И Кремля седины
Я защищал в труде
И на войне
Наедине и с долгом гражданина
И с совестью своей наедине.

Когда пришли солдатами
К Победе,
Я эту землю,
Не жалея сил,
Омолодил
Счастливым многоцветьем
И горестные раны залечил.

И за нее, священную, в ответе,
Я пел ей, слава отчие края...
Пусть песнь моя
Земле любимой светит,
Когда уже погаснет
Жизнь моя.

Круговая чаша

Юность исчезает,
как весны щедроты,
Отгорают молодость,
как июльский зной.
Так повелевает таинство природы:
Все течет,
меняется в мире под луной.

И зима суровая кажется всесильной:
В лед преобразует полноводье рек.
Но она стареет под весенней синью,
И слезами мутными истекает снег.

Я зимой не сгину,
огрызаясь ветром
И грозя морозом
Ночи напролет.
Нет, мое живое, трудовое лето,
Как зерно раздумий,
Колосом взойдет.

То, что даст мой колос,
Людам пригодится,
Верю, сохранится
в судьбах и сердцах:
Ведь для вас мой голос,
И для вас страницы,
И для вас
суровой нежности размах.

Я пою негромко,
Но, как все, ликую
И, как все, тоскую,
Правду не таю.
Братьям и потомкам
Чашу круговую —
Песню молодую я передаю.

Перевел с балкарского Борис ДУБРОВИН.

Впрочем, городок был неплох. Особенно приглянулась ей набережная, круто вознесенная над рекой. От набережной спешила вниз широкая улица, вливаясь в шумную сумятицу центра. Город, как и положено, гордился своей историей, начавшейся еще во времена казачества, охранявшего рубежи России от опасного степного соседства, и вобравшей в себя немало лихих смут, не раз качавших престол. Сохранилось, и довольно много, старинных купеческих построек, и по сию пору старающихся пережегоять друг друга витиеватостью пилястров, замысловатой лепкой карнизов, вязью чугунных оград. Город прошлому не хотел уступать ничем: разрастались новые микрорайоны, модничал современной архитектурой торговый центр.

Словом, можно было считать, что ей повезло. Согласившись на это место просто так, просто потому, что было все равно, куда распределяться, раз не удалось зацепиться в Москве, она неожиданно для себя сделала удачный выбор. К тому же город, если и не по облику, то по укладу, по духу, мало чем отличался от родного ей Свердловска.

В школе она повела две параллели — два пятых и два шестых класса. Но хорошо еще, что не нагрозили продленным днем, так что после уроков она была свободна. Хотя какая там воля — еле-еле успеть прописать диктанты, тетрадки с домашними заданиями, подготовиться к завтрашним занятиям. К полуночи пухла голова, и с непривычки резало глаза, но в этой усталости было и свое приятство: наконец-то за спиной никто не стоял, не поправлял, не поучал. Вот только мужчин в школе не было. То есть были: один физик и один географ — обоим далеко за тридцать, и женаты к тому же, так какие же это мужчины?

ВЕРОЧКА

Столичным дипломом она не размахивала. Она даже попросилась на урок к двум преподавателям, выбрав, правда, не самых интересных, а самых самолюбивых. Таким образом, уже через несколько месяцев Вера из Веры Васильевны превратилась в Верочку, и молодой состав педколлектива вынес в кулуарах решение: незаносчива и, несмотря на столичную подготовку, человек свойский.

Отдельной квартиры ей, конечно, не дали, прописали в комнате. Квартиру все-таки обещали года через три, но и эта комнатка радовала ее, поскольку была первым по-настоящему своим домом. И вскоре к ней стали заглядывать — посидеть, поболтать о школьных проблемах. Верочка, привыкнув за пять лет учебы к тесной жизни студенческого общежития, не возражала, ей было даже приятно. Тем более нравилась ей незнакомая роль хозяйки. Лыстило также внимание, с каким выслушивают ее замечания о литературной и театральной жизни столицы.

Ближе всего она сошлась с Олей, преподавателем начальных классов. Та открыто и непритворно восхищалась своей новой подругой. Оля ни разу не выезжала из своего родного города, поэтому Верочке не приходилось искать повода, чтобы поговорить о Москве.

Новый год они решили встретить вместе. За неделю до праздника Оля с таинственным видом сообщила, что Павлик, с которым она собиралась прийти, просит разрешения привести приятеля. Верочка как можно равнодушнее пожала плечами и дала согласие.

Тридцать первого Верочка вдруг запаниковала. Комната, которой она втайне гордилась, показалась внезапно убогой, торшер — слишком вызывающим, а привезенная из Москвы копия Матисса — просто снобистской. Она вдруг со страхом вспомнила, что, кажется, кончился сахар, помчалась на кухню, стала лихорадочно рыться в шкафчике и только потом обнаружила, что полпакета стоит на столе. Верочка разозлилась. Она вернулась в комнату, вызывающе повесила Матисса на место. Изысканное новогоднее блюдо, для которого она сумела достать почти все компоненты, опростилось в ее голове до тривиальной утки с картошкой, и, только совершив этот «акт мести», Верочка успокоилась.

Она задумалась о том, как себя преподнести. Вопрос был сложный: с одной стороны, Верочке, конечно, хотелось указать мужчинам на их место, представ перед ними во всем великолепии столичного блеска, но с другой... Не поймут ли они это так, что дистанция непреодолима? Верочка уже начинала жалостливо улыбаться, загодя чувствуя робость и потеряность того, второго, Павликова приятеля. В конце концов она благородно решила быть снисходительной, лишь в самом начале дать понять, какая она, а потом вести себя попроще и даже, может быть, взять под свою опеку Павликова друга, если тот уж слишком растеряется.

Утка Верочке удалась, как удался ей и первый, прикидочный театральный разговор. Она в нескольких умелых фразах показала свою осведомленность о нащумевших постановках московских театров. Приятель же Павлика оказался человеком далеко не робким. Даже безотказное прежде средство — строгие замечания по поводу ударений, которые он в силу местного диалекта ставил неправильно — результата не возымело: Володя безмятежно улыбался и разводил руками: «Я же инженер, технар... Но запомню». Ничуть не таясь и не смущаясь, он ухаживал за ней, вызвался помочь на кухне, отобрав у Оли передник. Верочка готова была рассердиться и непременно рассердилась бы... Но он так откровенно одобрял ее вкус и, открывая консервы, так заинтересованно спрашивал ее мнение по поводу последних литературных произведений, что Верочка решила его простить.

Новый год встретили хорошо. Расставаясь, говорили о том, что теперь обязательно будут встречаться вчетвером. «И вчетвером», — уточнил Володя и попросил телефон. Верочка к тому времени успела обидеться, поскольку ждала, что он возьмет телефон, когда они оставались вдвоем в комнате. Но номер свой продиктовала, сказав, правда, что очень занята.

Они стали встречаться. Как оказалось, Володя совершенно не умел ухаживать. Ну, например, ему было недоступно понимание того, что Верочка — человек сложный. Вместо того, чтобы присмотреться, понять, почему она сегодня по-особому задумчива, он пытал ее, не случилось ли чего на работе.

Однажды он достал билеты в театр. Верочка нехотя согласилась. Возвращаясь домой, она раздраженно молчала, слушая его рассуждения о постановке. И уж совсем покорило ее то, что, оказывается, Володя пересмотрел почти весь репертуар. Когда же он стал спрашивать ее мнение, Верочка, желая оборвать разговор, холодно сообщила, что эту пьесу видела в театре Маяковского. «Тем более интересно!» — сказал Володя. В этот раз рассталась она с ним очень сухо.

...В школе Верочку окончательно приняли. Это стало ясно хотя бы потому, что ее фамилия зазвучала на педсоветах. Коллектив здесь подобрался сильный, в учительской частенько разгорались дискуссии, преподаватели обменивались периодическими журналами, методическими пособиями, бывали друг у друга на уроках. Заглядывали, естественно, и к Верочке. Это ее не пугало, ей было что показать. Работа Верочке действительно нравилась. Впрочем, много она не ждала. Институт ведь выбирала сама, без советов, семейных обсуждений и колебаний. На практику шла с дрожью и нетерпением, но уже после первых двух уроков успокоилась, ощутив, что легко владеет классом. Это заметила и методист, стала требовать от нее все более сложных, современных разработок урока. Верочка не запросила пощады, знала что все это ей пригодится. Из института она, по словам методиста, вышла неплохо вооруженной.

В школе это тоже почувствовали. Завуч, добрейшая Ирина Васильевна, прилагавшая максимум усилий, чтобы казаться суровой, но слышавшая среди детей самой доброй, стала поговаривать с Верочкой об открытом уроке для студентов местного педагогического института. Верочка, как в былые времена, написала подробный конспект, решив построить урок в форме проблемной беседы.

Как ни странно, на самом уроке она не волновалась. Может быть, потому, что увидела молоденьких взволнованных третьекурсниц, скромно сбившихся в стайку у двери. Ирина Васильевна корректно попросила разрешения присутствовать на уроке и, сев на заднюю парту вместе с преподавательницей пединститута, ободряюще улыбнулась Верочке.

Вначале ребята еще перешептывались, с интересом разглядывали гостей, но уже через десять минут Верочка ощутила то особое рабочее состояние класса, когда весь он звучит многоголосым, пускай и не слишком стройным, но единым хором, где прочтению учителя поддается даже тишина. В такие моменты Верочка видела себя дирижером, это и была работа сродни дирижерской: поставив проблему, которую ребята с налета решить, естественно, не могли, она постепенно подводила их к ответу, шагала со ступеньки на ступеньку, от одного вопроса к другому, свободно владея настроением класса. Урок прошел шумно, весело, но так и было задумано.

Придя домой, гордая собой Верочка даже обедать не стала — села писать письмо в Москву. Кажется, это было десятое. Марина так и не откликнулась из Нижнего Тагила, куда была распределена, Татьяне она сама давно уже не писала. И только своей московской подруге Лене Загоскиной слала письмо за письмом, не замечая, что та отвечает все реже.

«Представляешь, произвела в школе фурор. Давала открытый урок для студентов местного педагогического ликбеза. Помнишь, было у меня на практике занятие по методу эвристической беседы — вот примерно то же самое. Ничего особенного, конечно, но для них это ведь последнее педагогической мысли. Предложили прикрепиться к кафедре, не знаю только, в качестве кого — музейного экспоната, наверное... А ведь думают, что облагодетельствовали! Особенно наша завуч, я тебе писала о ней. Фигура эта сугубо литературная, так и просится на страничку к Успенскому или Короленко — такая стареющая периферийная муза. И подобные уездные дамы меня опекают. Каково?»

Вряд ли Верочка сама понимала, зачем пишет такие письма. Уроком своим она гордилась и Ирине Васильевне, если по совести, была благодарна. Но, не замечая того, она сама начинала верить этим письмам. И не Лене именно отправляла Верочка письма, а тому своему столичному прошлому, которое, как ей казалось, не сможет принять нынешнюю Верочку с серенькими ее буднями, невеликими успехами, маленькими бытовыми хлопотами.

Близился отпуск. Володя предлагал уехать в поселок на берегу водохранилища. Он рассказывал о степи, о терпком полынном запахе, клялся, что каждый день будет снабжать Верочку свежей рыбой и научит варить тройную уху. Верочка издергалась. Ей хотелось в столицу. Володя, не раз бывавший в Москве, соглашался, что это лучший город в мире, но совершенно не понимал, зачем проводить там отпуск. В конце концов они договорились, что Верочка съездит туда недели на две, все равно у нее отпуск больше. Таким образом Свердловск, куда ее давно просила заехать мать, и на этот раз отпал.

...Остановилась она у Лены. Родители подруги засыпали Верочку вопросами, а ей казалось, будто она никуда и не уезжала. Лена пришла поздно. Верочку она встретила участливо, но как-то отстраненно. Верочка попыталась было заговорить об институте, вспомнить студенческое время, но почувствовала, что подруге это неинтересно. Она растерялась.

Лена провела с ней два дня, ходила по Москве, сидела в кафе, достала билеты в театр, по летнему времени периферийный. На третий день, когда Верочка проснулась, ее ждала записка: «Прости, Веруня, срочно надо уйти. Сходи в «Россию», там интересный фильм». На следующий день повторилось то же самое. Потом Лена записок уже не оставляла. Родители Лены просили не обижаться на дочь и по вечерам, как могли, пытались развлечь гостью. Верочка говорила, что нисколько не обижается, а сама еле сдерживала слезы.

Прошла неделя, она хотела уехать. Но не могла, что-то затягивало ее. Верочка бесцельно бродила по улицам, заходила в магазины, сидела в кинотеатрах. Заглянула в институт, но там было пусто и одиноко, и Верочка поспешила уйти.

В тот же день она купила обратный билет.

В поселок, куда звал Володя, они не поехали. Отбыли в Крым, где в жаркой давке августовских толп провели двадцать дней. Уюта не было, зато все произошло, как мечтала Верочка: вечером на берегу моря, утонувшем в душистых южных сумерках, под волшебный шепот прибоя, при колдовском свете луны ей было сделано предложение. Верочка ответила в лучших традициях: сказала, что подумает, Володя должен был понять, что таким образом она выразила свое согласие. Но он в традициях не разбирался и больше разговоров на эту тему не заводил.

Впрочем, и сама Верочка событий не торопила. По возвращении из Крыма она написала письмо Лене, первое после ее поездки в Москву.

«Мой вечный страж наконец решился сделать мне предложение. Я не хотела его обидеть и сказала, что подумаю. Бедняга, он теперь совсем растерялся. Человек он, конечно, неплохой, только простоват...»

Написав две страницы в том же духе, Верочка растревожила себя. Выяснилось, Володя не совсем тот, может быть, даже очень не тот, хотя Верочка не могла не признать, что с ним ей хорошо.

Лена ответила на удивление быстро. В первых фразах она наскоро выразила подруге свое сочувствие, а все письмо посвятила восторженному сообщению о своем замужестве. О профессии жениха она не говорила, намекнула только, что он «работник культуры». Лена писала, что будет очень рада, если Верочка сумеет приехать на свадьбу...

Будто ожегшись, Верочка уронила письмо на стол. Вспомнив, что вот уже неделю не встречалась с Володей, она заметалась, позвонила ему и, сказав, что ужасно соскучилась, потребовала, чтобы он приехал. Почувствовав, что он ждал звонка, Верочка успокоилась. Она знала, что делать.

У Володи были неприятности на работе. Верочка стала терпеливой, вниматель-

ной, начала интересоваться его делами. Это оказалось даже приятно, особенно трогало Верочку, когда он, забывшись, принимался горячо объяснять ей заводские проблемы, сыпал совершенно непонятными терминами, а получив ее одобрение, расцветал, будто услышал самую квалифицированную оценку.

Верочка негодовала, сочувствовала, каждый разговор заканчивала тем, что на заводе Володю не ценят. Он самолюбиво соглашался. Она говорила, что ему нужен размах, что он способен на большее. Володя соглашался и с этим. Верочка, радуясь, выжидала.

Однажды он пришел к ней мрачный, весь вечер молчал, не отвечая на расспросы, и вдруг напомнил ей о своем предложении. Верочка решила, что время пришло. Она села на подлокотник кресла, ласково обняла Володю за плечи и сказала, что, конечно, будет рада стать его женой и уехать.

— Куда? — удивился Володя.

Верочка жарко заговорила о Москве. Там Володю оценят, там его ждет большое будущее. Да, она сознает, сколь сложно устроиться в столице, но у него дефицитная специальность, к тому же он заводской инженер, прекрасно знающий производство! Пусть сначала будет трудно. Зато потом!.. Верочка расписывала ему московскую жизнь, самые яркие эпизоды, каждый вечер — в театр, на выставку, на концерт, говорила об интересных людях, с которыми они будут встречаться, о Ленином муже, работнике культуры...

Володя очень внимательно смотрел на нее, потом вдруг усмехнулся и отвел глаза. Верочка осеклась.

— Трусость это, — наконец сказал он. — Как же я могу сбежать, если я прав? Да и кому я этим отомщу, себе разве что. Завод из-за моего ухода не остановят... Какое там у меня особенное будущее? Обычный инженер, каких в Москве тысячи. Это здесь на всю область таких, как я, специалистов и двух десятков, может, не наберется. Да хоть директор наш — думаешь, он этого не понимает? Три месяца собачимся, а ведь ни разу не наемкуд, что, мол, не сработались... А там? Раствориться в толпе?.. Интересная жизнь! Это здесь она у меня интересная, а там я на чужую интересную смотреть буду. И все больше по телевизору.

— Эх вы, мужчины! Вас за уши тянут... — с бессильной злостью сказала Верочка. — Ну и сиди в этой дыре!

— Вот ты мне и ответила. — Володя поднялся.

Он не позвонил ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю. Верочка бесилась, плакала и жалела себя. Да черт с ней, со столицей, временами приходила мысль. Бросить наполеоновские планы и начать жить. Успокоившись, Верочка села писать письмо Лене. И вновь Верочкино перо рисовало другие дни, где она, подыгрывая подруге, снисходительно посмеивалась над своими неурядицами.

Оправдываясь, Верочка убеждала себя, что эти ее письма не дают ей окончательно опуститься. Только после них жизнь и впрямь начинала казаться пресной. На работе все валилось из рук. Даже уроки не вызывали былого подъема. Попытавшись встряхнуться, Верочка опять стала приглашать гостей. Это помогло, но ненадолго. С коллегами, которые приходили к ней, Верочка начинала говорить в тоне писем к Лене. Людей такой тон утомлял. Заметив это, Верочка приглашать к себе прекратила.

Теперь вот и Оля выходила замуж. Она говорила только об этом. Верочка терпела, сама она ждала события не меньше: на свадьбе должен был появиться Володя.

Но он не пришел. Когда истаяла первая волна веселья и гости занялись собой, новобрачные утащили Верочку обсуждать обстановку новой квартиры, которую получал Павел. Но, сославшись на головную боль и еще раз сердечно поздравив новобрачных, Верочка побежала домой. Было к полуночи, она принесла телефон к себе в комнату и набрала номер.

Они долго молчали. Верочка злилась, что пришлось звонить первой. Если бы только он нашел в себе смелость еще раз сделать ей предложение, она бы... Да, она бы согласилась.

Поговорили о свадьбе, порадовались за друзей. Верочка нетерпеливо ждала.

— Я одного понять не могу, — неожиданно сказал Володя. — Ну, тоска по родным местам — это ясно. Тут вопросов нет. Но ты-то ведь из Свердловска! Ты ж не москвичка!

Верочка ровно, очень подробно попрощалась, пожелала спокойной ночи. И аккуратно, словно стеклянную, положила трубку.

Через три дня она позвонила Лене. Разговор был короткий. Верочка сообщила, что готова на все. Подруга, вздохнув, сказала, что давно ждала от нее подобной просьбы, что все это дико сложно, но она посоветуется с мужем.

Когда через несколько дней Верочке сообщили, что возможность все-таки есть, она, не помня себя от радости, не стала даже слушать, какая. Правда, была одна сложность — ее приезд требовался сейчас. А Верочке хотелось довести класс до конца года. Уходить в середине учебного года было неловко. Крайне неловко! Но она сумела справиться с собой.

Директор, услышав Верочкину просьбу, растерялся. Но Верочка пришла еще раз, и еще раз, и еще. Она говорила, что ее тянет домой, в Свердловск, что здесь она одинока, что у нее полностью расшатаны нервы, что к концу года ее положат в больницу. Но директор категорически заявил, что трудовую книжку выдаст не раньше, чем через полтора года.

Из Москвы ее торопили. Верочка махнула рукой на трудовую книжку, срок ее заявления об уходе истек, и она купила билет. Правда, она продолжала еще ходить на занятия, но в этом городе ее уже не было. В школе с ней никто не разговаривал, лишь Оля изредка заходила к ней и то больше молчала, глядя на нее жалобно-недоуменными глазами.

За день до отъезда к ней пришла Ирина Васильевна. Верочка холодно поздоровалась, провела ее в комнату, но сама не села, оперлась о подоконник, отрешенно глядя в окно. Она ждала последнего всплеска увещаний. Ирина Васильевна сняла очки, протерла их.

— Вы на нас не обижайтесь, Вера, — произнесла она. — Преподавателя в середине года найти трудно, и дадут ли нам его в следующем учебном году, неизвестно. Да и специалист вы толковый, не хотелось отпускать... Ну, а понять вас можно. Я говорила директору: ребенок еще, тяжело, конечно, без родителей. — Она грустно покачала головой. — Мы, наверное, тоже виноваты. Увидели хорошего работника и давай нагружать. А надо было поддержать, помочь, мне почаще заходить... Езжайте, Верочка, не беспокойтесь. Я как-нибудь директора уговорю. Трудовую книжку мы вам в Свердловск вышлем.

Верочка боялась обернуться, боялась заговорить, чувствуя, что непременно расплачется. Не будь у нее билета, она бы, наверное, осталась.

В аэропорту ее никто не встретил. Но это было даже к лучшему. За то время, пока она добиралась до Лены, сначала на рейсовом автобусе, потом на метро, потом на троллейбусе, полтора прошедших года — так ей показалось — сошли с нее, словно старая кожа. Ее ждала упительная жизнь. Для Верочки открывались улицы, станции метро, для Верочки пели троллейбусные провода, и прохожие искали ее взгляда.

Муж Лены работал в клубе одного из московских заводов. Он-то и устраивал Верочку — воспитателем в заводское общежитие. Слово звучало знакомо, Верочка совсем приободрилась. Заместитель отдела кадров оказался товарищем Лениного мужа и вопросов, понятное дело, не задавал. Да и выгода, насколько поняла Верочка, была обоюдная: с дипломом педвуза охотников на эту должность не находилось.

Прописали ее в общежитии. «Вот когда работа — родной дом», — шутил заместитель начальника. Года через три он обещал постоянную прописку и комнату. Все устраивалось как нельзя лучше. Верочка, приготовившая себя к испытаниям, облегченно вздохнула.

Пока решался вопрос с работой, она жила у Лены. Подруга стала мягче, доступнее, но Верочка находила, что она как-то излишне одомашнилась. Два раза Верочка попыталась вытянуть молодую чету ну не в театр, так хоть в кафе, но муж устал отмахнулся, а Лена только рассмеялась. Работник культуры ненавидел свою работу, приходил домой издерганный, хмурый, и Лена вилась над ним, стремясь хоть как-то вывести его из этого состояния. Смотреть на такое Верочке было неприятно. Неужели эта домашняя миротворица и есть та наемщица, восхищавшая Верочку умением одним удивленным взглядом осадить назойливого сокурсника? Как-то, когда муж подруги, не проронив за ужином ни фразы, удалился к себе в комнату, Верочка попыталась было шутливо прокомментировать его поведение, уверенная, что подруга, как и прежде, подхватит, но неожиданно натолкнулась на тот, из прошлого, недоуменно-холодный взгляд. Иронию в адрес мужа в этом доме не принимали.

Жизнь у подруги начала ее тяготить. Она переехала в общежитие.

Поселили ее вдвоем с вахтером, породной, горластой бабенкой лет под сорок, с маленьким ртом и удивительно хитрыми глазками. Любаша, так она назвалась, приняла ее с приторной ласковостью, поставила на электроплитку чайник. Достала самодельно приготовленное варенье и шоколадные конфеты с ромом. «У тебя своя жизнь, у меня — своя, верно?» — потчует, говорила Любаша. — Приводи кого хошь, слова не скажу. Занавесочку только повесим: там твоя квартирка, здесь — моя. Мы своей квартире хозяева, верно?»

Свою должность Верочка принять не сумела. Будучи учителем, она никак не могла увязать понятие «воспитание» с теми двадцатилетними девицами, которых видела на этажах, смотревшими на нее с равнодушной насмешкой. Откровенно говоря, Верочка просто побаивалась этих уверенных в себе звонких девочек. У них были свои, непонятные ей заботы, своя работа, свои цели. Девушки приходили шумно, весело, бежали в душ, задорно готовились к будущим победам и, преобразившись, выпархивали из общежития по двое, по трою, целыми группами, отправляясь завоевывать Москву, которая сейчас была подарена им, а не Верочке.

Была у Верочки своя комната — красный уголок, где она и должна была вести воспитательные беседы. Истомясь непривычным бездельем, Верочка готова была чем угодно занять девушек — хоть поэтическими вечерами, хоть кинолекторием. Но девушки в ней не нуждались, а Верочка не знала, как их увлечь. Будь она посмелее, а точнее, чувствуй она себя на своем месте, написала бы объявление, кто-нибудь пришел бы, на первый случай хотя бы ради любопытства. Но завод имел свой клуб с обилием различных кружков, приглашал известных артистов, киноактеров, певцов... Верочка медлила.

Днем, когда ночная смена отсыпалась, Верочка спокойно могла уйти. Несколько раз она так и делала: ходила в кино, посетила музей изобразительных искусств, Третьяковскую галерею. В пустующих залах бродили приезжие. По случаю весенних каникул особенно много было школьников. Экскурсии проводили гиды, но попадались и преподаватели, которые сами вели ребят из зала в зал, увлеченно рассказывая о художниках. Верочка прекратила поездки.

Она обзвонила своих старых знакомых. И с удивлением обнаружила, что их не так много, хотя раньше казалось, будто знает она чуть ли не пол-Москвы. Верочку неприятно поразило, что встречены ее звонки без должного энтузиазма. Порадовались, конечно, за нее, но предлагать увидеться во всех случаях пришлось Верочке.

Встретившись, бывшие сокурсницы начинали вспоминать институт, других тем как-то не находилось. Причем вспоминала в основном сама Верочка. И хотя собеседницы теплели, подхватывали, но смотрели на это издалека, чего Верочка понять не могла: для нее студенческая жизнь оборвалась только вчера и на самом интересном, будто ей чего-то недодали.

Почти все ее знакомые были преподавателями, и в конце концов разговор скатывался к школе. Верочка становилось не по себе: все это выглядело так, словно сама она никогда не работала учителем.

Словом, большого удовольствия эти свидания Верочке не доставили.

...Вечером Верочка добросовестно заглядывала в особо шумные комнаты или шла на этаж смотреть телевизор. Но передачи кончались, приходилось возвращаться к себе или сидеть в коридоре.

Любаша, оставив приторный тон, теперь все чаще ворчала: «И чего ты, девка, дома сидишь? Шла бы с парнями гулять. А то бы в театрик сходилась». Верочка виновато — и ненавидя себя за это — отнекивалась.

Избавление пришло негаданно. Верочку оставила девушка, не раз конфликтовавшая с Любашей, и грубовато сказала:

— Слушай, хватит тебе по ночам в коридоре сидеть. Соседка наша к мужу переехала, так что койка свободна.

В тот же день Верочка собрала вещи.

В комнате, помимо Татьяны, пригласившей ее, жили еще две семнадцатилетние девушки из Подмосквы. К подругам своим Таня относилась с покровительственной иронией. Почему она оказалась в общежитии, не рассказывала. Верочка как-то попыталась спросить ее об этом. В ответ наткнулась на каменную улыбку и совет не лезть в чужие дела. Верочка, не ожидавшая подобной отповеди, обиделась, но, увидев, что на ее обиду не обращают внимания, смирилась. Таня была человеком колючим, характера своего не скрывала. И тем не менее подруги любили ее. Когда Таня была в настроении, то шутливо возилась с ними, словно с расшалившимися котятками. Она устраивала «семейные выходы» в кинотеатры и девичники в их комнате, куда приходили и другие девчата из ее бригады. Она щедро помогала подругам деньгами, поскольку получала в полтора раза больше, выбирала вместе с ними наряды, а сама ходила в одной и той же юбке и красной вязаной кофте. «Мне эта бижутерия ни к чему», — говорила она. — Старуха уж». Старуха была моложе Верочки на два года.

Татьяна придирчиво изучала парней, которые приходили к Ане и Наташе, вытягивала их на разговоры, а одного красивого фатоватого молодчика вытянула, пригрозив, что, если увидит его с Аней, свернет шею. Парень выругался, но ушел. Видно, на заводе Татьяну знали. Аня кричала на нее, плакала и говорила, что перейдет в другую комнату. Татьяна, загоразживая дверь, молча выслушала ее, а потом усадила на кровать, обняла за плечи. «Знаешь, есть такая живность болотная — водомер. Скользит от кочки к кочке, только полосы по воде... Ему-то что, а ты вовек не отмоешься».

девочки, узнав, что Верочка работала в школе, приняли ее уважительно. И Татьяна относилась к ней неплохо. Только Верочка никак не могла привыкнуть. Странно, ведь она целых пять лет прожила в общежитии, а здесь и условия были по сравнению с институтскими просто роскошными и соседки ее устраивали. Но тогда у них было все общее — разговоры, заботы, мечты, книги. А здесь общим было только вечернее чаепитие. Девушки обсуждали заводские дела, ругали мастера, спорили; Верочке не находилось места в их разговоре. Она пыталась взять реванш на литературе, ее с интересом слушали, но потом вновь «уходили в производство», где Верочка оставалась чужой.

Татьяна поняла ее по-своему.

— Вижу, маешься ты, — как-то сказала она. — Понятно, каждому возрасту свое. — И усмехнулась чему-то: — Поздно нам с тобой по чужим углам жить.

Верочка вознегодовала: подумать только — ее жалели! Ее, сумевшую такого добиться!

Но чем больше негодовала Верочка, тем острее хотелось ей отдельной комнаты, ну хоть малосенькой, пятиметровой. Верочка уставала. Раньше с ней никогда подобного не случалось. Она всегда любила общение, любила полные разговоры, поздних и неожиданных гостей. А теперь вечерами ей невыносимо хотелось быть одной.

Лишь только истекли положенные одиннадцать месяцев, Верочка взяла отпуск и улетела в Свердловск. Увидев мать на аэродроме в толпе встречающих, потерянную, напряженно ищущую глазами дочь, Верочка бросилась к ней на шею и рыдала. Мама обнимала ее и плакала вместе с нею. Но с этого дня Верочка, ехавшая искать сочувствия, не позволила себе ничего — ни слезинки, ни вздоха. Была шутива и бодр, рассказывала о своих планах. Мама счастливо смотрела на нее и тихо радовалась, что хоть у дочки все благополучно.

Поездил по родственникам — маме так этого хотелось — и затихла. Вечером они вдвоем смотрели телевизор, а потом в своей комнате Верочка допоздна читала любимые книги. К концу отпуска она по старой памяти заглянула в картинную галерею и неожиданно для себя провела там два часа.

Верочка уехала, взяв с мамы обещание побывать в Москве, как только Вера получит квартиру.

Вернулась она в боевом настроении, купила абонемент в Центральный дом художника на лекции, записалась в бассейн и бросилась в атаку на местком.

Там Верочка напомнила, что уже год проработала на заводе. Она соглашалась, что есть люди более достойные и нужные предприятию, но людям этим лет по двадцать, а Верочке столько, что и говорить не хочется, что ей ведь не надо многого, ей бы комнатку в любой коммуналке, и в конце концов пусть они попробуют найти на ее должность человека с высшим образованием! Местком запросил характеристику. Верочка привезла прекрасную, и действительно — когда бы ни появлялись проверяющие, Верочка оказывалась в общежитии, да и жила она, так сказать, прямо в гуще своих воспитанников...

На эти дела ушли все силы, накопленные Верочкой за отпуск.

Два раза она ходила на лекции, объявленные в абонементе, а перед этим долго изучала себя в зеркале, думая, сможет ли сойти за двадцатилетнюю. Первую лекцию она слушала со вниманием, радовалась знакомым ей сведениям, даже послала лектору записку с вопросом. На второй Верочка заскучала, не с кем было обменяться мнением, немногие мужчины пришли со спутницами. Третью она пропустила, а идти на четвертую уже не было желания.

В бассейн она не явилась ни разу. Абонемент отдала Наташе.

Время шло, из месткома вестей не было, и Верочка постепенно свыклась с мыслью, что придется остаться в общежитии. К ней привыкли. Что-то Верочка все-таки делала — в основном вещи неформальные: например, забегали к ней посоветоваться, что взять в библиотеке, побеседовать о прочитанной книге. После шумевшего кинофильма она устраивала обсуждения в своей комнате, а однажды, когда на заводе был коллективный выход в театр, затащила-таки девят в красный уголок на диспут — больше тридцати человек!

Два раза в неделю она занималась русским языком с поступающими в институт. К сожалению, все они шли в технические вузы. Да и было их всего трое, остальные учились кто в ПТУ, кто на курсах и в услугах Верочки не нуждались.

Выезжала из общежития она теперь совсем редко. Куда ехать? Разве что за покупками и к Лене. Подруга родила, парень оказался голосистый и на редкость требовательный. Елена совсем замолчала, даже в редкие Верочкины наезды постоянно ускользала в комнату к сыну. Гостью развлекал ее муж, который стал теперь гораздо спокойнее и общительнее и смотрел на свою жену с тихим, восторженным удивлением.

Верочка ездила по магазинам, выбирая сыну подруги разные детские принадлежности. Иногда ходила в кино. Раньше они смотрели картины вчетвером. Теперь только вдвоем с Татьяной.

Девочки уходили. К общежитию подкатывали «Чайки» и «Волги», увешанные лентами. Из дверей — в последний раз — выбегали принцессы четырехколенного уюта, чтобы исчезнуть в квартире мужа. Другие уходили тише — в полученные от завода квартиры и еще не раз заглядывали в общежитие, но вскоре исчезали и они. Менялись лица, голоса, менялись шуточки у дверей, в душевую. На окнах появлялись новые занавески, на стенах — новые фотографии.

Ушли и их соседки. Наташа поступила в институт на дневное отделение, Аня вышла замуж. Татьяна сначала хотела перевести в их комнату кого-нибудь из старожил, своих подруг, да потом махнула рукой: «Все равно... Теперь пора уж». Ей давно предлагали квартиру, но до сих пор она отказывалась.

Однако первой жилплощадь получила Верочка. Когда ее пригласили — не в местком, а в отдел кадров и заместитель начальника сообщил, что через две недели она может получить ордер, Верочку словно оглушило. Она так долго ждала, так много для этого сделала, что в первую минуту не почувствовала радости, будто у нее что-то отняли.

— Пропишьте вам сделали, — почему-то строго сказал заместитель начальника. — Но учтите, если вы намерены через два месяца уйти... не советую. Не говоря уже о том, что и меня подведете и того, кто вас рекомендовал. Короче, еще три с половиной года, ну три, обязаны отработать.

С комнатой ей повезло, просто очень повезло. Дом стоял пуск и не в центре, но вблизи от метро. А главное, в квартире жила еще только одна старушка. Две другие комнаты занимала чета геологов, которая постоянно находилась в разъездах. Старушка, впрочем, попала на стырьняк, с первых дней начала попрекать Верочку невьямгой раковинной, небранной обувью, пропавшим куском мыла. Но Верочка, закаленная жизнью в заводском общежитии и коротким совместным проживанием с Любашей, реагировала спокойно.

Вскоре Верочка все же отвязалась: поехала в отдел кадров. Заместитель начальника ее понял. «Вобщем-то, конечно, не положено. Ладно, устраивайтесь по совместительству, — рассуждал он. — Все равно вам в общежитии по утрам делать нечего».

Верочка понимала, что в Москве вряд ли захотят взять почасовика. Но в той

школе, где она когда-то проходила практику, помнится, директор Верочку очень хвалила. И теперь Верочка надеялась, что ее вспомнят.

Директор Верочку действительно вспомнила. На почасовика она, правда, поморщилась, но поскольку вакансии были, вздохнув, согласилась. Однако узнав, где работает Верочка и как звучит запись в трудовой книжке, директор помрачнела. Спросила, работала ли Верочка в школе. И Верочке пришлось ответить отрицательно.

— Ничего не выйдет, — с сожалением сказала директор. — Поймите, Вера, есть определенные положения. В течение трех лет после окончания вуза вы должны отработать в школе, иначе теряется педстаж. То есть сейчас для официальных органов вы специалистом уже не являетесь. Если бы разговор шел о полной ставке, я бы, пожалуй, рискнула. А так... — Она дипломатично закончила: — В роно меня не поймут.

Это был серьезный удар. Как же так не специалист? А полтора года в школе? А уважение коллег? А открытый урок? Ей даже к кафедре предлагали прикрититься! Верочка никак не могла понять того, что всех этих заслуг теперь просто не существовало. Не было вовсе.

Как и прежде, она бросилась к Лене. Что же с ней будет через три года? Подруга, выслушав ее, задумалась.

— Помнишь Лиду Калиновскую? — спросила Лена. — Сейчас она инструктор роно где-то в области. Если к ней обратиться, поможет, да и учителей в области всегда не хватает. Может, после того как отработаешь на заводе, стоит съездить туда на годик?

Верочка засмеялась и долго не могла остановиться.

В конце концов у нее есть своя квартира, успокаивала себя Верочка. Она едет домой, в свою комнату, говорила себе Верочка, возвращаясь из общежития. Она заставляла себя выйти из метро и, как бывало давно, пройтись по Москве. Но, бродя по улицам, она начинала испытывать смутную неловкость, будто чем-то обманывала прохожих. Все они жили своим смыслом: спешили за покупками, на свидание, в кино — и каждый словно спрашивал: а эта что ищет? Ну просто гуляю, раздраженно убеждала себя Верочка, отворачиваясь от случайных и, как ей казалось, снисходительных взглядов.

Верочка приезжала в общежитие, сидела в красном уголке, заходила в комнаты. В первый момент ей удивлялись: а эта что здесь делает, она же получила квартиру? Потом вспоминали: ага, воспитатель...

...Ее подруге Лене здорово доставалось в последнее время. Сначала слег муж, болел долго и тяжело, наконец встал, но теперь заболел сын. Верочка объездила пол-Москвы в поисках дефицитного лекарства. Нашла-таки, помчалась к Елене. Мальчику стало лучше. Елена села, заматанно прислонилась к стене.

— Эх, Верочка, везет тебе, — без зависти сказала она. — Свободный человек, хоть каждый вечер в театр, в гости. Я тут афишу видела: в Пушкинском выставка французской живописи — иду мимо, будто читать не умею. — Она усмехнулась. — Ничего, Верочка, мне бы только своих мужиков на ноги поставить, а там мы с тобой по старой памяти такое устроим! Кутнем, а, подруга? А что — в ресторан сходим или в театр. Своди меня, Веруня, обязательно своди!

Домой Вера летела. Ей казалось, что люди нарочно толпятся у входа в метро, специально так медленно ползет электричка, с умыслом еле движется эскалатор. Она понимала, что спешить глупо, переходила на шаг и вновь срывалась, бежала по скверу, по тротуару, по двору. И лифт, этот проклятый лифт, тащился, словно заспанный, лязгая всеми своими древними железками.

Вера вбежала в квартиру и, не захлопнув как следует дверь, не раздевшись, заказала номер... до боли в пальцах сжав трубку. А потом ходила из угла в угол по комнате, ни о чем не думая, не пытаясь думать. Когда прозвенел звонок, она ринулась в коридор, схватила трубку, застыла в немом ожидании... И наконец так близко, будто из соседней комнаты, она услышала голос...

— Здравствуй, Володя.

Она совершенно успокоилась. Все было по-старому. Как и прежде, в семь часов он был дома. Как прежде, она звонила ему. Как прежде, она звала его к себе... Нет, если он захочет, придет она, окончательно, навсегда, в школе как-нибудь договорится. Простят, комнату, наверное, уже заняли — пустяки. Открытый урок, Оля, Ирина Васильевна, работа, только подумать — работа!...

— Здравствуйте, — удивленно откликнулась трубка. — Кто это?

Верочка похолодела.

— Ты не узнаешь? Это я. Я!

— Да кто «я»? — уже раздраженно переспросили ее. — Девушка, хватит интриговать!

— Это Вера, — безвольно произнесла она.

Трубка на секунду замолкла.

— А... Извини, не узнал, — смущенно сказал Володя. — Тут с телефоном что-то... Сказали: «Вызывает Москва», — а я думаю, кто это, из главка, что ли? У нас тут на заводе такое заваривается!

Вера молчала.

— Ну, как жизнь? — спохватился он.

— Вот... квартиру получила. — Она с трудом разлепила губы. — Позвонила...

сообщить.

— Поздравляю! — с энтузиазмом сказал Володя. — Ты человек настойчивый. Очень настойчивый... Ну и как московские театры? У нас там, говорят, выставка — французской?

Вера не ответила.

— Ну, в общем, нормально, да? — Он явно куда-то спешил. — Хорошо, что позвонила. Я Оле передам, что у тебя все в порядке.

— Ты спешишь?

— Да есть тут одно дело...

— Может, ты мне позвонишь? — с тайной надеждой, что вдруг это маска, вызванная старой обидой, спросила Вера. — Может, когда будешь посвободнее... Я подожду.

— Да понимаешь... у нас на заводе запарка, — осторожно ответил Володя. — Хуже всего, что он действительно не желал ее обидеть. — Я дома редко бываю. Уж лучше ты сама как-нибудь...

— Хорошо, Володя. Всего доброго.

Она повесила трубку.

Всю ночь Верочка не спала. Металась по комнате, присаживалась к окну, зажигала свет, читала. Не помогало ничто. К утру, измучившись бессонницей и борьбой с тягостными мыслями, слыша, как встала соседка, шуршит по коридору, вдруг решила... Надо уезжать. Что она здесь, в Москве? Верочка наконец призналась себе, что она здесь просто присутствует, а не живет. Захотелось заплакать, но она этого себе не позволила.

Комнату она сдала легко, так же легко попрощалась с Татьяной и Леной по телефону и легкими глазами смотрела на убегающие назад дачные подмосковные проселки, домики с усами антенн, названия станций, которые два года назад звучали для нее колокольцами счастья...

Здание Кашинского СПТУ стоит рядом с древним городищем, земляной вал которого все еще крут и внушителен. Тихая речушка Кашишка огибает эту часть города голубой лентой, и человеку, оказавшемуся здесь летним утром, кажется, будто попал он в прошлый век. Пусто сейчас в училище, гулко шелестят высокие деревья, посаженные еще семьдесят пять лет назад, при открытии Кашинской профтехшколы, сонно дремлет в лучах утреннего солнца серое пятиэтажное общежитие. У учащихся — будущих механизаторов, шоферов, животноводов — производственная практика. Отслужили свою вахту на полях учхоза второкурсники, пришла очередь первокурсников. Тихо в училище. Только социалистические обязательства, вывешенные на стене квадратного со ста-

Михаил ПЕТРОВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные корреспонденты
«Смены»

ринными окнами вестибюля, напоминают о том, что на полях учхоза горячая сенокосная страда. Да и стадо у училища немалое — более двухсот голов. Я поделил хозяйство училища на всех ребят-пэтэушников, и у меня получилось, что каждые два учащихся имеют корову да гектар сенокосов и пастбищ, да гектара полтора зерновых, да немалый участок льна. Словом, только успевай поворачиваться. Вот почему директор училища Николай Константинович Герций с утра в хозяйских заботах. Учхоз взялся заготовить в этом году полуторный запас сочных и грубых кормов, и хоть заготовка шла неплохо, на носу уже была уборка зерновых, а там льна. Поневоле будешь озабочен.

По дороге в учхоз Николай Константинович рассказал о хозяйстве училища. Хозяйство не только обеспечивает училище необходимыми продуктами, но и дает прибыль. В 1980 году она составила 250 тысяч рублей, в 1981 и 1982 годах из-за дождей была меньше, в этом — велико желание наверстать упущенное.

— Вот здесь для них все и начинается, — сказал Герций, когда мы подъехали к хлебному полю. — Через пару недель косить начнем. Поспевают зернышко.

Внешне похожее на десятки других полей, примыкающих к полям учхоза, поле это наверняка останется в памяти всех, кто учился в училище, как оставаясь в нашей памяти первая тетрадка, в

дает продукцию наравне с другими хозяйствами района — хлеб, лен, молоко, мясо. Училище имеет 1149 гектаров земли, до 250 коров, засеивает около 300 гектаров зерновых, 20 гектаров льна, имеет около двухсот гектаров сенокосов. «Это средних размеров колхоз», — с гордостью сказали в училище. Добавим, что урожайность в этом хозяйстве выше среднерайонной урожайности, а Кашинский район — не последний район в сельском хозяйстве области. Выше среднерайонных здесь и надои. Но коли это хозяйство, то у него, как и у всякого другого хозяйства Нечерноземной зоны России, все проблемы Нечерноземья: скудная почва, переувлажненные земли, мелкоконтурные поля, бездорожье, нехватка нужной техники.

Заведующий учебным хозяйством училища Евгений Николаевич Копейкин при встрече со мной потому, наверное, не об

Грамматика бор

ДОРОГА В ПОЛЕ:
РАСТИЛАЕТСЯ
ЦВЕТОЧНЫЙ КОВЕР,
ПАХНЕТ МЕДОМ...

которой мы написали первое слово, первая любовь, дом, где ты родился и вырос. На этом поле первокурсник (еще, по сути дела, мальчишка!) выводит первую в жизни борозду, выезжает на первый в жизни сев, впервые боронит, впервые убирает пшеницу, косит, заготавливает корма. И здесь же, в учхозовской столовой, он преломит над столом хлеб, впервые в жизни выращенный своими руками, и вкусит его. И хлебом единым может жить человек, если он его вырастил. Один из старейших мастеров училища, Николай Николаевич Вревский, много говорил мне об этом. Не один год замечает он, как резко меняется отношение к хлебу у ребят после того, как сами его вырастят. Бережливой становятся к хлебу, серьезней к жизни. Хлеб, выращенный своими руками, по словам Вревского, уже не просто хлеб, это — величина нравственная. В нем живет душа создателя его.

Николай Николаевич — один из тех, кто своим энтузиазмом, своей любовью к делу, разносторонностью интересов поднимает престиж профессии механизатора. Кашинское СПТУ уже давно не знает, что такое недобор. Сюда поступают ребята с аттестатами, которые составили бы честь любому техникуму.

Училище готовит специалистов, которые умеют работать на любых отечественных тракторах, водить грузовые автомашины, управлять зерноуборочными и льноуборочными комбайнами, управляться со сложной кормозаготовительной техникой. Современному механизатору приходится учиться не шесть месяцев, как прежде, а три года.

Но учебное хозяйство не только учебное. Оно еще и хозяйство. И немалое:

успехах заговорил, а о проблемах. Дни были дождливые, дело стояло, первое, что он мне показал, — непроезжую в дождь дорогу от шоссе до животноводческой фермы. Дорогу, буквально истертую тракторами.

— И это у училища механизации, с такой-то техникой!? — удивился я.

— Который год бьемся, просим хотя бы гравия на строительство дороги выделиться... — со вздохом ответил он, когда мы преодолели на «газике» несчастных полтора километра.

И потом, кивая на учащихся, сидящих у своих стальных коней в ожидании, когда просохнет поле, он сказал о том, что техника, как это ни парадоксально, далеко не всеильна. И не раз еще, вспоминая о юности, а Евгений Николаевич сам когда-то окончил Кашинское училище, подчеркивал, что в прошлом техники было меньше, а порядку на полях больше...

Разумеется, пафос Евгения Николаевича не был направлен на то, чтобы за сиденьем стальных коней механизатор возил косу и грабли, и, не дожидаясь, пока обсохнет земля, заготавливал бы сено вручную. Хоть и вздыхает Евгений Николаевич, сетуя на то, что молодежь нынче крестьянского ремесла не знает, жизнь едва ли вернется на старые рельсы. Да и у самого заведующего мечты более чем реальные: техники бы хозяйству побольше. Современной, способной работать в любых условиях. А такая техника в природе существует. В хозяйствах района она есть. А у них на все училище один пресс-подборщик.

И все же есть рядом с реальными проблемами немало оптимистических примет. Сегодня треть учащихся Кашин-

ского ПТУ — городские ребята. Завтра они станут механизаторами, крестьянами. Будет ли ездить новый селянин за продуктами в город или вырастит их в своем огороде — вопрос не праздный.

В прошлом году училище выпустило первую большую партию механизаторов широкого профиля из числа городских школьников. Они разъехались по совхозам и колхозам района, приняли тракторы, комбайны, автомашины, наследовали землю. Интересно, что у многих из них матери и отцы родились в деревне, переехали в город 10—20 лет назад. Было время, когда село делилось с городом кадрами. Теперь ситуация в корне изменилась. Учащаяся группа операторов машинного доения Марина Васильева рассказывала мне, каких трудов стоило ей убедить маму, чтобы та согласилась отпустить дочку в животноводство. Среди прочих доводов

учхоз при плане 600 тонн силоса заготовил 1000 тонн, в полтора раза перевыполнил план по заготовке грубых кормов.

С этими повзрослевшими за лето ребятами мы встретились осенью, во время уборки зерновых. Дни стояли поистине золотые от солнца, от ржаной и ячменной соломы, сухого, переливающегося на солнце зерна, от просветлевших осенних берез по опушкам. И работа двигалась споро, организованно, весело. К 6 сентября уже был вытерблен весь лен, скошены пшеница и ячмень, посеяно 100 гектаров зерновых.

Первыми в учхозе появляются ребята из звена Павла Васильевича Горбачева, занятого сушкой зерна. Не уборка зерновых, а сушильное хозяйство оказалось нынче узким местом страды: уборочно-транспортное звено, которое обслуживает три комбайна «Нива» и три

— Давай, давай, ребята, ваша техника простаивает! — намекает кто-то из комбайнеров на лопаты.

И снова хохот.

Техника... Ребята в нее буквально влюблены, и хотя работают на комбайнах все без исключения по очереди, те, кому выпадает доля потрудиться на сушилке, откровенно завидуют тем, кто сегодня убирает хлеб, пашет зябь, сеет озимые, работает с техникой...

С Николаем Константиновичем Герцием, не дожидаясь, пока подсохнет на полях роса, едем по полям.

Комбайны уже сделали прокосы и теперь, похуже сбоку на ступени огромного эскалатора, медленно двигались друг за другом в нашу сторону. Где-то на середине поля на первой «Ниве» замигала сигнальная фара, и тотчас к ней поспешил с опушки верткий «зиллок».

Щадь, — начал он объяснять способ подсчета урожайности, но Герций прервал его.

— Молодец, знаешь. Добрым хозяином будешь. Только не считай урожайность по бункеру, по сырому зерну. Запомни: не тот хлеб, что в бункерах, а тот, что в закромах — просушенный и проветренный. Сухого центнеров под 23—25 будет.

— Ну, так это ясно, — облегченно вздыхает Володя. — Зарплата-то мне будет идти по бункеру, я и считаю по бункеру.

— Вот они, просчеты экономики, — говорит Николай Константинович, когда мы остаемся одни. — Одному платят за гектары, другому за бункера, хозяйству — за сухое зерно.

К обеду поле было скошено, к вечеру все зерно переработано. По предварительным подсчетам, поле дало в среднем по 24 центнера с гектара. Для учебного хозяйства очень даже неплохо.

Конечно, хозяйство училища еще далеко от идеала. Хотелось бы видеть здесь и сад, и теплицу, и огород, снабжающий столовую училища свежими овощами. Об этом же говорил на состоявшейся встрече с работниками горкома комсомола и дирекцией училища первый секретарь Кашинского горкома КПСС Г. Н. Аксенов. Пока столовая снабжается овощами через систему общепита. Учхоз сдает государству зерно, лен, продукты животноводства, получает из фондов общественного питания продукты. Думается, для настоящего момента это не лучшая система. Подсобное хозяйство, организованное по принципу Макаренко, принесло, быть может, больше бы пользы. А главное, могло бы стать тем самым университетом крестьянского опыта, о котором уже говорилось выше. Помогло бы научить

БЕЗ ПОМОЩИ НАСТАВНИКА ТУТ НЕ ОБОЙТИСЬ.

ОЗДЫ

мамы был и такой, самый главный: «Мы с отцом в город стремились, столько сил на это положили, а ты назад, в навоз?» Довод этот сыграл, наверное, не последнюю роль в том, что из тридцати выпускниц Кашинской средней школы № 1, собиравшихся пойти работать на животноводческий комплекс колхоза «Победа» и одновременно, без отрыва от производства учиться в ПТУ, на ферму пришли всего девять девушек.

Жизнь есть жизнь, каждый выбирает себе свою судьбу. Кто-то идет первым, кто-то присматривается к этим первым. Так было всегда, так всегда будет. Отрадно, что в училище и Кашинском горкоме комсомола понимают: начался новый, неизвестный процесс, процесс миграции городского жителя в село. И, что особенно важно подчеркнуть — молодого жителя. И от того, как сложится трудовая и жизненная судьба первых, будет зависеть дальнейший ход этого процесса. Мы знаем, сколько проблем — нравственных, социальных, психологических, жилищных, демографических возникло в связи с миграцией сельского жителя в город, как долго он обустроивался, искал профессию, ждал жилье и т. д. и т. п. Мы знаем, с каким трудом он обрел новую городскую психологию, привыкал к городскому образу жизни. Не меньше проблем возникнет и в связи с миграцией горожанина в село. Подсобное хозяйство ПТУ могло бы стать своеобразной школой для него. В Кашинском ПТУ уже стало такой школой.

...Погода во время заготовки кормов стояла тяжелая, но ребята все-таки сумели полностью обеспечить свою ферму сочными и грубыми кормами,

«ВСЕ ПОЛУЧАЕТСЯ ХОРОШО, ТОЛЬКО...»

грузовых автомобиля, буквально завалило обе сушилки зерном. Потому-то подъехавшие вслед за сушильщиками ребята из уборочно-транспортного звена подшучивают:

— Ну, что, слабаки? Опять нам из-за вас простаивать придется?

— Сами бы поработали тут! — слышится в ответ. — Вам хорошо кнопки нажимать, а тут лопата!

— Так вы же главную заповедь грузчиков забыли, вот и зашиваетесь, — вполне серьезно произносит чернявый паренек, выходя из автобуса.

— Какую? — ловится кто-то из сушильщиков на удочку.

— Бери больше, кидай дальше, а пока летит — отдыхай.

Шутка не ахти какая новая, но все весело хохочут.

РАБОЧИЙ ЭТОД.

— Неужели уже бункер набил? — заволновался директор. — Кто у нас там? Гурьев? — спросил он у мастера Доброва. — Ладно, Гурьев пускай дальше едет, а Мокина проверю.

Проверкой, по-моему, остались довольны и директор и ученик. Володя только единственный момент упустил — перед тем, как завести комбайн, не посмотрел, нет ли кого из людей около движущихся частей и агрегатов. Зато точно подсчитал урожайность овса на поле. Посмотрел на часы, задумался и ответил:

— Центнеров под тридцать будет.

— Как подсчитал? — поинтересовался директор.

— За полчаса намолотил бункер. Зная скорость комбайна, легко определить скошенную за это время пло-

будущего механизатора премудростям сельского быта.

Не сомневаюсь, что наука земледелия, которой овладевают ребята из Кашинского СПТУ в своем подсобном хозяйстве, еще не раз окажет им в жизни добрую услугу. Да только ли им? Ведь сейчас нет задачи важнее, чем задача обеспечения советских людей продуктами питания. Хорошо, что в выполнении этой задачи, поставленной партией в Продовольственной программе, участвуют и учащиеся ПТУ. В хорошем хозяйстве человек сымала приучался к труду, трудом воспитывался, в труде рос и креп, обретал умение. А земля, кормившая и поившая их дедов и отцов, сегодня как никогда ждет именно такого — деятельного, энергичного и умелого работника.

Сергей ПОПОВ

ПОМОЩНИКИ

Уж сколько лет прошло, а все помнится мне один добрый человек из моего детства. Жил он в соседнем подъезде двухэтажного деревянного дома, работал в драматическом театре столяром, и звали его, как героя чеховской пьесы, дядя Ваня. Должность дяди Вани казалась нам, пацанам, солидной, хотя мы смутно представляли, чем он занимается в театре. Зато каждый год, как только утверждалась зима, этот пожилой человек становился для детей всех окрестных дворов добрым сказочником. На непроезжей для машин улице он ставил деревянную горку, которая казалась нам тогда самой высокой в городе. Заберешься на верхнюю ступеньку — дух захватывает, катиться вниз и страшно и весело. А дядя Ваня стоит внизу и улыбается всеми своими морщинками: не трусь, пацан!

Вот так и бывает: чужой вроде бы человек, а зарубку в памяти оставил покрепче, чем иные закадычные приятели той поры...

О добрых людях нашего детства, о них речь.

Валентина Петровна Казакевич, с которой познакомился на Угличском часовом заводе, родителей своих потеряла во время войны — отец на фронте пропал без вести, а мать умерла в Ленинграде в дни блокады. Но как родных вспоминает она воспитателей Угличского детского дома № 2, где прошло ее детство. Помнит Валентина Петровна, как летом приезжал к ребятам Николай Алексеевич Никонов, в те годы директор часового завода, — сладким урожаем из своего сада он в первую очередь делился с детдомовцами. (Никонов возглавлял попечительский совет детдома и, несмотря на крайнюю занятость производственными делами, находил время для забот о детдомовцах.)

Эта забота о «государственных детях» стала на часовом традицией. Еще помнит Валентина Петровна комсомольцев, молодых парней и девушек — заводских шефов, которые тоже были частыми гостями детдома. Вечера, диспуты разные проводили, праздничные концерты ставили. Шефы каждый раз восторженно рассказывали о своей профессии, сами водили ребят по цехам — чем не профориентация? — и, наверное, благодаря им Валя Казакевич сделала свой выбор: после школы сразу поступила на часовую и трудится здесь уже четверть века.

Думаю, и нынешние воспитанники детского дома не раз вспомнят своих шефов — рабочих и инженеров крупнейшего на заводе шестого сборочного цеха. Члены бригады, возглавляемой Людмилой Васильевной Мураткиной и Лидией Сергеевной Савиновой, стали настоящими друзьями ребят. А еще есть в сборочном бригаде, которая дружит с детским домом уже более двух десятилетий. О ней и хочу рассказать подробнее.

Вначале эпизод, которому сам был свидетелем.

...Мальчики готовили удочки для рыбалки, девочки вместе с воспитательницей собирались в лес за ягодами, отрядные художники трудились над очередным выпуском стенгазеты, когда в комнату вошла завуч Нинель Васильевна и с торжественностью в голосе объявила: — Ребята, к нам гости.

Слов этих оказалось достаточно, чтобы пионеры бросили все свои дела и толпой высыпали на поляну встречать

гостей. Завуч не объяснила, кто это пожаловал к ним на дачу, в уверенности, что ребята догадаются и сами.

Гостями оказались давние знакомые воспитанников — комсомольско-молодежная бригада № 2 сборочного цеха. И вот уже слышатся и смех, и шутки, и разговоры, какие бывают при встрече друзей после разлуки.

— Ой, Сережка, как ты вырос, просто не узнать!

— Леночка, где ж ты так успела загореть? И на юге вроде не была...

Они не виделись больше месяца, а им было о чем рассказать друг другу. Фабрикам — об отдыхе на даче, о работе в колхозе, шефам — о жизни и делах бригады, о недавней поездке на Соловки. На прощание шефы вручили подарок — ракетки для бадминтона, а подшефные им свои гостинцы — полные кулечки собранной накануне черники.

Встреча эта состоялась не в выходной день. Бригада приехала к ребятам после рабочей смены. А дача детского дома не ближний край, от Углича в двенадцати километрах, да не рейсовым автобусом, а попуткой. Еще нужно учесть, что в бригаде не только девушки, живущие в общежитии и домашними хлопотами пока не очень обремененные, а и женщины семейные, и таких, кстати, большинство. Но и они, прихватив из детского сада своих непосед, отправились в гости к ребятам. Потому что человек, хоть раз побывавший в детском доме, просто не может уже не прийти туда еще раз. Так сказала мастер второй бригады Галина Борисовна Носова.

Кончается лето, ребята возвращаются с дачи в город, и встречи шефов и подшефных становятся более частыми. (Кстати, все, что в детском доме за последние годы построено — столовая, гараж, дачные корпуса, — построено на средства часового завода и силами его рабочих, естественно, при самом активном участии воспитанников. Теперь, когда «пятилетка строительства» закончена, шефы чуть не каждый вечер бывают в детском доме.)

Трудно воспитателю: один на тридцать сорванцов. Вот тут и кстати добровольные помощники с часового завода: задача не получается — вместе подумаем; чулки порвались — научим, как заштопать; воротничок к школьной форме чистый пришьем; два часа выдались свободных — по городу погуляем; фильм интересный посмотрим.

Был в прошлом году такой случай. Подшефному классу второй бригады за провинность — мальчишки додумались костер разжечь рядом с поленницей — директор детдома не разрешил участвовать в первомайской демонстрации. Естественно, настроение у ребят хуже некуда, сидят хмурые, как нахлебавшиеся воробы. И вдруг неожиданно солнце сквозь тучи — шефы приехали. Всей бригадой, все тридцать человек. Веселые, сами только после демонстрации, с шарами, с флажками, с подарками. Плохое настроение у детей как рукой сняло. Вернулся к ним праздник.

И все-таки не только для того, чтобы посочувствовать, по головке погладить да подарки вручить, приходит вторая бригада в детский дом. Отношения у шефов и подшефных товарищеские, а значит, без скидок на возраст. Галина Борисовна Носова рассказывает:

— Приходит как-то Рая Степаненко после очередного посещения детского дома: «Девочки, что делать будем, совсем наш класс разболтался, у пятерых двойки за четверть назревают». А у нас самих с выполнением плана трудности

ДЕТСКИЙ ДОМ

Рубрика «Детский дом — теплый дом» появилась в нашем журнале два года назад. Привлечь внимание общественности, творческих организаций, органов народного образования к детским домам, помочь в решении острых проблем, которых здесь немало, — вот цели, которые мы ставили, открывая новый раздел.

Что уже сделано? Практически во всех детских домах страны созданы библиотеки. Директора и воспитатели в своих письмах в редакцию отмечают, что частыми гостями у ребят стали шефы — рабочие, студенты, творческая молодежь. Однако проблем остаются нерешенными, и самая большая из них — нехватка в детских домах высококвалифицированных, преданных делу педагогов и воспитателей. Дефицит этот неизбежно сказывается на детях — им не хватает взрослого внимания, заботы.

В материалах, которые мы печатаем в этом номере, речь идет о шефстве. Организовать для ребят кружок или секцию, повести их на экскурсию, помочь в

возникли, к подшефным ребе стали заходить. Но раз такое у ребят, объявили, конечно, аврал. Чуть не каждый день дополнительно приходили с ними заниматься. Двойки наши дети исправили. Началась новая четверть, опять жалобы: плохо себя ведут, у каждого второго замечание в дневнике. Тогда состоялся у нас серьезный разговор: «Вы что же, дорогие, забыли, что наш цех — коммунистического труда и мы с вами соревнуемся? А если не забыли, то почему же своим поведением и учебной бригаду подводите? Придется вызвать весь класс в цех и обсудить на совете бригады». Смотрим, приуныли четвероклассники, но, видимо, так сильно пережили предупреждение, что прямо на глазах стали исправляться. Да и как иначе, если соревнование у нас идет самое настоящее. Мы к ребятам домой, а они к нам в цех приходят, смотрят, как мы трудимся. Такая у нас рабочая система воспитания.

Шефство бригада осуществляет коллективное, но оно не исключает, конечно, и личных привязанностей. Однажды пришли шефы в детский дом, ребята их встретили, как всегда, только Володы Стрижнева не было, запропастился куда-то мальчишка. Через какое-то время объявляется зареванный: «А я дядю Олега искал, почему дядя Олег не пришел?» «В армии служит твой Олег, — отвечают девушки. — Вот, читай письмо от него».

Олег Маркин был комсоргом бригады, заядлым спортсменом. Детдомовские ребята ждали каждого его прихода: Маркин же единственный в бригаде мужчина. Потому и тянулся к нему так Волода Стрижнев и другие мальчишки.

Вот тут и встает особо вопрос бригадной педагогики, имеющей прямое отношение к шефству над детским домом.

Вторая бригада — экспериментальная. Именно она осваивает все новые модели часов, прежде чем их поставят на поток. Без взаимной поддержки, взаимной требовательности такая работа невозможна. Потому членов бригады воспитывает сам стиль взаимоотношений. Одна молоденькая сборщица призналась: «Пришла я на завод после ГПТУ, и больше всего меня поразило то, что мастер ко мне, восемнадцатилетней девчонке, по имени-отчеству обращается. Меня никогда в жизни так еще не называли. С самого первого дня пребывания в бригаде я себя взрослой почувствовала».

Трудным подростком пришел к Носовой и Олег Маркин. И на работу опаздывал и сменные задания не выполнял. Только мастер и знает, каких трудов стоило наставить его на путь истины. Зато в армию Олег ушел совсем другим человеком. В письмах пишет, что после службы обязательно вернется в цех, обязательно во вторую бригаду, и добавляет, что скучает по своим подшефным из детского дома.

Идут годы. Одно поколение детдомовцев сменяется другим. И состав бригады тоже не остается неизменным. Но ниточка, их связывающая, не рвется, тянется уже двадцать с лишним лет. В чем секрет такой ее прочности? Может, в том, что в детский дом люди идут работать только по велению души и сердца? Или в том, что сама атмосфера доброты, участия, ответственности за того, кто работает с тобой рядом, эта атмосфера, так характерная для бригады Носовой, воспитывает новичков и им самим уже хочется принять участие в незнакомой ребячьей судьбе? А может, весь секрет в личности мастера, человека доброго, отзывчивого, неутомного и деятельного?

Фото Альберта ЛЕХМУСА

ских работников организовать помощь детдомовцам силами местных книголюбов.

Спустя некоторое время мы получили следующий ответ:

«На обращение редакции сообщаем, что в настоящее время над детским домом №1 организовано действенное шефство. По решению бюро городского совета пионерской организации в детский дом перенесена работа пяти кружков Дворца пионеров. Настоящими друзьями ребят стали комсомольцы шефствующего предприятия, студенты педагогического института, подарившие воспитанникам большое количество книг и игрушек. Недавно в городском комитете партии согласован план благоустройства и озеленения территории детского дома. Начата работа по созданию детского лесничества.

Поддержав инициативу ЦК ВЛКСМ о проведении недели «Творческая молодежь — воспитанникам детских домов», мы постарались в этом году сделать ее для ребят запоминающимся праздником. Думаем, что цели достигли, хотя нам и не удалось пока привлечь всю творческую молодежь к этому важному делу. Активнейшими нашими помощниками стали комсомольские организации городского драматического театра и детской библиотеки имени Горького, студенты вузов, учащиеся техникумов. Каждый детский дом, школа-интернат получили за последнее время много подарков — это телевизоры, магнитофоны, проигрыватели, велосипеды, музыкальные инструменты, и сейчас, надеюсь, ребята смогут прочесть произведения классиков детской литературы, будут знать о них не только понаслышке.

Заверяем редакцию «Смены», что комсомолы Города юности всегда будут считать шефство над детскими домами своей первейшей заботой.

Николай ГУБАЧЕВ,
секретарь Комсомольского-на-Амуре горкома ВЛКСМ».

Нам хотелось бы надеяться, что именно такое действенное и конкретное шефство над детскими домами и школами-интернатами, какое, судя по приведенному ответу, стало характерным для Комсомольска-на-Амуре, установят и те комсомольские организации, которые пока еще стоят в стороне от этого важного дела.

«НАДО ВИДЕТЬ ИХ ГЛАЗА!»

Приятно получать подарки, но еще приятнее дарить. Я и мои товарищи, бойцы студенческого строительного отряда «Прометей», лишним раз убедились в этом на недавнем слете воспитанников детских домов Башкирской автономной республики. Надо было видеть восторженные ребячьи лица в тот момент, когда каждому из семидесяти делегатов вручались памятные подарки — именные часы «Юность». Надо было видеть и глаза моих товарищей — они, наверное, не меньше, чем ребята, светились радостью. Мы еще раз зримо ощутили плоды своего труда. Труд, оплаченного ни с чем не сравнимой ценой — детской благодарностью.

Почему именно часы решили мы подарить участникам слета? Мысль у нас была такая. Дети, у которых есть и мамы и папы, сейчас чуть ли не с первого класса ходят с часами. (Хотя, на мой взгляд, отроку семи лет иметь свой хронометр рановато.) А о старшеклассниках и говорить нечего — все

при часах. Детдомовским же воспитанникам о такой нужной в повседневной жизни вещи, как часы, вовсе не роскоши по нашим временам, только мечтать приходится. Подобные покупки просто не предусмотрены детдомовской сметой расходов. Вот мы и решили: на деньги, заработанные в стройотряде, приобрести для ребятшек часы. (Тем, кто захочет последовать нашему примеру, сообщаем, что «Юность» выпускается Пензенским часовым заводом и стоит совсем недорого, всего 16 рублей.) Теперь мы знаем, что многие проблемы жизни детских домов и школ-интернатов вполне можно решить, не дожидаясь, когда органы народного образования изыщут соответствующие средства. Кто-то, прочтя эту фразу, улыбнется иронически: дескать, наивно строить весь расчет на энтузиастах, непременно на отзывчивых, добрых людях, потому что только они и могут привить детям, волею судьбы оказавшимся без родителей, веру в добро, справедливость.

Когда три года назад в комитете ВЛКСМ института появилось объявление о наборе бойцов в отряд безвозмездного труда, к самой этой идее многие тоже отнеслись скептически. Но у идеи нашлось немало единомышленников, а уже первый летний семестр «Прометей» показал реальность наших замыслов. Отряд не только не развалился, как предполагали сомневающиеся, но стал крепким коллективом; инициатором интересных дел в институте. Бойцы «Прометей» — самые активные участники всех общественных мероприятий. Без них не обходятся ни дни солидарности, ни фестивали политической песни, ни конкурсы плаката. Разумеется, состав отряда не остается неизменным. Идут годы, сменяются поколения студентов, но живой остается главная традиция — бескорыстная помощь воспитанникам детских домов.

В течение всего года мы часто бываем в Уфимском детском доме №3. На заработанные отрядом деньги приобрели оборудование для фотокружка, инструменты для музыкального. Сами же ведем и занятия в этих кружках. Хочется подчеркнуть: мало заработать какую-то сумму денег и перечислить их на счет детского дома. Наше шефство — это еще и постоянное общение с ребятами: на коммунистических субботниках, в часы досуга. Разумеется, ребята и без нас часто бывают в кино, театре, особенно те, кто постарше, и все-таки, думаю, гораздо интереснее, если вместе с детьми идут в театр их старшие друзья, с которыми можно обсудить спектакль или фильм да и просто поговорить о жизни. Ни один институтский фестиваль самодеятельной туристской песни не обходится без участия наших подшефных. Не случайно музыкальный кружок, в котором студенты обучают ребят игре на гитаре, стал для них любимым.

Каждый летний трудовой семестр привносит в нашу работу что-то новое. В нынешнем году у «Прометей» появился младший брат — отряд-спутник имени Державина. Вместе со студентами в него вошли старшеклассники из детских домов Уфы. И вот уже на глазах рождается новая традиция: бывшие бойцы «Прометей», включенные в состав других линейных ССО, решили весь свой заработок перечислить в фонд детского дома №3.

Мы, будущие инженеры-нефтяники, отнюдь не педагоги. Но разве обязательно быть педагогом, чтобы ощущать, как свои, проблемы и заботы чужого ребенка? Для этого, по-моему, нужно просто иметь отзывчивое сердце. Мы благодарны «Прометею» за то, что он дал нам возможность ощутить причастность к жизни детей.

Светлана КУЛИКОВА,
боец студенческого
строительного отряда «Прометей»
Уфимского нефтяного института.

-ТЕПЛЫЙ ДОМ

ремонте здания, подарить автобус, как это сделали ростовские студенты, или наручные часы, как студенты из Уфы, просто вместе с ребенком разобраться в трудной задачке или пришить малышу оторвавшуюся от пальтишка пуговицу — формы шефской помощи детскому дому могут быть самыми разнообразными.

Хотелось бы, чтобы начатый в материалах этого блока разговор продолжили вы, уважаемые читатели. Если ваша комсомольская организация, ваш трудовой коллектив шефствует над детским домом, напишите нам об этом. С какими трудностями вы сталкиваетесь? Что конкретно вы могли бы предложить для лучшей организации шефской работы в детдоме? Думаем, не останутся безучастны к этому разговору и педагоги детских домов. Своими размышлениями, очевидно, могли бы поделиться бывшие детдомовцы, те, кто уже покинул общий кров, и сегодняшние воспитанники.

Ждем ваших писем, друзья!

А ведь как часто приходится сталкиваться с примерами формального шефства, когда оно ограничивается лишь вручением подарков раз в год! Но и дорогой подарок будет детям не в радость, если только говорить о душевном и заботливом к ним отношении, но ничего истинно душевного не делать. Как очень точно подметил в одной из газетных статей известный писатель Виктор Астафьев, не со стороны, не с чужих слов знающий жизнь детского дома, «никто так болезненно не переживает нотаций и наставлений, как гордые в своем затаенном горе сироты, никто так яростно не может ненавидеть благодетеля, как детдомовец, и никому так жестоко не мстят детдомовцы, как назидаемому воспитателю, талдычащему на каждом шагу: «О вас заботятся, вам дают, вас любят...»

Горе-шефы обычно оправдываются тем, что дети в детдоме трудные, общий язык с ними невозможно найти. Но и у комсомольцев с часового завода их друзья из детского дома не мед и не сахар. И все-таки рабочие парни и девчата идут к детдомовцам и помогают им чем могут. Потому что без этого, считают они, беднее и скучнее была бы не только жизнь детей, но и их собственная.

Несколько лет назад гостем Угличского детского дома был замечательный итальянский писатель-сказочник Джанни Родари. В альбоме для почетных гостей он оставил такую запись: «Ребята, будьте счастливы. Пусть исполнятся все ваши желания».

В сказках Родари добро всегда побеждает зло. Но сила добра — и в его добровольных помощниках. Хорошо, когда таких искренних помощников много. Как у детей из детского дома в Угличе.

ДЕЛО ВАЖНОЕ, НЕ БУМАЖНОЕ

Как помнят читатели, в прошлом году «Смена» провела кампанию «Добрые книги — детскому дому». 110 тысяч книг, присланных в адрес редакции нашими читателями, нашли прописку в ста библиотеках, созданных в детских домах страны. Естественно, что даже при таком количестве книг обеспечить каждый детский дом или школу-интернат, нуждающиеся в библиотеке, силами только редакции «Смены» оказалось нелегко. Мы получили немало писем от директоров детских домов и школ-интернатов с просьбой помочь в комплектовании библиотек. Например, директор детского дома №1 города Комсомольска-на-Амуре писал нам, что библиотека детского дома, в котором воспитывается около двухсот детей, организована недавно, поэтому фонд ее совсем мал, нет детской художественной литературы. «Ребята могут только мечтать», — говорилось, в частности, в письме, — о том, чтобы прочесть «Золотой ключик», «Приключения барона Мюнхгаузена», «Робинзона Крузо». О произведениях Маршала, Носова, Чуковского наши воспитанники знают лишь понаслышке.

Копию этого письма мы направили в горком ВЛКСМ Комсомольска-на-Амуре, попросив при этом комсомоль-

ЗРЕЛЫЙ ВО

Алексей КОРЗУХИН

Молодые лица смотрели на нас с картин молодых художников.

Реальные герои. Реальный фон. В скульптуре, в живописи, в графике запечатлен, остановлен миг жизни. Будничный и героический. Спокойный или же мятущийся, наполненный движением. И мы узнаем этот миг. Эти лица. Потому что на полотнах молодых мастеров — мы, молодые, наши дела, наши взлеты, наш труд и просто все то, что любим и чем живем.

Этим летом в Москве лучшие выставочные залы были отданы молодым художникам. В залах Академии художеств СССР, на Кузнецком мосту, в Манеже художники своими работами рассказывали о времени, о современнике, о себе. Вступая в большое искусство, многие молодые заявили о себе как о вполне сформировавшихся, зрелых мастерах, способных с высокой требовательностью, с гражданской от-

**С. ОССОВСКИЙ.
РЫБАКИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА.**

М. ЗАЙЦЕВА. БАЛЕТ.

ветственностью откликаться на самые сложные вопросы, выдвигаемые нашим временем.

Герой-современник. Что волнует его? К чему стремится? Какие задачи ставит перед собой и каким путем идет к их решению? Каковы его нравственные идеалы? Художник, отвечая на вопросы, ведет со зрителем разговор, открытый, пристрастный.

Вот молодые солдаты на картине А. Сытова «Вечерняя мелодия». Вместе с шинелями, вместе с погонями на их плечи легла забота о защите Родины. Теперь это главное, что объединяет их, таких разных и таких непохожих в предыдущей гражданской жизни. И, словно бы перекликаясь с этой работой, романтически яркое, даже музыкальное по палитре полотно О. Ефимова «Юность». Летняя пора, такая долгожданная для подростков. Несущиеся кони с юными всадниками. Прозрачный воздух, насто-

ОЗРАСТ ДЕБЮТА

янный на ароматах трав и цветов Веселое, радостное детство. Без взрывов, без пожаров. Потому что небо, цветы и юность оберегают вот такие молодые солдаты. Природа во многих работах не только фон, она несет и эмоциональную нагрузку. Осыпающиеся золотые листья словно продолжают стремительный бег девушек на полотне Б. Шатохина «В парках и садах», а необычные деревья, напоминающие зимний рисунок на стекле, вносят сказочность в реальный сюжет С. Шицына «Дети севера», оттеняют яркие национальные костюмы.

Не только о настоящем, о сегодняшнем дне рассказывают молодые художники. История Родины, ее прошлое, истоки героизма, преданности и самоот-

рочках, на летней практике, во время трудового семестра они украшали поселки, которые только родились на БАМе. Оформляли клубы и дворцы культуры, школы и больницы целины. Нечерноземья. И наряду с этим их творчество отображало деятельность первых землепроходцев, землепашцев, молодых ученых, рабочих.

Некоторые студенты института имени В. Сурикова проходили преддипломную практику на островах Дальнего Востока «Рыбаки Дальнего Востока» С. Оссовского. Классическая размеренность ритмов, умиротворенное спокойствие людей, просветленная свежесть природы. И предстает перед нами труд рыбаков—торжественный, едва ли не празд-

О. ЕФИМОВ. ЮНОСТЬ.

С. ШИЦЫН.
ДЕТИ СЕВЕРА.

Б. ШАТОХИН.
В ПАРКАХ И САДАХ.

верженности ее защитников—все это одна из ведущих тем выставок.

Повышенный интерес вызвало большое полотно С. Присекина «Кто с мечом к нам придет», посвященное славнейшему в веках Ледовому побоищу, где русские дружины под предводительством Александра Невского разгромили тевтонских псов-рыцарей. Светлый, возвышенный образ древнерусского богатыря помещен живописцем в центр холста; противоборствующие массы сражающихся воинов изображены со скрупулезной тщательностью и достоверностью исторической иконографии. Персонажи запечатлены с тонкой нюансировкой их психологического облика, каждый одет в свой костюм, сражается своим оружием. Яркий контраст состояний в правой и левой частях картины воплощает две полярные силы: добра и зла, мира и войны.

Многим работам этих выставок свойственна чуткость к событиям наших дней. Ко всему, чем богата жизнь на разных широтах нашей страны. Пожалуй, нет такого места на географической карте, где бы не побывали молодые художники. В творческих команди-

ничный. Он возвышен, строг, исполнен достоинства. Краски лаконичны, по-настоящему выразительны, подчинены общей идее работы.

Особенность дипломной выставки, проходившей в залах Академии художеств СССР,—демонстрация оценок, полученных суриковцами на защите. Рядом с названием работы молодого художника часто встречалось «отлично». И даже если эта высокая отметка для некоторых была своеобразным авансом, думается, она оправдана. Так, не все бесспорно по исполнению в работе М. Зайцевой «Балет». Наверное, недостаточно выявлена индивидуальность лиц, несколько искусственными выглядят позы танцовщиц. Но это заявка на интересное, жанровое по характеру произведение.

Главное впечатление от молодежных выставок — надежда и уверенность. Если начало для многих художников столь многообещающе, то и продолжение, верится, будет интересное, значительное. Молодых художников ждут новые дела, новые ударные стройки, молодые города и заводы. И прежде всего — новые люди.

КАК УТВЕРДИТЬ
ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

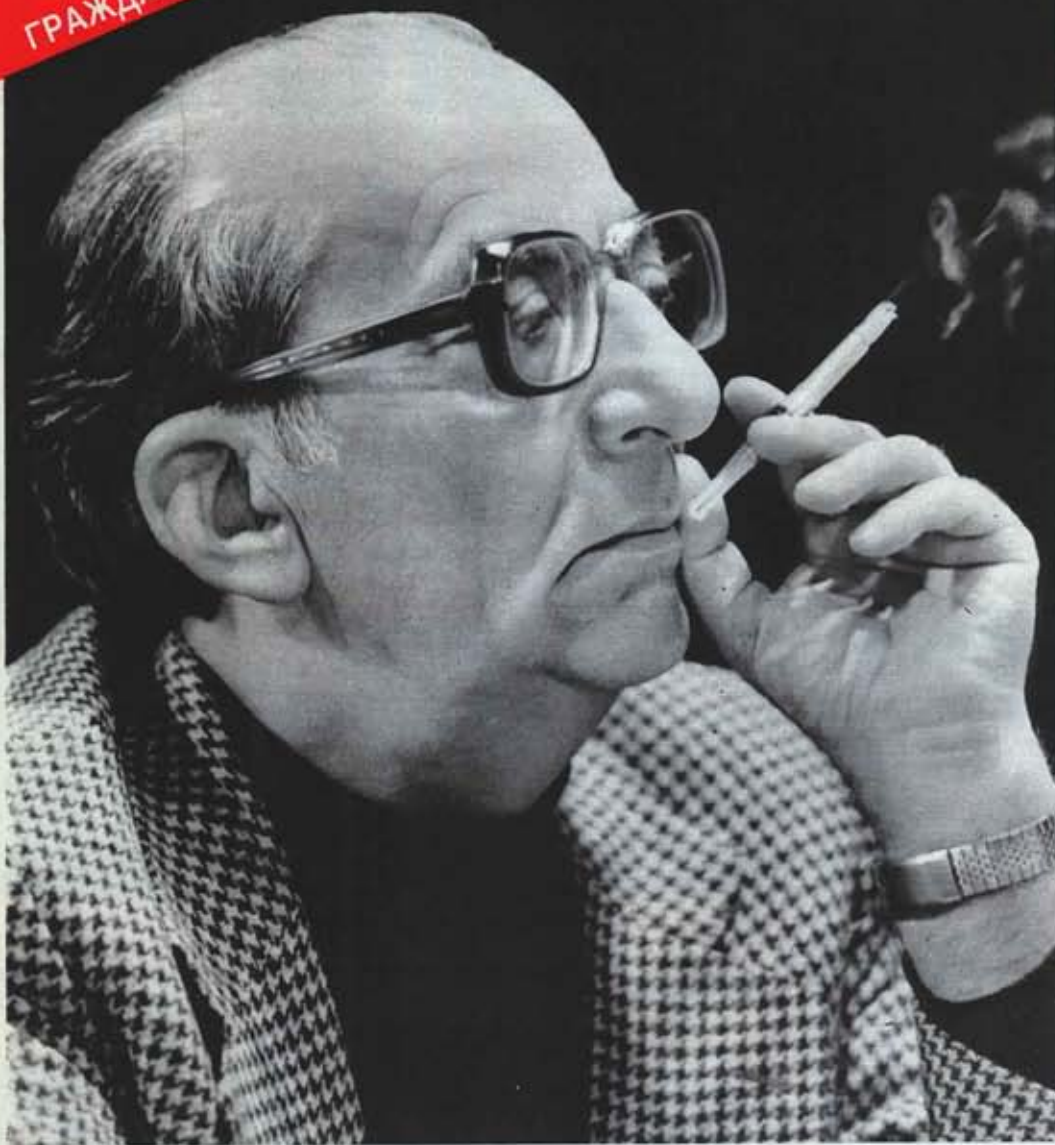

Фото Юрия БЕЛИНСКОГО

Автобиографии

ГЕОРГИЙ ТОВСТОНОГОВ:

ВЕЧНЫЙ ДИАЛОГ

*Дорогие мастера! Здесь написано
Ваша судьба, здесь кончается Ваш
к Театру призвание
Как важно не ошибиться в этом!
25-го 83 Т. Товстоногов
Ленинград*

Мне еще не приходилось писать автобиографию, предназначенную миллионам читателей, миллионам людей, из которых каждый вправе что-то в моей жизни оценить не так, как я или мои близкие. Но уж коли пришлось мне этим делом заняться, попробую...

Я родился в Тбилиси. Мой отец был потомственным железнодорожником, мать — домохозяйкой. Отец хотел, чтобы я продолжил его дело, настаивал на этом. По его плану я должен был поступить в институт железнодорожного транспорта. Но я думал иначе: уже в школе я полюбил театр, играл в драмкружке, который сам и создал. Многие, наверное, прошли через эту «болезнь театром». О своем намерении стать режиссером я сказал отцу. Нет, он не рассердился, объяснение наше было спокойным. Но отец решил так: я все же обязан получить какую-то «твердую» профессию, а потому поступлю в железнодорожный и после первого курса, когда мои желания окончательно определятся, если я докажу, что мечтаю о театре по-настоящему, только через год мы решим, кем мне быть.

Этот год прошел. Моя любовь к театру и готовность посвятить ему жизнь не только не ослабли, но стали еще глубже, осознаннее, даже личностнее. Но в театральный институт я не пошел, а поступил в Тбилисский русский театр юного зрителя. И сейчас, по прошествии пяти десятков лет, я благодарен судьбе да и себе, наверное, тоже за это решение. Потому что там, в Тбилиском ТЮЗе, я познакомился с удивительным человеком. Это был Николай Яковлевич Маршак. Замечательный режиссер, казалось, удивительно чувствующий зрелищность и театральность. Вот где я, еще, собственно, мальчишка безусый, почувал природу театра, магию, проникся его атмосферой. Здесь была моя первая профессиональная школа. Может быть, еще не во всем осознанная, продуктивная, что ли. Но я понемногу начал ориентироваться внутри театрального организма. У меня появлялась увлеченность делом, появлялся вкус к познанию сложной внутренней механики спектакля. А это, согласитесь, уже не слепая юношеская, да что

там юношеская — младенческая влюбленность. Это уже для жизни кое-что существенное. Моя любовь к сцене начала перерастать в определение себя, своего места на сцене.

Наконец, через Наркомпрос Грузии я получил направление в Государственный институт театрального искусства в Москве. Правда, тогда направление почти не давало никаких преимуществ при поступлении, как теперь. Мне пришлось выдержать большой конкурс, желающих стать режиссерами было достаточно. Меня приняли.

И тут мне тоже повезло: моими педагогами стали сначала Андрей Михайлович Лобанов, позднее — Алексей Дмитриевич Попов. Лобанов тогда был совсем молодым человеком, но уже знаменитым: его спектакль «Таланты и поклонники» в студии Р. Симонова пользовался буквально бешеной популярностью. Придя к нам на курс, Лобанов сказал: «Как преподавать режиссуру, я не знаю, но вы будете иметь право после репетиции спросить меня, почему я сделал так, а не иначе». Что ж, он ставил, мы спрашивали: все шло, так сказать, эмпирическим путем, путем проб и ошибок. При этом тренируя свою не окрещеную еще интуицию режиссера.

Когда я сейчас спрашиваю себя, кто же из педагогов помог мне в моем становлении больше — Лобанов или Попов, сам себе я не могу четко ответить. Школа обоих мастеров была мне необходима. Оба они шли от одного «корня» в театре — от того направления, которое возглавлял К. С. Станиславский, оба были глубочайшими реалистами, психологами. Пожалуй, Лобанов как бы нес Станиславского «в себе», внутри, даже не осмысляя его, но скорее чувствуя камертон его правды. А вот Попов, тот был блестящий аналитик, нам, ученикам, он дал четкое понимание системы, логики Станиславского, раскрыл смысловую сторону его учения. Так что оба педагога много дали нам, очень многому научили. Я уж не говорю о том, что они были за люди, как ценно было общение с ними! Дай бог сегодняшним студентам режиссерских курсов встретиться с такими учителями! Помимо мастерства режиссуры, мы постигали актерское мастерство. Даже начинали с этого. При Лобанове нашим педагогом был Осип Наумович Абдулов, при Попове — Николай

Сергеевич Плотников. Представьте себе, как ликовали мы, гордились своей судьбой!

Но учение мое не ограничивалось стенами ГИТИСа. Меня учила вся театральная Москва. Тогда не зря называли ее театральной Меккой. Середина тридцатых годов, а это значит — Станиславский, Немирович-Данченко, Рубен Симонов, Мейерхольд, Таиров, Завадский, Федор Каверин... А какие горячие, ошеломляющие дискуссии были!

Хоть я и считал себя убежденным «художественником», однако и в театрах других направлений находил, не мог не видеть бесценное богатство театрального творчества. Атмосфера спора разных течений, стилей, манер была очень для меня плодотворна, позволяла, как выразился в те годы Мейерхольд, быть «мудрой пчелой», собирая нектар с разных цветков. Нет, я не был всеяден. Что-то мне нравилось больше, чего-то я не принимал от «а» до «z», в чем-то находил лишь крупицы смысла. Но меня как театральную личность сформировала вся театральная атмосфера тех лет. Если хотите, тогда я получил хорошую профессиональную «закваску», позволившую, как мне кажется, в течение всей жизни идти только своим путем.

Дипломный спектакль, а это были «Дети Ванюшина» С. Найденова, я поставил в 1938 году в тбилисском Театре имени А. С. Грибоедова. Парадокс заключается в том, что этот спектакль не был моим дебютом. К тому времени я уже поставил шесть спектаклей в моем родном ТЮЗе. В Тбилиси я регулярно приезжал на каникулы, готовил и выпускал (успевал-таки) спектакль, в Москву, в институт, возвращался, конечно, с опозданием, выслушивал выговоры декана, а потом... снова ехал.

Распределили меня, как я уже сказал, в Театр имени А. С. Грибоедова, где проработал с тридцать восьмого года до конца войны, поставил много спектаклей — разных по жанрам и эпохам. В Тбилиси во время войны собралась хорошая труппа: приехали актеры из Баку, Ростова-на-Дону, других городов. Высокопрофессиональные, опытные актеры. Работать с ними было одно удовольствие!

Уже в те годы я начал заниматься театральной педагогией. Это было для меня очень важно, очень

ценно. С одной стороны — плановая работа в театре, жесткие сроки, смета, в которую необходимо уложиться, с другой — эксперименты, поиски со студентами, лабораторная работа. Буквально через год-полтора после приезда в Тбилиси меня пригласили в Театральный институт имени Ш. Руставели. Сейчас в Грузии работают мои ученики — уже мастера, «мэтры», среди них М. Туманишвили, Г. Лордкипанидзе, Г. Гегечкори, М. Чахава, С. Канчели, а вот Роберт Стурца — тот, так сказать, уже мой внук: его учитель — М. Туманишвили. Думая о них сегодня, я осознаю всю меру лежащей на моих плечах ответственности за их судьбы в искусстве. Я не раскаиваюсь в том, что рано начал преподавать. Мне самому это было полезно, многое дало: привило вкус к студийной работе, к долгим, порой изматывающим поискам единственно верного решения.

В сорок шестом году я уехал из Тбилиси. Почему? Почувствовал, что скоро окажусь в тупике, что вернусь на месте, а не иду вперед. А без этого жить невозможно не только в театре! Я уехал, открыто говоря, в никуда, в неизвестность, потому что в Москве, где я снова появился, мне работы не дали. Но я не отчаивался. И потому что в профессии я рано стал самостоятельным, никогда ни под чьим художественным руководством не работал, никто мои спектакли не правил. Сейчас молодой режиссер обязательно попадает кому-то в руки. Со мной, слава богу, этого не случилось. В Театре имени Грибоедова, правда, был художественный руководитель — Константин Язонович Шах-Азизов, но он не был режиссером, он был директором, «редким директором», как назвал его в одной статье Виктор Розов. Прекрасный организатор, чуткий, образованнейший человек! В мои дела не вмешивался, никогда не административировал в искусстве. Когда его перевели в Центральный детский театр в Москве, а к нам, в Тбилиси, назначили новое руководство, я понял, что прежней режиссерской самостоятельности вот-вот придет конец. Впрочем, это был лишь повод, а причины моего переезда, как я уже сказал, имели чисто творческий, человеческий характер. Мне грозил кризис застоя. И я бросился догонять Шах-Азизова. Но в Москве мне ничего предложить не смогли. Однако сказали: «Поезжайте в Алма-Ату, поставьте спектакль, там посмотрим, что делать дальше». Я поехал в Казахстан.

В Академическом театре драмы работали тогда две труппы: в одном здании сосуществовали казахский театр и русский. Очень талантливые люди там собрались. А поставить нужно было спектакль на современном материале. Я выбрал для постановки пьесу Б. Чирскова «Победители», сделал спектакль с двумя составами — казахским и русским. Как будто удачно. Вернулся в Москву.

Снова поиски работы. Беседовал с Таировым, с Завадским.... Позднее Юрий Александрович, вспоминая ту беседу, хитро улыбаясь, сказал мне: «Я, наверное, правильно сделал, не взяв вас тогда в свой театр». И я с ним согласился. У меня была своя дорога, мне хотелось строить свой тип театра. Хоть и готов я был в тот год идти в подмастерья, работа нужна была, как хлеб.

И вот она появилась. После войны осталось много так называемых фронтовых театров, не имевших своей площадки, игравших по разным ДК. Одним из таких театров руководил известный актер, режиссер и педагог Иосиф Раевский. Ввиду невозможности совмещать службу во МХАТе, педагогику и гастрольный театр, он предложил его мне. Так я впервые в жизни получил свой театр. Назывался он Гастрольный реалистический.

Два года постоянных разъездов, жизни «на улах». Два года постоянного напряжения. С точки зрения простого здоровья — невероятно тяжело. С точки зрения простого режиссерского профессионализма — необычайно полезно. Представьте себе: каждый раз надо было заново прирабатываться к незнакомой сцене, искать, как приспособить к ней оформление. А актеру — определяться в непривычном пространстве, каждый раз искать контакт с новой публикой. Так, Питер Брук специально возил свои спектакли по миру, провоцировал, так сказать, тотальную импровизационность зрелища, а мы жили в этой ситуации, для нас она была органичной, жизненной.

Но вернуться к линии моей судьбы. Где-то в конце сорок восьмого года тот же К. Я. Шах-Азизов, зная о моей тоске по настоящей работе, предложил мне ее: я поставил в ЦДТ «Где-то в Сибири» И. Ирошниковой, спектакль о проблемах молодежи, работающей на огромном заводе во время войны. Это был дневник комсорга. Практически публицистика, а не театральная литература. Все, кому предлагал Шах-Азизов постановку, отказались, даже Лобанов, мой учитель. «Тебе терять нечего», — сказал Константин Язонович. Это было действительно так. И я согласился.

Что же и кто помог мне в этой «настоящей работе»? Пригодился мой педагогический опыт, опыт импровизационных поисков логики поведения персонажей, действенного анализа текста. Мы создали сценический вариант в процессе репетиций. Исследователи утверждают, что именно так рождались пьесы Шек-

спира: бралась легенда или новелла, и во время проб, репетиций рождалась трагедия.

Значит, опыт — это первое. А вторым был человек, художник. Татлин Владимир Евграфович. Он пригласил меня к себе домой, на Масловку, угостил чаем, рассказал свою фантастическую биографию... Удивительный был человек! Очень своеобразная, точная позиция в жизни и в искусстве запала мне в душу. С ним вместе мы искали решение сценического пространства.

Спектакль получился. О нем много писали, если мне не изменяет память, почти одновременно вышло четырнадцать рецензий! Спектакль этот многое решил в моей судьбе.

Время тогда в театре было сложное. Искусство унифицировалось. Некоторые директора в провинциальных городах издавали приказы, в которых говорилось, что с такого-то числа «театр переходит на систему Станиславского!» Надо ли сейчас напоминать об этом? Кто-то, вероятно, хочет об этих годах забыть, кому-то неловко. Но это история, это было. Учение Станиславского выше и глубже, чем пытались доказать тогда администраторы от искусства своими нормативными умами, не понимавшие ровным счетом ничего ни в учении о сверхзадаче, ни в действенном анализе пьесы и роли!

Настоящее время Станиславского было еще впереди.

Мне все время приходится отвлекаться, говорить не столько о себе, сколько об эпохе, о движении театра. Наверное, читатели это заметили. Не хочу извиняться, потому что такова участь всякого, кто хочет рассказать о себе правду. Жизнь художника тысячами нитей связана с жизнью общества, вне общества художник не может полноценно творить, работать в полную силу, отгородившись от мира стеной сознания собственной избранности, уединившись в келье служителя «чистого искусства». Этот путь не просто порочен, он бесперспективен, ведет в тупик. Художник призван быть среди людей, понимать, чего хотят они и чего им недостает. Он, как никто, понимает душу человека, душу общества, сообщества. Об этом я не перестаю размышлять уже многие годы.

Об этом думал я и в те дни, когда решалась, в который раз, моя дальнейшая судьба. Было это все в том же сорок девятом. Мне предложили перенести спектакль «Где-то в Сибири» в Ленинград, на сцену Театра имени Ленинского комсомола. Я это сделал, не собираясь, впрочем, надолго задерживаться в этом городе. Но получилось так, что мне предложили стать главным режиссером: спектакль мой удался. Не без сомнений я решился. Театр имени Ленинского комсомола был тогда в бедственном положении и скорее напоминал клуб, чем театр. В какие-то моменты мне казалось, что ничего мне тут не изменить. Но постепенно все налажилось, укрепилась труппа, театр стал посещаемым.

Сейчас я часто думаю, спрашиваю себя: «Много было в моей жизни испытаний, крутых поворотов, неужели все решил один спектакль, один, пускай удачный?» Нет, наверное. Уверен, странствия и тяготы, успех и слабость, потери и обретения — все было не напрасно, все заняло в книге моей жизни нужную страницу. А спектакль потому и получился, что долго я шел к нему, набирал дыхание, копил опыт, нарабатывал постановочную технику, вникал в существо театра, в тайны актерского ремесла. Каждая постановка была мне необходима, в каждом спектакле, даже неудавшемся, я находил что-нибудь рациональное, из чего и сложился мой режиссерский почерк.

Семь лет отдал я Театру имени Ленинского комсомола, но, признаюсь, дважды «изменял» ему: сделал спектакль «Помладурши и помладурши» по Салтыкову-Щедрину в Театре комедии, а в Пушкинском театре поставил «Оптимистическую трагедию» Вишневецкого. Этот спектакль считаю в своей биографии этапным, чрезвычайно важным.

В 1956 году я стал главным режиссером Большого драматического театра имени М. Горького (тогда он еще не был академическим), здесь я работаю по сей день.

За почти три десятка лет крупных изменений в моей режиссерской системе сам я не заметил. Наоборот, в чем-то я укрепился, более четкими стали мои взгляды на жизнь, на искусство, яснее я представляю себе цель своей работы в театре.

Какова же она?

Театр не существует без зрителя, без человека, коему адресованы наши спектакли. Выбирая для постановки ту или иную пьесу, взволновавшую меня, режиссера, или моих друзей актеров, мы хотим донести, передать зрителю эту свою взволнованность, остроту видения, понимания авторского замысла. Цель театра, любого спектакля, сделан ли он на основе классической драматургии, или на материале живой сегодняшней действительности, — разбудить совесть человека, дойти до подкорки, разбудить те святые, вечные чувства, которые заложены в каждом из нас матерью, домом, обществом и которые в силу определенных обстоятельств словно покрылись патиной, заскорузли. Согласитесь, есть вещи,

которые у каждого обязательно должны вызывать строго определенную реакцию, верную природе человеческой. Критерии добра, истины объединяют людей, не дают нашей общности распасться. И точно так же мы обязаны во все времена, при любых обстоятельствах распознавать зло, низость, подлость. Мы не можем в этом быть близорукими, инфантильными. Любой наш поступок так или иначе осуществляется в контексте общественного деяния, жизнь отдельного человека — в контексте жизни многих. Потому неправда одного неизбежно влечет за собою неправду другого, если ей, этой неправде, не будет дан отпор, если она не будет остановлена и погашена.

Театр, отображающий и преображающий реальность, способен врачевать души. Разумеется, я говорю о театре подлинном, о художнике, а не о дельце, прагматике. Я говорю о творчестве.

Но как, каким путем добиться нам этой цели, этой безусловности воздействия театра на зрителя?

В последние годы я все глубже постигаю то, что Станиславский назвал «природой чувств». Истинно художественный спектакль тот, в котором точно найден способ актерского существования, природе пьесы соответствующий. Нет более трудной задачи, как разгадать пьесу! Обычно ее сценическая жизнь тонет в стереотипе. Театры либо не ищут ответа на вопрос, в чем особенность данной пьесы, либо надеются на драматурга поношенный «мундир»: и в прошлом веке, да и теперь есть «театральный мундир» Островского, Гоголя, Грибоедова... А есть и третий путь: эксплуатация раз найденного, возможно, когда-то и бывшего органичным, способа существования. Это медленная смерть театра как явления искусства.

Когда сегодня я захожу в ложу и вижу, что в «Истории лошади» Лебедев существует так, в «Мещанах» — иначе, в «Оптимистической трагедии» я его просто не узнаю, — тогда я доволен. Нельзя играть Горького как Чехова, а Шатрова как Погодина, невозможно чувствовать Островского и Тургенева одинаково. А как часто, даже слишком часто, это блестяще демонстрируется. «Характеры и костюмы», пользуясь выражением Гоголя, кочуют из спектакля в спектакль.

Конечно, нет ничего хуже режиссерской вялости, анемии. Плохо, когда режиссер только называется таковым. Но не менее опасно и другое: в целом ряде спектаклей, виденных мною в последние годы, я заметил старую, но, видимо, цепкую болезнь, именуемую режиссерским самовыражением. Это «выражение себя» чрезмерно. Я вижу, как изысканна манера того или иного художника, но я не вижу автора. Участь автора тут незавидна. Ему выпало на долю попасть на прокрустово ложе режиссерского самовыражения. Автора режут по собственному трафарету, не ведая будто, что любой трафарет изнашивается: рано или поздно блеск фантазии потускнеет. Такой режиссер неизбежно упадет в монотонность. Но сейчас я пишу не о его судьбе, мне дороже судьба автора.

Разумеется, нельзя отрешиться от традиции прочтения той или иной классической пьесы, ибо это опыт всей нашей культуры. С другой стороны, боявшись повторить пройденное десятилетия назад, недопустимо противопоставлять традиции, только ради самого противопоставления, собственную выдумку, собственное «видение». Эта выдумка, это «видение» должны идти изнутри пьесы, из мира автора. Не надо лично специально заниматься самовыражением, если уж личность есть — она всегда проявится объективно. Об опасности «выражения себя» я сейчас часто говорю своим студентам, пытаюсь привить им любовь к автору, к авторскому слову, привить пылкость и терпение.

Не надо писать свою пьесу — она уже написана драматургом, и коли уж вы взяли ее, значит, что-то в ней вас задело, заинтересовало. Найдите это, поймите, что в пьесе еще не найдено другими, но будьте верны автору! Сколько раз на моем веку приходилось видеть, как, скажем, Островского старались «циркизовать», «осовременить», не задумываясь при этом, что сама пьеса его таит в себе такое богатство нравственного опыта, что ради одного лишь прикосновения, приобщения к нему стоит работать месяцами. Или возьмите Чехова. Вот уж чья судьба «едва ли не плачевна»!

Какая аберрация должна происходить в молодых умах, если какое-нибудь незаслуженно забытое классическое произведение впервые встретится им в таком вот переиначенном виде? Боюсь, это будет страшнее школьных разделений на «положительных» и «отрицательных» героев, а всего чельного мира пьесы или романа — на образы и темы.

Автора надо понять. Надо познать, уловить внутренние законы его произведения, его логику, специфику жанра, стилистику письма. Надо понять природу чувств героя, понять, почему он мыслит, поступает так, а не иначе. А как это сделать? Мне кажется верным импровизационный путь. Кому-то он может показаться слишком эмпирическим. Пусть так, я не стану спорить. Но я ставлю выше доброго десятка

умных, но «кабинетных» концепций одну верную интонацию, правильную оценку, найденные в период вникания в материал, из которых вырастает верное ощущение актером себя в мире пьесы, а потом и в мире спектакля.

Я убежден, классика, прочтенная верно и глубоко, не может не быть современной. Кому-то ближе современность внешняя — постановочная, ритмическая, музыкальная. Нет числа этим приметам, так легко усваиваемым театром. Но это слишком легкий, а потому не слишком правильный путь. Нет, я не ретроград. Мне бывает интересно увидеть богатство режиссерских приемов, но иногда я вижу в этом лишь демонстрацию инструмента. Мне не хватает содержания, прячущегося за причудливой или вызывающей формой подачи. И снова скажу, что чаще всего небрежение смыслом пьесы, ее глубинным подтекстом есть издержки «самовыявления». Не боюсь в этом повториться, потому что слишком наболело.

Стоит ли, право, сегодня так настойчиво говорить об уважении к классике, об «уважении к минувшему», как писал Пушкин. Стоит, ибо здесь — наш фундамент, здесь — корни современной театральной культуры. В творчестве многих драматургов я нахожу продолжение чеховской традиции, традиции Горького. И речь тут не только о технике письма, о приемах драматургии как литературы для театра. Я говорю о наследии духовном, о продолжении идейном. Процесс этот бесконечен, неостановим. Разумеется, в условиях сегодняшних художник не может во всем следовать принципам классиков, не может видеть мир их очами, мир изменившийся, переживший катаклизмы, каких не знал тысячелетия. Но в оценках человеческих поступков, в отношении к святыням социальным и нравственным человек-поэт изменился мало, не должен меняться.

Сегодня театр доказал свою жизнеспособность, выдержав натиск телевидения и кинематографа, отстоял свою самостоятельность, «самость», исключительность. Живого общения ничто заменить не в силах. Дыхание зала экранный герой услышать не в состоянии, его импровизационные поиски закончились с последним дублем, отснятым на площадке, и с последним вариантом фонограммы, записанной в студии. Дальше он в своем создании не властен. Сцена дает актеру счастливую и мучительную возможность творить другого, созидать характер, режиссеру — творить мир, сплетать судьбы, наполнять жизнью — пульсирующей, мятущейся, своеобразной — холодное пространство сцены. Режиссер — это творец, хоть и ставит он чужую пьесу. И актер — творец тоже, пускай произносит он чужой текст, не ему пришедший в голову. Но стоит ему произнести первую реплику, сделать первый шаг по сцене, как возникает другой человек и начинает жить по логике своего характера.

Всякий раз нам приходится сталкиваться с новой драматургией, с новыми стилями. И так должно быть. Мой учитель А. Д. Попов говорил еще тридцать лет назад: «Тогда происходит творческое окостенение, когда художники театра, то есть актеры и режиссеры, приходят к новым произведениям, к новым пьесам в вооружении старой техники». Замечательно сказано, не опровергнуто по сей день и никогда не будет опровергнуто. Театр должен обновляться, идти вперед, остановка — уже отступление, уже грозный симптом. Актер, режиссер обязаны расти, быть внутренне мобильными, обладать даром проникновения в тайны авторского мира, им должно быть ясно все — «и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений»...

Когда сегодня я принимаю вступительные экзамены в театральный институт, мне порой бывает стыдно за абитуриентов, идущих в режиссуру, имея за плечами и вуз, и профессию, и несколько лет работы, но не могущих ответить порой на элементарные вопросы. Боюсь, сейчас складывается облегченное представление о нашей профессии, о том деле, которому эти люди хотят посвятить жизнь.

Иное вижу я в среде будущих актеров. Особенно на старших курсах. Мне очень интересны воспитанники Аркадия Иосифовича Кацмана. Курс его приписан к моей кафедре режиссуры, и я горжусь этим. Педагогический метод Кацмана кажется мне необычайно плодотворным. Потому что я вижу, как он формирует не одни лишь профессиональные навыки, умение работать над ролью, сценическую органичность и так далее. Важнее другое: он делает из них целеустремленных, серьезных людей. Как и прежде, несколько человек из этой группы мы взяли в БДТ. Думаю, они скоро и достаточно легко «приживутся» у нас.

Вот на такой оптимистической ноте я и хочу закончить. Не буду давать напутствий, читать наставлений тем, кто раскроет журнал на этих страницах. Скажу только, что главное — сделать точный, правильный выбор и оставаться ему верным. Тогда только, я убежден, ты сможешь спокойно, прямо смотреть на прожитое, в глаза близким и друзьям, в глаза матери, которая дала тебе жизнь, чтобы ты был счастлив...

Записал Сергей МИХАЙЛОВ.

ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА

Твой собеседник — чемпион

ДАЛИНЫ ДАЛИ

Ольга ВОЛКОВА
Фото автора

С просьбой рассказать о чемпионке СССР по художественной гимнастике Дале Куткайте в редакцию обратились шахтер А. Соловьев (Кемерово), учительница Е. Федорова (Псков), инженер Р. Станкявичюс (Каунас), группа учащихся ПТУ (Ленинград), слесарь Ф. Шаповалов (Мурманск), художница Э. Акопян (Ереван).

Неожиданно все закончилось слезами. Шестнадцатилетняя Даля Куткайте покидала чемпионат СССР в недоумении. Казалось, обошла знаменитую Ирину Дерюгину, уже готовилась получить бронзовую медаль, но... удручен протест украинской команды, внесена поправка в судейские протоколы, и Даля оказывается за чертой призеров.

Из разговора с восемнадцатилетней Далий Куткайте:

— Такой уж эмоциональный и субъективный в оценках вид спорта — художественная гимнастика. Признание завоевать трудно. Впрочем, удержать еще труднее.

А тогда, в семидесят первом, успокоившись, решила доказать, что может побеждать. Дни, оставшиеся до розыгрыша Кубка страны, были свободны от всего, кроме истовых тренировок, от всего, кроме труда и надежды. Удивительно, как многому научилась Даля за эти несколько месяцев. Все было в ее выступлениях на кубковом турнире: изящество и грациозность исполнения, ювелирная техника, сложность комбинаций и непринужденная радость полета. Радость, которую хотелось разделить со всеми. Лучшая в упражнениях с булавами, лучшая в упражнениях с лентой. Кубок СССР в руках у Дали! Томас,

УРОК КУЛИНАРИИ. НЕ ТОЛЬКО НАУЧИТЬСЯ, НО И ПОМОЧЬ МАМЕ.

Девина, Дерюгина — у целого созвездия гимнасток выиграла Куткайте.

После победы в Кубке Даля выступила на чемпионате мира-81, где впервые встретилась с болгарскими гимнастками. Болгарки приехали чемпионками Европы, наши собирались взять реванш за прошлогоднее поражение. Однако девушки из Болгарии вновь выступили блестяще, и лишь упражнение с лентой выиграла Ирина Девина. Даля Куткайте заняла пятое место, почетное для дебютантки, но была недовольна.

— Мне не доставало стабильности, оригинальности композиций. А сколько интересных находок показали тогда наши соперницы! После этого чемпионата и началась, оказывается, настоящая работа.

«Вместе с тренером Вайдой Кубелене они критически пересмотрели свою программу, проанализировали выступление болгарских гимнасток. Хотелось понять, в чем их сильные стороны, но не подражать, а противопоставить им достоинства нашей школы.

— Чем отличается наша школа от болгарской? У болгарок доминирует спортивное начало, хореографическая же подготовка у нас выше. И все-таки как артистичны выступления Игнатовой, Раевой, Раленковой! В основе их композиций — раскованная танцевальность, нас же несколько сдерживает классическая хореография. На ее основе труднее добиться выразительности. Здесь нужно найти «золотую середину» между стремлением к чистоте движений, эмоциональностью и спортивностью.

Вот по этому пути пошли тренер и ученица. Вместе придумывали оригинальные, сложнейшие элементы, ставку сделали на владение предметом, а не на акробатику.

На чемпионате Европы-82 болгарки позволили себе выступить со старой программой. Лидер болгарской команды Лилия Игнатова поздно почувствовала силу Куткайте, ее боевой настрой. Даля в своих композициях, сложных и оригинальных, разных по рисунку, утверждала свой стиль. Она выступала страстно и искренне, на площадке выплескивала свои чувства без остатка. «Золото» в многоборье, «золото» за булавы, «золото» за ленту, «серебро» за обруч!

— Это был мой самый счастливый день. Перед выходами так волновалась, что даже попросила Вайдю Кубелене, чтобы стояла недалеко, хотя обычно тренеры во время выступлений сидят в зале. И верила: все должно получиться. По оценкам Игнатовой (на выступления соперниц никогда не смотрю) видела — она дрогнула. Уже на пьедестале

Художественная гимнастика — и для меня большая любовь, и моя юность прошла под ее знаком, хотя подняться выше первого разряда не удалось.

Мы сидим в нарядной кухне, и нет в Далином лице светлой сосредоточенности, какая появляется во время соревнований. Движения ее медленны, даже чуть вяловаты. Угощает меня кофе, сама похрустывает свежим огурчиком, обмакивая его в мед. Голос Дали тоже тих, с мягким, милым акцентом. Она вспоминает, как все началось. Как по совету воспитательницы детского сада мама привела ее, семилетнюю, к тренеру Алдоне Гирионие. Как через год заболела и лишь спустя еще год вернулась в зал, уже к Вайде Кубелене. Была слаба физически и не очень музыкальна, недоставало прыгучести. А Вайда любила сильных девочек и не слы-

стные для меня дни — предстартовые тренировки. Чувствую такую апатию, неуверенность в себе, хоть плачь. А тренер не поддается моим капризам: «Сама с собой справляйся». Вот так и хожу, самонастраиваюсь.

И тут Даля спешит поменять тему, как будто боится возражений:

— Нет, я не верю, что артистичность можно «поставить». Конечно, можно повернуть голову в нужную сторону, улыбнуться в нужный момент. Но все-таки выразительность — нечто внутреннее, сугубо индивидуальное. На площадке гимнасткой движет вдохновение. Когда оно есть, удается все. В такие моменты я, например, даже предметы ощущаю как продолжение собственного тела. Природная одаренность — не самое главное. Недостаточные физические качества можно развить. Школа должна быть безупречной, но техника — лишь средство для самовыражения...

Разговор наш продолжается в старом районе Вильнюса. Сегодня Даля свободна от тренировок. Повод уважительный: выпускной вечер в школе. Позади волнения выпускных экзаменов, впереди новые волнения — она поступает в Вильнюсский педагогический институт. Но до экзаменов и даже до вечера еще есть время. Как заправский гид, Даля показывает мне Кафедральную площадь, готический собор, заводит в овеянные романтикой веков переулки.

— А знаете, что я больше всего люблю? Возвратиться из далекой поездки, зайти за подругой, гулять вот так по городу и рассказывать обо всем, обо всем. А вечером вместе с братом Артуром проявить фотопленки, которые сняла где-нибудь в Италии или во Франции, в странах, о которых раньше только в книгах читала. Люблю это чудо, когда готический собор, заводит в овеянные романтикой веков переулки.

— А знаете, что я больше всего люблю? Возвратиться из далекой поездки, зайти за подругой, гулять вот так по городу и рассказывать обо всем, обо всем. А вечером вместе с братом Артуром проявить фотопленки, которые сняла где-нибудь в Италии или во Франции, в странах, о которых раньше только в книгах читала. Люблю это чудо, когда готический собор, заводит в овеянные романтикой веков переулки.

И все-таки за рубежом Далию больше привлекает общение с людьми, чем осмотр достопримечательностей. Интересно все: национальные традиции, увлечения, нравы, одежда. Даля радуется, если есть возможность попрактиковаться в английском, которым она мечтает владеть так свободно, как тренер Кубелене. Самые яркие впечатления оставила в памяти Куткайте недавняя поездка во Францию, где она стала участницей Марша мира и фестиваля дружбы, проводимого по инициативе французских коммунистов.

Парк Женевелье был заполнен многоязычной яркой толпой. Не было строгих судей, не надо было бороться за баллы. Но волновалась Даля, кажется, не меньше, чем на состязаниях. Так хотелось поделиться с этими людьми радостью своего искусства. Лента была, словно живая, послушная воле гимнастки и музыки. Ярким мотыльком порхала Даля по помосту, стремительно и грациозно ткала вязь сложнейших элементов, раздавала публике шаловливые улыбки. Затем сама влилась в число участников Марша, раздавала у советского стенда значки, сувениры.

— На Марше мира приобрела много новых друзей, особенно подружилась с ребятами из Чили. Повсюду на разных языках слышалось одно слово — «мир»...

День заканчивается. Сегодня у Дали Куткайте выпускной вечер. Праздник. Завтра наступит будни. Снова в 6.00 прозвонит будильник, снова зарядка, потом час хореографии: «и-раз-и-два-и...» — необходимые, хоть и слегка скучноватые занятия у станка...

Как всегда, будут две тренировки. Продолжить шлифовку новой композиции с булавами, созданной специально для чемпионата мира в Париже. — «Танго» и подготовка нового упражнения с обручем. А вечером, свернувшись калачиком в кресле, она может быть, выкроит время почитать стихи любимого Есенина...

Будни? Нет, для нее это пусть и трудный, но праздник. Впереди у Дали — олимпийские дали.

ЗАВТРА В ИНСТИТУТЕ СЕМИНАР.

ком обращала внимание на новенькую. — Чувствовала, что отстаю. Так обидно было. Хотелось догнать остальных девочек. Я стала особенно внимательно слушать, как тренер разбирает чужие ошибки, каждую относил на свой счет.

Через некоторое время Кубелене не узнала Далию. У девочек, несмотря на внешнюю покладистость, оказался сильный характер.

Прошло несколько лет, пока при объявлении судьи-информатора «Куткайте» тренеры сборной не начали внимательно следить за тоненькой, гибкой и быстрой, как ящерица, белокурой девочкой. Уже тогда в ее чуть угловатых движениях угадывалась данная природой трепетная выразительность в сочетании с хорошей школой.

— Самое трудное — психологически подготовиться к соревнованиям. Горе-

почувствовала такую усталость, опустошенность, что даже цветы показались тяжелыми. — Даля продолжает: — Обожаю придумывать новые композиции, новые элементы. Нет ничего интереснее. Бывает, пробуем с тренером то одно, то другое, ничего не выходит. Потом вдруг что-то мелькает. Телелания, наверное, все-таки существует: чувствуем одновременно — вот оно! Чуть-чуть усилить здесь, там усложнить, бросок повыше... А какое удовольствие подбирать музыку! Уверена, художественная гимнастика — лучший вид спорта для женщины. В каждой композиции «лепится» образ. Без умения хорошо разбираться в музыке, искусстве прогресс невозможен. В то же время гимнастика воспитывает такие качества, как волю, терпение, умение в нужный момент проявить характер. Художественная гимнастика — моя самая большая любовь. Я много могу говорить о ней. Вы меня останавливайте... Мне не хочется останавливать Далию.

АЧТОУВАС?

Приз
своего имени
ОТ ПЕТРА ДО НАШИХ
ДНЕЙ

Чайхана
в дупле

Как жизнь,
студент?

ИНИЦИАТИВА

Мастер — мастерам

Александр Григорьевич Лосев — слесарь. А работа на слесарно-сборочном участке цеха контрольно-измерительных аппаратов московского завода «Калибр» далеко не ординарная. К ней «от сих до сих» не подойдешь. Качество работы Александра Григорьевича известно не только в пределах завода. За выдающиеся достижения в выполнении производственных заданий не так давно ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...В профсоюзном комитете «Калибра» долго обсуждали, какими качествами должен обладать победитель социалистического соревнования на приз имени Лосева. Наконец пришли к выводу, столь же неординарному, как и сама лосевская

работа. Кроме обязательного выполнения и перевыполнения плановых заданий, четкой трудовой дисциплины, непрерывной готовности в любой момент помочь товарищу, у будущего победителя должен быть лосевский творческий подход к делу. А чтобы не произошло ошибки (оценка творчества — вещь во многом субъективная), подводить итог сообща, раз в год, на профсоюзных собраниях.

Первый приз своего имени в канун собственного дня рождения слесарь Лосев вручил тоже слесарю, кавалеру двух орденов Трудовой Славы Виктору Васильевичу Быченкову, четверть века проработавшему на заводе.

Николай ИВАНОВ

КРАЙ РОДНОЙ Остров на «бурном море»

Старинные навигационные пособия повествуют, что Петр I, исследуя Ладогу — «свирепое и бурное море», — однажды сказал своим спутникам: «Тут будет сухо!» И велел набросать в месте, где часты были кораблекрушения, — гряду камней, поставить на ней маяк.

Так и возник крохотный искусственный островок «Сухо».

...Высадившись на остров, я увидел на стене одного из двух домов, имеющихся здесь, мемориальную доску: «...Четвертый сильный рукопашный бой. Батарею бомбят самолеты. У нас из 70 бойцов осталось 13, раненых 32, остальные пали. Пушек 3, сделали по 120 выстрелов. Из 30 выпелов потопили 16 барж, 1 взяли в плен.

Погибло много фашистов...»

Это строки из дневника командира обороны И. К. Гусева, датированные 22 октября 1942 года.

Именно в этот день на Ладожском озере была разгромлена вражеская флотилия, пытавшаяся захватом острова Сухо оборвать Дорovu жизни.

Сейчас на острове метеостанция Северо-Западного управления по гидрометеорологии и контролю природной среды. Восемь раз в сутки в эфире раздается позывной: «Я — Сухо-маяк». На Большую землю идет сводка погоды, передаются сведения, необходимые судоводителям.

Валерий НИКИФОРОВ

НОВОСТРОЙКИ

Общежитие, квартира №...

Новоселами недавно стали полторы тысячи студентов Московского государственного института культуры. В строй вступили три новых корпуса комфортабельного общежития. В нем нет привычных длинных коридоров, потому что общежитие это квартирно-го типа. На все пять лет учебы комнаты закрепляются за одними хозя-

евами. Новоселы теперь более заинтересованы в том, чтобы беречь свой дом, поддерживать в нем порядок. Замечательно подарку рады, конечно, все студенты, но особенно — семейные. Решением ректора в новом общежитии им выделено тридцать квартир.

Вадим ОПАЛИН.
Фото автора

На снимке: символический ключ вручен.

ЭКСПЕДИЦИИ

В прошлом году на дальневосточные полуострова Крильон и Тонино-Анивский ученые привезли изюбров. Нынешняя экспедиция Центральной научно-исследовательской лаборатории «Главохоты» подтвердила предварительные выводы — животные прекрасно чувствуют себя в новых местах.

Теперь на очереди — переселение лосей. Уче-

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ СОХАТЫХ

ные, работавшие этим летом на Сахалине, изучали возможные условия их обитания в лесах Поронайского, Смирновского, Тымовского районов. Предварительный вывод — лосям должно здесь понравиться. Тем более что родина будущих новоселов относительно недалеко — на Камчатке.

Евгений УХОВ

ЭКСПЕРИМЕНТ

Воды круговорот

Харьков — второй по величине город Украины — будет, видимо, первым и единственным пока городом в стране на водной самокупаемости. Что это значит? Всем известно, что сейчас подавляющее большинство крупных предприятий переводится на оборотное водоснабжение. То есть завод не сбрасывает использованную влагу обратно в русло, попутно «выпивая» не меньшую

дозу свежей воды, а через системы очистных сооружений вновь использует ее.

Проект, осуществление которого начинается в этой пятилетке, предусматривает возвращение в Харьков такого количества очищенных промышленных стоков, что общий объем их будет больше, чем ресурсы местных рек Лопани и Харьковка, вместе взятых. После постройки специ-

МУЗЕИ

У ПИРОСМАНИ

Тбилисцам особенно дорого это имя, ибо кисть Пиросмани подарила жителям столицы республики немало ярких картин о жизни старого города. И вот теперь в доме, где художник провел последние годы своей жизни, открылся музей его имени. Интерьер комнаты восстановлен по картине народного художника СССР, Героя Социалистического Труда Ладю Гудмашвили «Смерть Пиросмани».

Галактион ТАГАНАШВИЛИ

ВСТРЕТИЛОСЬ В ПУТИ

ВОТ ТАК ЧИНАРА!

Немало повидала на своем веку пятисотлетняя чинара, что стоит у дороги, ведущей из Баку в Агдаш. Высота ее равна примерно высоте пятиэтажного дома, причем изнутри дерево полое. Когда-то в дупле четырехметрового диаметра укрывались от внезапной непогоды пастухи, случайные путешественники. Работники местного общепита решили поддержать древнюю традицию. И теперь мало кто проедет мимо этого дерева, не выпив чашки ароматного чая в чайхане, открытой в дупле.

Алексей ДАНИЛИН

Николай МУСКУЛЕНКО

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

МНЕНИЕ МОЛОДЫХ

В центральной народной школе города Золингена, ФРГ, господа из федерального «Общества самозащиты» проводили первое занятие со старшеклассниками. Вот их рекомендации ученикам на случай атомной войны: плащ и чемодан защитят от радиоактивных осадков; зажмуривайте глаза при вспышках ядерных взрывов; прячьтесь за стены при атомной бомбежке... И ни слова о том, что атомная война в Европе уничтожила бы жизнь на континенте.

Однако школьники оказались не столь наивны, как полагали в «Обществе самозащиты». Перед школой шел сбор подписей под «Крефельдским воззванием», а школьный двор сами ученики разрисовали символами мира, над школой развевался флаг с голубем мира. Занятие, запланированное на другой день, не состоялось...

«ЭЛАН», ФРГ

Молодежь ФРГ — в первых рядах сторонников мира. На снимке вы видите группу солдат бундесвера с транспарантом: «Солдаты НАТО — против атомных ракет».

НЕОТСТУПИВШАЯ

Ану Надж, пианистку из Загреба, можно назвать живым подтверждением той вечной истины, что если упорно стремишься к цели, то непременно ее достигнешь.

— Мы работали вместе по специальному методу, — рассказывает преподаватель Аны видный пианист Владимир Крпан.

Да, без этого было не обойтись. Ведь Ане, слепой от рождения, пришлось овладеть семью с половиной октавами, то есть 90 черными и белыми клавишами. Правда, многие концертирующие музыканты выступают с закрытыми глазами (так им легче сосредоточиться); но до этого они все же «читают» музыку при помощи зрения. По-

мощники Аны — лишь осязание и превосходный слух.

В 1982 году Ана добилась того, что не удавалось прежде в Югославии никому из людей, лишенных зрения: завершила занятия по классу рояля в Музыкальной академии в Загребе и получила диплом. Вместе с этим пришло решение о самостоятельных выступлениях. Каждому пианисту в мире известно, что разучивать произведения Шуберта, Бетховена или Яначека — это неимоверный труд. Но вряд ли кому он ведом с той стороны, с какой его знает Ана. Уже первым своим выступлением она покорила слушателей...

«СВИЕТ», ЮГОСЛАВИЯ

Новый Робинзон Крузо

Он живет на небольшом острове, расположенном в Южной Атлантике. Бразилец по происхождению. Фернандо Эдвард Ли — эколог и страстный исследователь. Недавно он отметил свое семидесятилетие. 32 года назад Ли с борта самолета заметил небольшой клочок земли, затерявшийся в безбрежных океанских просторах, и решил поселиться на этом острове.

Благодаря усилиям «нового Робинзона» островок превратился в настоящий экзотический рай. Пресную воду Ли собирает в каменных резервуарах, оснащенных сложной очистительной системой. Собственными руками Фернандо Ли построил ветряную электростанцию мощностью в 2,5 квт. Разбита пальмовая плантация, семена для которой привезены из Малайзии, в аквариуме плавают рыбы африканского происхождения. Ну, а коллекция птиц может соперничать по своему разнообразию с крупным заповедником или столичным зоопарком...

«НОЙЕС ЛЕБЕН», ГДР

СТАРЕЙШИНА ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Самым старым жителем Египта, а возможно, и всей Земли является Ибрагим эль Карими. Он родился в 1823 году, сейчас ему 160 лет. В 1869 году Карими принимал участие в строительстве Суэцкого канала и был свидетелем его официального открытия. У Ибрагима эль Карими 88 внуков, он бодр, энергичен и продолжает работать пастухом в Исмаилии.

«СКИНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

Электронный лоцман

За тридцать метров до светофора металлический голос из динамика произносит: «Перестройтесь к повороту направо». Затем звучат слова: «Поворот направо» и «Прямо». Стрелка на экране дублирует устные указания...

Испытывается новый электронный лоцман для автомобилистов, изготовленный фирмой «Блаупункт», ФРГ. В запоминающее устройство компьютера заложен план города. Водителю нужно только нажать кнопку и произнести название улицы, на которой он находится, и сообщить, куда он хочет проехать. И — в путь, выполняя предписания ЭВМ, которая безошибочно выберет самый благоприятный путь.

Удобно? Несомненно. Но пока сконструированная система стоит очень дорого. Полагают, однако, что к 1990 году ее цена может быть доведена до уровня, приемлемого для автомобилистов со «среднеарифметическими» доходами.

«ШТЕРН», ФРГ

Пришелец из космоса?

Нет, служащий американской таможенной охраны в новом шлеме для ночного видения... Говорят, что теперь на побережье и на сухопутных границах будут закрыты все лазейки, через которые контрабандисты доставляют в страну наркотики. Слушая эти заверения, боссы мафии лишь ухмыляются: пусть себе таможенники вглядываются в темноту, выискивая мелких кустарей от контрабандного ремесла. «Тузы» международной контрабанды знают другие пути, где все двери и все границы открываются надежным ключом — чеком с достаточным числом нулей...

«МЛАДА ФРОНТА», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

КОРОВЫ- МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Земля в городе-государстве Сингапур — товар дефицитный. Это обстоятельство сильно осложняет производство сельскохозяйственной продукции. В качестве возможного решения проблемы одна из сингапурских фирм предложила создать плавучую ферму на 600 коров, использовав для этой цели списанное морское судно. Такая ферма сможет обойтись без какого бы то ни было снабжения извне: вода будет поступать из опреснителя, а кормом для животных станет трава, выращенная здесь же, на судне, с помощью гидрокультур. Различные отходы после переработки в горючий газ сгодятся для обогрева и для получения электрического тока. По расчетам авторов проекта, молоко, получаемое на плавучей ферме, будет вдвое дешевле того, которое Сингапур ввозит ныне из Новой Зеландии.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

НАСТУПАЮТ РОБОТЫ

Этих новых работников принимают не через отдел кадров, а через отдел снабжения. С новичками не заключают трудовых договоров, они не имеют обыкновения бастовать и не являются членами профсоюза. По аналогии с «синими воротничками» — рабочими — их в Японии именуют «стальными воротничками». Это роботы.

Руководство крупнейшей японской автомобильной компании «Тойота» объявило, что на ее заводах будет внедряться по 200—300 промышленных роботов ежегодно. В настоящее время на предприятиях компании «трудятся» свыше 1000 роботов. Они практически полностью заменили рабочих на

сварке и окраске, а в настоящее время ведется усиленная подготовка к внедрению «стальных воротничков» в область сложных сборочных работ.

Владельцы предприятий в Японии, внедряя роботы в производство, прежде всего сокращают молодых рабочих, которые еще не успели приобрести достаточно высокую квалификацию и обычно используются для выполнения утомительных и однообразных операций. Именно здесь и применяются в первую очередь роботы, обеспечивающие более высокую производительность труда и более высокое качество.

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

Платки. С древних времен неотъемлемая часть женского туалета. Платок завязывали под подбородком, носили на плечах, закалывали брошью на шею. Черный и синий фон придавал лицу сказочность и таинственность, бордо, вишня, пунц подчеркивали женственность, азулиновый с нежными соцветиями небесно-голубых фиалок и гордых лилий символизировал изящество.

«Русь», «Хохлома», «Аннушка», «Каменный цветок», «Элегия», «Галина» — платки с такими названиями выпускаются в подмосковном городе Павловском Посаде.

Фабрика имени X годовщины Красной Армии Московского производственного платочного объединения. Цех ручной печати. Большая комната, тихая и светлая, она похожа и на мастерскую художника и на театральную костюмерную. Здесь всюду полотна, рождающиеся и уже законченные, — разноцветные платки, шарфики, шали, покрывала. Здесь могут нанести на ткань любую гамму красок, создать орнамент, равного которому нет.

Павловско-посадские платки — народный промысел со ста семидесятилетней историей.

Продукция (хотя это скучное слово вряд ли подходит к искрящимся, поистине русским произведениям искусства) подмосковной фабрики известна во всем мире. Не ошибусь, сказав, что павловско-посадский платок можно встретить на всех континентах. А если разложить грамоты, кубки и призы, которых здешние мастера удостоены — среди них дипломы всемирных выставок в Лионе и Брюсселе, золотая медаль Пловдивской ярмарки 1981 года, — и нескольких, даже самых больших платков не хватит.

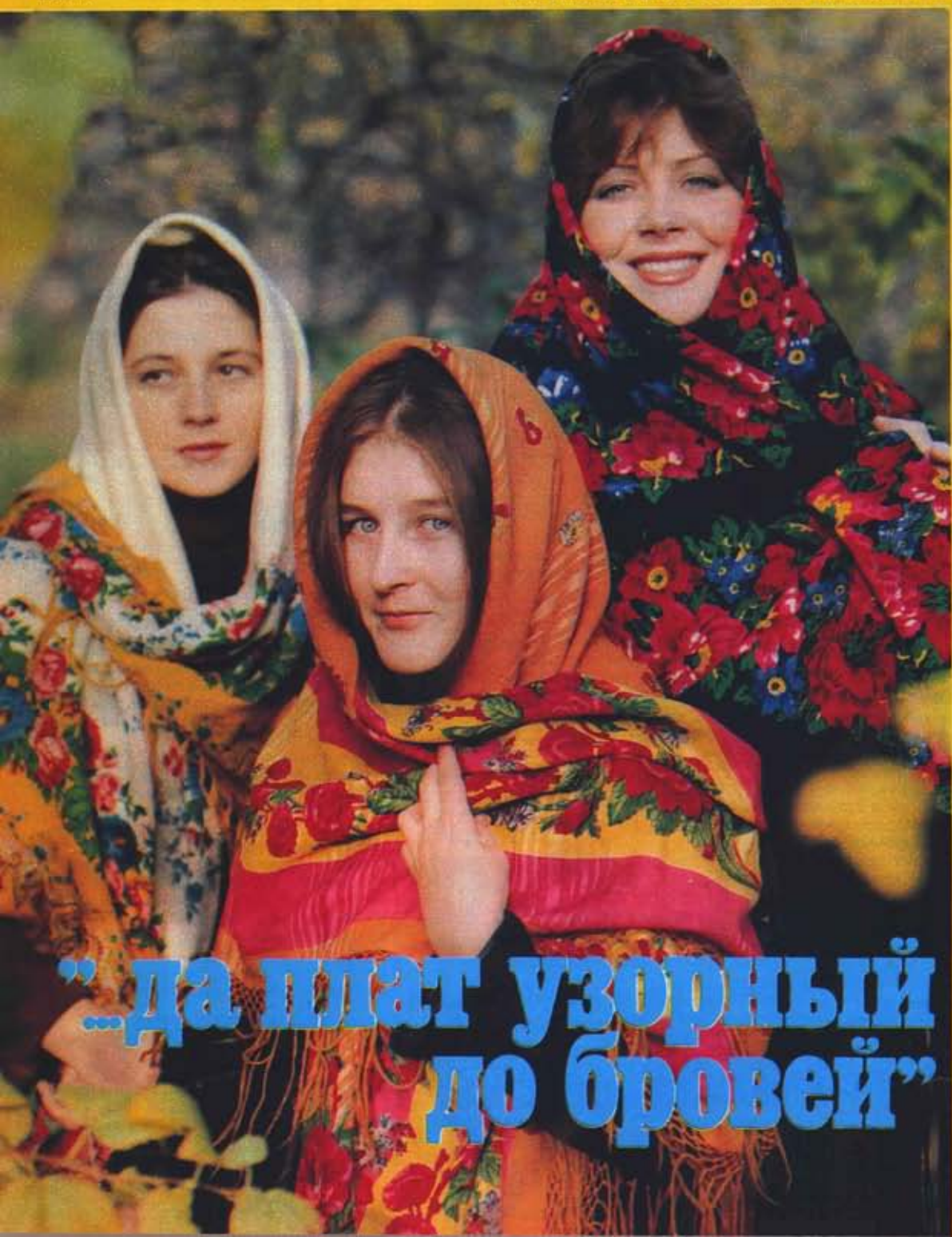
Много секретов таит в себе это древнее производство. С незапамятных времен на Руси украшали платки с помощью резных деревянных досок — манер и цветов. При печатании рисунка били по форме тяжелым чугунным молотком, чтобы краска лучше пропитывала ткань, откуда и пошел термин «набивка».

— Цветка-то, она штука непростая, — отложил инструмент старый резчик Александр Максимович Молочников. По-молодецки поднялся и направился к куче деревянных досок. Две из них мы с трудом перетаскивали на стол и стали рассматривать. — Вот это, — карандаш уперся в средний слой цветки, — ель, но могут быть и другие хвойные. А поверху обязательно твердая порода должна идти, чтобы от краски не корбила, не разрушалась, не намокала цветка. По твердой и режу узор, какой надо. Инструменты делаем сами. — Молочников выбрал один из них и показал в деле. — И молодежь тому обучаю, ведь ни техникумов, ни училищ по этому ремеслу нет, а его сохранять надо. Мне уже девятый десяток пошел, а все работаю. Вызывают, просят: то заказ какой важный выполнить, то ребят поучить. А я не отказываю. Куда ж я без работы своей, благодаря ей и живу столько...

Куртки мастеров, пропитанные всевозможными красками, похожи на клоунский наряд. Но люди, целиком поглощенные работой, этого не замечают. Пот катится по лицу, краска надолго въедается в тело. Руки дрожат от напряжения, поднимая тяжелый манер, а ошибаться нельзя — все пойдет насмарку: мало того, что рисунок расплывется, краски могут лечь одна на другую и дадут нежелательный оттенок.

И хоть исчез из привычных инструментов чугунный молоток, за день мастер поднимает тяжестей не меньше олимпийского чемпиона по штанге. Вот и выходит, что не женское это занятие — раскрашивать платки.

Стиль павловского набивного платка — стилизованная роза. Садовый цветок — своего рода орнамент, но он не выпадает из плоскости ткани. Границы допустимого объема диктуют светотень, ее законы. Поэтому и приходится мастерам делать сотни проходов-наложений, что-

„...да плат узорный до бровей“

бы получить необычную гамму цветосочетаний. Уникален, но и тяжел этот труд.

— А машины, Александр Максимович, какую роль машины играют?

— Роль-то у них важная, и платков на них выпускается много. — Молочников призадумался, но тут же засмеялся: — А ты, вот ты бы какой платок выбрала: тот, что из ручной печати, такой пунцовый, помнишь, или этот синий, что по машине идет?

На ответе старый мастер не настаивал. А я про себя подумала, что выбрала бы непременно тот, пунцовый, роскошный платок со стремительными цветочными потоками... Ибо, как сказал поэт, «и невозможное возможно, дорога долгая легка, когда блеснет в дали дорожной мгновенный взор из-под платка...».

ГОРЬКИИ ХЛЕБ

Александр УРБАН

НА ЧУЖБИНЕ

Тяжело груженный бетонными плитами грузовик как-то странно завиял, все больше прижимаясь к кювету. Вдруг он взял резко вправо, машина накренилась и опрокинулась...

Когда к месту аварии прибыла полиция, она не смогла обнаружить у погибшего шофера никаких документов. Не было даже прав на вождение автомобиля.

Было установлено, что автомашина принадлежит одной строительной фирме в Баварии. А вот опознание личности погибшего затянулось. Фирма не спешила назвать его фамилию. Скандал, связанный с гибелью человека, стал предметом судебного разбирательства в городе Вюрцбурге. Только тогда была названа и фамилия погибшего — за рулем автомобиля сидел турок Баки Эртас, который не значился в списках рабочих фирмы. Никогда не имел он и прав на вождение машины. В момент гибели ему было 22 года.

Как же Баки попал в ФРГ, кто посадил его за руль грузовика?

В погоне за прибылями хозяева западногерманских промышленных и строительных компаний действуют в обход существующих правовых норм, бесцеремонным образом попирая элементарные права человека. Достоянием гласности стали факты, показывающие, что ряд фирм, обосновавшихся в городах Касселе, Дортмунде и Хамме, практикует нелегальную торговлю рабочими. В качестве объекта купли-продажи они используют турецких граждан, прибывших в ФРГ в поисках заработка.

За последние пять лет число западногерманских фирм, занимающихся «прокатом» рабочих, выросло с 797 до более чем 1200. В одной только Баварии существует около 500 подобных фирм и компаний. Они распоряжаются судьбами примерно 50 тысяч иностранных рабочих, которые «сдаются в аренду» баварским предпринимателям. В самой густонаселенной западногерманской земле Северный Рейн-Вестфалия (там сосредоточены крупнейшие промышленные центры, в том числе Рурский район, где проживает треть населения страны) продажей людей «напрокат» также занимаются около 500 фирм. Через руки дельцов прошло уже более 125 тысяч современных рабов.

Именно рабов. Ведь бизнес делается на несчастье людей, лишенных любых прав и каких-либо возможностей собственной защиты. Агенты фирм рыскают по ночлежкам, по биржам труда, подыскивая очередные жертвы. Добычей становятся иностранцы, среди которых наиболее высок уровень безработицы: ведь на работу их принимают в последнюю очередь, а выгоняют — в первую. Под покровом ночи людей на крытых грузовиках перебрасывают с места на место. Их заставляют делать самую грязную работу за мизерную плату. Сопротивляться произволу «рабы XX века» бессильны. Приступив к работе без оформления соответствующих документов, они вступают в конфликт с законом, попадают в полную зависимость от хозяина, становятся его вещью.

Сейчас в ФРГ примерно четверть миллиона иностранцев проживает нелегально. Иногда они приезжают под видом туристов и находят себе пристанище где-нибудь на чердаке или в подвале. Затем попадают в руки дельцов, снабжающих дешевой рабочей силой строительные компании и предприятия сервиса. Живя в постоянном страхе, эти «нелегальные» согласны работать за самое ничтожное вознаграждение. В социальном отношении они совершенно бесправны.

Хроника событий недавнего времени...

На вокзале во Франкфурте-на-Майне полиция обна-

ружила в одном из товарных вагонов «контрабандный груз»: партию иностранной рабочей силы...

В Гамбурге после пожара в перенаселенном старом доме были найдены трупы семи рабочих-иностранцев, пребывание которых в ФРГ не зарегистрировано...

Жестока судьба к тем, кто без соответствующих документов решил попытать счастья в Федеративной республике, попытался здесь заработать. Ну, а каково положение тех иностранных граждан, кто приехал в ФРГ легально? Их как бы в насмешку называют «гастарбайтер» — «рабочие-гости». Я бы сказал, нежеланные гости. Ценится только их труд, но не они сами как люди.

...Поезд медленно отошел от Южного вокзала Вены и, набирая скорость, помчался по австрийской земле к итальянской границе. Едем в восьмиместном купе шестером, четверо — советские граждане. Время от времени к нам подсаживаются австрийцы — жители небольших городов и горных деревень, расположенных вдоль железной дороги. На одной из таких многочисленных остановок в купе вошла черноволосая стройная девушка, как-то просто и естественно поздоровалась, села рядом с нами.

Скоро мы уже звали друг друга по имени. Наша попутчица Сильвана ехала домой, в маленький городок под Болоньей, повидать родных. Завязался разговор.

— Вот уже несколько лет, — рассказала она, — я работаю на одном небольшом предприятии по пошиву одежды в Западной Германии. Уехала из Италии не потому, что не хотелось жить там. Совсем нет. Свою родину я не променяла бы ни на что. Я просто не могла найти работу в своей стране. Найти работу в Северной Италии — дело нелегкое, на Юге же это почти невозможно. Моей маме за 60, отец умер. Кроме меня, в семье еще три сестры и четыре брата. Питание стоит очень дорого, и я, одна из старших в семье, обязана помогать младшим. Я очень хотела учиться, но у нас за обучение надо платить много денег. У меня их не было. После школы пошла искать работу — безуспешно. Так судьба и занесла меня на чужбину...

Поезд сбавил ход. Мы приближались к Болонье. Сильвана попрощалась со всеми и, стоя на ступеньках отходящего поезда, с грустью смотрела нам вслед...

— Улыбающиеся, довольные женщины в белоснежных халатах. Они сидели у столов с микроскопами, у конвейерных лент. Такими я увидела своих землячек, занятых на западногерманских приборостроительных заводах. Они смотрели на меня с ярких проспектов, которые раздавали агенты западногерманских фирм у нас в городе Урза, — рассказывает мне Айши Бейя. Эта молодая женщина прибыла на заработки в ФРГ из далекой турецкой деревушки.

— Нас пятеро детей в семье, — продолжает она, — и родителям было не под силу прокормить всех. Я решила попытать счастья в чужой стране, мечтала изучить хоть какую-нибудь профессию, помочь родителям растить братьев и сестер. Однако с первых дней пребывания в ФРГ я убедилась, что мои мечты несбыточны. После трех лет работы в одной из контор Дюссельдорфа у меня нет профессии. Я делаю все, что велит: мою полы, убираю мусор, бегаю за покупками для хозяев...

В глаза бросались натруженные руки Айши, как-то не вязавшиеся с ее хрупкой фигурой, руки, привыкшие к любой работе.

— Возразить хозяину я не имею права — это означало бы увольнение, — говорит Айши. — А мне и мужу, который сейчас без работы, не на что было бы жить. Квартирплата, транспортные расходы, плата за свет и

газ съедают большую часть нашего заработка. Большинство рабочих-турок, желающих хоть что-то сэкономить, питаются всякой всячиной, лишь бы подешевле... Когда нас принимают на работу, заставляют проходить строгую и придирчивую медкомиссию. Когда же выбрасывают, освобождая места для западногерманских граждан, медкомиссий уже не бывает. Нас выбрасывают, словно кожу от выжатого лимона, — с горечью говорит моя собеседница.

Лицо пожилого рабочего, сидевшего в заводской столовой, внезапно исказила гримаса боли. Через мгновение он потерял сознание. Вызванный врач констатировал: инфаркт. Когда больного укладывали на носилки, он выдавил из себя: «Я не хочу в больницу, я не хочу терять работу...»

Эта история произошла на одном из промышленных предприятий Гамбурга. Но подобное случается чуть ли не каждый день на всех крупных предприятиях страны. «Больные, — отмечает газета «Унзере цайт», — преждевременно покидают клиники, опасаясь потерять работу. Иной раз, пренебрегая опасностью для жизни, они бредут на свои рабочие места, так как администрация завела особые «больничные списки». Несколько прочерков в них означают увольнение или перемещение рабочего на хуже оплачиваемые участки».

— Между завлекательными проспектами и реальностью, — подытоживает Айши Бейя, — лежит непреодолимая пропасть. Сегодня я понимаю это. Лучше знаю это лицемерное «общество благоденствия». Знаю, что после трех месяцев работы на приборостроительных заводах те улыбающиеся с проспектов женщины-турчанки надевают очки. Знаю, что не могу иметь ребенка, так как у меня с мужем нет средств на его содержание.

Иметь детей...

Драма начинается еще в школе. Почти две трети детей иностранных рабочих школьного возраста (их 500 тысяч) не оканчивают среднюю школу. И только каждому сотому ребенку из семей иностранцев удается продолжить свое образование. Специальная комиссия установила, что в земле Баден-Вюртемберг, например, каждый третий ребенок-иностранец школьного возраста вообще не посещает школу.

Разумеется, турецкий Мустафа не глупее немецкого Михеля. Просто у него гораздо меньше шансов. Он плохо владеет немецким языком и сидит обычно на задней парте, ощущая себя беспомощным в классе, где учитель, кроме всего, предъявляет к нему непомерные требования.

Каждый второй новорожденный ребенок в главном центре оседлости рабочих из-за рубежа, городе Франкфурте-на-Майне, — иностранец. Однако в ФРГ практически не существует реальной программы повышения образовательного уровня молодых людей из среды «рабочих-гостей». «Наши дети, — сетует представитель одного турецкого родительского комитета, — из школы выходят полуграмотными, они не знают толком ни турецкого, ни немецкого языка».

Шансы иностранцев получить полноценное образование столь же малы, как их шансы впоследствии найти подходящую работу. Почти 300 тысяч сыновей и дочерей иностранных рабочих в ближайшие пять лет достигнут возраста, когда начинается трудовая деятельность. Им противостоит целая армия западногерманских конкурентов.

«Общество благоденствия»?

«Что с того, — пишет еженедельник «Цайт», — что каждый год в своем рождественском выступлении президент ФРГ призывает проявить солидарность с иностранными рабочими! И так ли уж велика радость

маленьких детишек какого-нибудь Мустафы или Антонио, которых Санта Клаус одаривает сладким пирогом! Если попробовать подвести итог политики в отношении иностранных рабочих за период, отделяющий экономический бум от экономического кризиса, и взглянуть на существующее положение глазами самих иностранцев, то вывод может быть только один — это настоящая трагедия».

18-летний турок С. Манену несколько недель обивал пороги биржи труда в Ганновере, пока не убедился, что у него нет никаких шансов получить место ученика на производстве. 16-летняя испанка К. Оригель, получившая диплом ассистента зубного врача, пыталась найти в Мюнхене место по специальности. Безрезультатно. Ее сверстник турок З. Арсю целый год искал в баварской столице место, где бы он мог обучиться хоть какому-нибудь ремеслу. Ничего не нашел.

«С ними обращаются как с товаром, предназначенным для разового пользования, — констатирует журнал «Шпигель». — Растет новое поколение бесправных, которому страна-хозяин — Федеративная республика не гарантирует ни права на пребывание, ни работы, а незамедлительно определяет для них место внизу социальной шкалы».

Бонн усиленно занимается поиском законодательных решений, чтобы еще больше осложнить жизнь иностранцев и по возможности сократить их число. Летом 1982 года было принято постановление о запрете въезда в ФРГ детям иностранных рабочих старше 16 лет. Представители консервативных партий предлагали даже разрешить въезд в страну детям лишь в возрасте до 6 лет. Это означало бы, что ребенок старше шести лет не смог бы жить вместе с родителями, находящимися в ФРГ.

А ведь рабочих-иммигрантов и без того мучит разлука с семьей. Многие из них не видят своих жен и детей по четыре, пять, шесть лет.

Помнится, как в одном чистеньком, вылизанном до блеска мюнхенском отеле женщина-иностранка со слезами на глазах рассказывала, что большую часть своей зарплаты она тратит на телефонные разговоры с 12-летним сыном. Ребенок оставлен на родине. А мать, не разгибая спины, надраивает полы и умывальники далеко от дома...

Сильвана, Айши Бейан... Лишь двое из 4,5 миллиона иностранных рабочих и членов их семей, находящихся ныне в Федеративной республике: турок, греков, испанцев, итальянцев, португальцев, марокканцев и так далее.

Иностранных рабочих используют в Западной Германии уже более 20 лет. Они необходимый элемент западногерманской экономики, от которой не может отказаться промышленность страны, несмотря на огромную армию безработных: ведь трудящиеся-иммигранты представляют собой источник дешевой рабочей силы. Иностранной рабочей не чужатся никакого труда. Его рабочая неделя длится 50—60, а то и 70 часов. За одинаковый с немцем труд он получает, как правило, на треть меньшую зарплату.

Выгоды для предпринимателей колоссальные, для государства тоже. Экономический обозреватель газеты «Штутгартер цайтунг» подсчитал: в 60-е годы участие иностранных рабочих в создании валового национального продукта ФРГ исчислялось в 13 миллиардов марок.

В 1970 году, во времена бума, Федеральное объединение союзов германских предпринимателей откровенно, не стесняясь в выражениях, объясняло цели привлечения иностранных рабочих в ФРГ: «Западногерманские работодатели нанимают иностранцев не для того, чтобы заниматься их развитием и повышением образовательного уровня. Работодатели они интересуют прежде всего как рабочая сила, как источник улучшения производственного процесса».

Экономисты давно во всем разобрались. Они знают, например, что создание одного рабочего места для гражданина ФРГ в возрасте 20 лет обходится в 48 тысяч марок. Если же 2 миллиона рабочих-иммигрантов заменить немцами (и, следовательно, платить им зарплату и различные социальные надбавки в соответствии с законодательством, которое не распространяется на иностранцев), то боннскому правительству пришлось бы изыскать дополнительно по меньшей мере 90 миллиардов марок!

А разве экономика ФРГ не извлекает выгоды от вкладов рабочих-иммигрантов в сберегательные кассы страны?

Легче найти иголку в стоге сена, нежели иностранному рабочему найти нормальное жилье. Хозяева, сдающие квартиры и дома в аренду, увидев перед собой рабочего-иммигранта, без обиняков заявляют: «Иностранцам не сюда!». Однако нашлись дельцы, которые и здесь сумели нагреть руки. Начали сооружать «интернаты» — в основном на базе барачных или предназначенных на слом хибар. В одну каморку, лишенную элементарных бытовых удобств, селят по несколько человек, а квартплату с каждого взимают

такую же, как и в хороших квартирах. Если кто-то возмущается, ему говорят: «Не нравится — ищи себе чего-то получше». Но найти-то нечего.

...Турок Салим Сетин работает в Гамбурге, живет в крошечной, запущенной донельзя квартире. «С потолка сочится вода, дом заражен мышами и крысами. Оба ребенка этого рабочего — годовалый мальчик и двухлетняя девочка — постоянно болеют. У них экзема на коже, расстройства желудочно-кишечной системы. Когда родители обратились за советом к врачу, то услышали в ответ, что причиной болезни их детей являются катастрофические жилищные условия», — пишет журнал «Штерн». Найти более достойное жилье Сетин пытается уже в течение трех лет. Безуспешно.

Стога сена, сараи, полуразвалившиеся лачуги — вот уже больше десятилетия тысячи людей пользуются такими жилищами, и власти закрывают на это глаза. Но в последнее время чиновники все чаще стали наведываться в эти жалкие пристанища. Они тщательно обмеривают помещения, выясняют, имеет ли каждый член семьи тот минимум жилой площади, который предусмотрен законом: 8 квадратных метров на человека, каждая комната площадью не менее 6 квадратных метров.

Однако отнюдь не забота о нуждах жильцов руководит чиновниками. Они приходят с совершенно иной целью: если комната оказывается слишком маленькой, всей семье может быть отказано в праве проживать в ФРГ...

Появление на западноевропейском рынке труда большого числа дешевых рабочих рук долгое время позволяло монополиям сдерживать борьбу национального пролетариата за повышение жизненного уровня, за улучшение условий труда. В Заключительном акте общеевропейского совещания в Хельсинки специальным пунктом записано такое требование: «Обеспечить равноправие между рабочими-иммигрантами и гражданами принимающих стран в том, что касается условий найма и труда, а также социального обслуживания, и следить за тем, чтобы для рабочих-мигрантов создавались удовлетворительные условия жизни, особенно в отношении жилья». Выполняется ли это положение Заключительного акта? Ни власти, ни предприниматели об этом и не думали.

Западная буржуазная печать не часто обращается к такой невыгодной для капиталистического общества теме, как участь иностранных рабочих. Однако время от времени эта проблема оказывается в центре внимания — не потому, что кого-то действительно волнует участь этой бесправной категории трудящихся, а из-за опасности, которую представляют рабочие-мигранты как «взрывоопасная социальная бомба», способная вызывать «беспорядки» в «обществе благоденствия».

На улицах Мюнхена и Франкфурта-на-Майне, Кельна и Гамбурга в будние и воскресные дни мне много раз попадались ватаги иностранных рабочих, выделявшихся своей простой, дешевой одеждой и непреходящей тоской в глазах. Люди не знали, куда себя деть. На развлечения, требующие финансовых затрат, денег нет. Надо экономить, собирать пфенниг к пфеннигу, иначе зачем было ехать на чужбину?

А за то, что бродишь по улицам, смотришь на уходящие на родину поезда на вокзалах, платить не надо. Иногда у меня невольно возникала мысль: что было бы, если бы эти незаметные труженики разом покинули Федеративную республику? Улицы тогда, видимо, не были бы так хорошо подметены, мусорные ящики не были бы очищены, доменные печи не были бы освобождены от шлака. Не захлебнулись ли бы в грязи и отбросах те, кто так гордится своей чистоплотностью? В том же Мюнхене, например, в начале 70-х годов 93 процента мусорщиков составляли иностранцы...

И как бы в подтверждение этих своих мыслей я прочел в гамбургском еженедельнике «Цайт»: «В Альтес Ланд под Гамбургом урожай яблок остался бы необрушенным, на рыбных заводах в Куксхафене протухли бы сельди, на кельнском почтамте остались бы неразобранными письма, на штутгартском кладбище некому было бы закапывать покойников, а в гостиницах никто не застилал бы постели, если бы не было иностранных рабочих, которые, во-первых, стоят дешево, а во-вторых, не станут противиться, даже если их заставить работать в ночь на воскресенье».

«Ни один немец не хочет у нас работать», — сетует директор очистных сооружений Кельна. 80 процентов его сотрудников — иностранцы. Коммунальные власти, выпустившие рекламный плакат, призывающий работать на мусоровозах, пригласили позировать для него итальянца...

В случае ухода иностранцев очень туго пришлось бы автомобильной промышленности. Каждый четвертый, работающий на заводах «Даймлер-Бенц», чья эмблема стала символом благосостояния страны, — иностранец. Сталеплавильным заводам также грозило бы закрытие: в цехах, где жара и едкие пары

Этот юноша из Турции мечтал о другой судьбе, когда покинул родные места и отправился на «золотой Запад». С иллюзиями покончено... Но у него еще есть хоть какая-то работа, пусть тяжелая и низкооплачиваемая. Тысячи его сверстников не имеют и этого. Власть Западного Берлина приняла драконовское «постановление об иностранцах», суть которого: «Безработный? Выслать!» Протесты против антидемократического закона пока не принесли успеха...

особенно вредны для здоровья, каждый третий рабочий — выходец с юга Европы.

Какую бы отрасль производства ни взять — повсюду процент иностранных рабочих высок. На концерне «Зальциттер» работают 52,4 тысячи человек, из них 5,7 тысячи — иностранцы, на «Рурколе-АГ» — 21,6 тысячи из 138 тысяч тоже иностранцы. Из каждых 12 рабочих на рыбоперерабатывающих заводах 8 иностранцев. Почти все они трудятся на конвейере. В то же время в кабинетах и канцеляриях сидят почти исключительно немцы. Из 699 служащих главного управления компании «Нордзее ГмбХ» (Бремерхафен) только 6 процентов составляют иностранцы.

...Конец рабочего дня в Мюнхене. Среди пассажиров автобуса — иностранный рабочий, он молча сидит и задумчиво смотрит в окно.

— Встань, негодяй! Ишь, расселся тут. Вон отсюда, твое место в Турции!

Человек испуганно вскакивает. Глаза пожилой холеной дамы с ненавистью смотрят на иностранного рабочего. Пассажиры-немцы восторженно глядят на даму. Восхищены ее поступком. Турок, не поднимая глаз от пола, поспешно выходит на ближайшей остановке. Зачем ждать, пока тебя изобьют...

Злобный расистский лозунг «Иностранцев — вон!» я видел на заборах и фасадах домов в разных городах ФРГ. В парках встречаются скамейки, на которых намалевано: «Только для белых» или «Не для иностранцев».

Репортер издающегося в Гамбурге еженедельника «Штерн» Герхард Кромшрёдер на себе испытал, что такое быть иностранным рабочим, например, турком, в ФРГ. Вот что он рассказывает о своем «опыте»:

«Опернкафе» расположено неподалеку от недавно отреставрированного здания франкфуртской Старой оперы. Еще три недели назад меня здесь приветливо и внимательно обслуживали. Но сегодня все выглядит иначе.

Для того, чтобы самому убедиться, действительно ли враждебность по отношению к иностранцам в ФРГ становится все более распространенным явлением, я превратился в турка. Для этого я окрасил свои пшеничного цвета усы, брови и волосы в черный цвет

Да это же можно видеть всюду. У меня и без этого хватает забот!

В пятницу вечером наступает время, когда можно пойти куда-нибудь отдохнуть. Я чувствую, что должен сделать над собой усилие, чтобы отважиться на очередную встречу с враждебной по отношению ко мне средой.

У входа в «Куинз паб» молодая женщина захлопывает дверь перед моим носом. У дискотеки «Биба» повторяется та же история. Со словами «Только для членов клуба или постоянных посетителей» мне, турку, преграждают вход. Мой коллега, который, как и я, здесь впервые, проходит свободно.

На следующий вечер я предпринимаю еще одну попытку. На этот раз, едва я появляюсь на пороге, привратник-цербер бросается мне навстречу, хватая за лацканы куртки, поворачивает меня и дает пинка. Я теряю равновесие и падаю на мостовую.

Никто не интересуется происходящим, никто не вступает за меня ни в увеселительном заведении, ни на остановке трамвая. Прохожий лет пятидесяти без видимой причины хватая меня за воротник, прижимает к стене дома и орет истошным голосом: «Проклятый турок, я прикончу тебя!»

Очень легко вновь почувствовать себя человеком — достаточно встать быть турком. Я вновь иду в «Опернкафе». Вместо турецкой газеты у меня в руках «Франкфуртер альгемайне». Усы и брови вновь стали светлыми, свою турецкую кепочку я сунул в карман. Я усаживаюсь на открытом воздухе за единственный свободный столик. Улыбаясь, ко мне подходит официант Удо: «Что желает господин?»

Прямо скажем, грустный «опыт» собрал корреспондент «Штерна». Но это еще не худший опыт.

Под выкрики «Иностранцы, вон из Гамбурга!» неонацистские молодчики, затянутые в черные кожаные куртки, ринулись «наводить порядок», точнее, зверски избивать молодых рабочих-иностранцев за то, что они, иностранцы, «набрались наглости» провести культурное мероприятие в «немецком клубе». «Иностранцы, вон отсюда!» — орали штурмовики 80-х годов, подкрепляя ругательства ударами резиновых дубинок и велосипедных цепей, калеча турок, греков, выходцев из других стран. В результате этого погрома нескольких человек пришлось госпитализировать с тяжелыми увечьями и ранениями.

Более 8 тысяч человек собралось во Франкфурте-

на-Майне на первомайскую манифестацию. Среди них были и иностранные рабочие. Внезапно на них с криками «Зиг хайль!» набросилось около 250 неонацистов, они принялись зверски избивать людей обрезками труб, кусками кабеля, дубинками, палками, бутылками. Семь человек в тяжелом состоянии были отправлены в больницу. Их количество было бы, несомненно, выше, если бы на помощь иностранным рабочим не пришли их братья по классу — западногерманские трудящиеся. Коричневая рать бежала.

Чуть ли не во всех городах ФРГ появились всевозможные «комитеты» и «гражданские инициативы», выступающие под откровенно националистическими лозунгами. Было бы, однако, неверно полагать, что за это взялись только откровенные неонацисты. В университетском городе Гейдельберге летом 1982 года был опубликован некий «манифест ученых», от которого за версту разит замшелым шовинизмом. Под предлогом «заботы о сохранении культурного наследия иных этнических групп» в этом документе выдвигается требование изгнать детей рабочих-иностранцев из «немецких школ». В газету «Эсслингер цайтунг» один бывший государственный чиновник, ныне пенсионер, направил письмо.

«Иностранцы рабочие,— пишет он,— приехали к нам как гости. Гости же, как известно, приходят не на вечные времена: погостив, они возвращаются домой. Из второй части этого составного слова явствует, что речь идет о рабочих, то есть о том, что иностранцы приехали к нам в период подъема экономической конъюнктуры для того, чтобы работать... Кроме того, лишь половина из них работает — остальные являются членами семей. Дело дошло до того, что в некоторых немецких школах скоро будет больше детей-иностранцев, чем немцев... В их собственных интересах поскорее вернуться домой. Перед лицом увеличения числа иностранных семей растет опасность потери их национальной идентичности». И так далее и тому подобное.

Тот же расизм, только закамуфлированный. В свое время институт социальных наук «Синус» пришел к выводу, что «миллионы немцев в Федеративной республике сохраняют еще и сегодня правозащитное мировоззрение, которое определяется интерпретацией истории в том виде, как это делалось при нацизме». Исследование, проведенное институтом, показало, что 13 процентов граждан, имеющих право голоса, придерживаются правозащитных взглядов, а это ни много ни мало пять с лишним миллионов человек. Почти половина из них открыто одобряет «политически мотивированное насилие».

Паруса неонацистского отребья надувают прежде всего экономический кризис и массовая безработица. Это помогает коричневым разжигать расистский психоз. Людей вводят в заблуждение примитивной формулой: «Хлеб и работу отнимают иностранцы!» А посему — вон их! Некоторые опросы показывают, что почти 66 процентов людей, которым задавались соответствующие вопросы, высказались за то, чтобы «гости-рабочие» покинули страну.

Но опросы свидетельствуют и о другом: чем больше у граждан ФРГ контактов с иностранными рабочими, тем позитивнее их мнение о них. Это еще одно подтверждение того, что враждебные эмоции — продукт злонамеренного психологического воздействия на население. Демократические круги предостерегают, что неприязнь к иностранным рабочим может лишь расколоть ряды трудящихся и отвлечь их внимание от подлинных причин массовой безработицы и социального демонтажа, осуществляемого в стране.

Активное противодействие неонацистским силам, разжигающим националистическую вражду против иностранных рабочих, оказывают Германская компартия, Социалистическая немецкая рабочая молодежь, «Молодые социалисты». Неонацистскому лозунгу «Остановить иностранцев» противопоставляется призыв «Остановить нацистов!».

Кто помнит сегодня в ФРГ имя португальца Эрнандо Родригеса? А ведь в 1964 году ему посвящали свои репортажи радио и телевидение, портрет этого человека помещали газеты. Объединение западногерманских предпринимателей вручило ему подарок — дешевый мопед, который пресса снимала не меньше самого Родригеса.

Кем же он был, этот португалец?

Всего лишь миллионным иностранным рабочим, прибывшим в ФРГ, чтобы продавать свое умение, свои руки.

Западной Германии нужны были люди, которые не чурались копать котлованы для новых заводов и фабрик, заливать бетоном автострады, убирать мусор с улиц городов. Иностранцы приезжали и брались за любую работу. Они были нужны как источник прибыли. Их зывали, встречая с цветами и музыкой.

А сейчас выбрасывают.

У историй иммигрантов счастливые финалы бываю редко.

Да и бывают ли?

и оделся по последнему крику моды начала семидесятых годов: я надел белую сорочку с большим воротничком, широкий галстук с пестрым рисунком, голубой пиджак и светлые расклешенные брюки.

Превращение, кажется, удалось. Когда в кафе я прохожу мимо стойки, хорошо одетый господин замечает: «Вот идет восточный человек». В кафе мало посетителей. Я осматриваюсь, и в это время путь мне преграждает официантка — миловидная девушка не старше 25 лет. «Вы заказывали столик?» — спрашивает она. Я отвечаю ей на том немецком языке, на котором, как принято считать, говорят турки: «Я не заказываю столик — все пусто. Я пью чашку кофе, пожалуйста». И усаживаюсь за ближайший свободный столик.

Кофе мне не приносят. Я поднимаю руку, делая знаки официантке. Она не реагирует, смотрит будто бы сквозь меня. Так я сижу пять минут, десять, полчаса. Между тем в кафе вошел фоторепортер «Штерна» Вернер Эбелер. Официантка сразу же приносит ему заказанный стакан яблочного сока.

Я иду к стойке. Официант Удо наигранным жестом берет двумя пальцами мой галстук, словно хочет проверить качество материала, и говорит: «Здесь все столики заказаны — баста! Для тебя здесь нет места, ты понимаешь? Такие, как ты, нам не нужны. Убирайся, иначе будет худо!» Его жест достаточно однозначен.

Для того, чтобы быть турком в ФРГ, нужно научиться покорности. Она необходима, чтобы выжить. Если в тебе нет робости, если ты престаешь границы дозволенного немцами — тебе будет худо.

В первые дни меня еще пугали анонимные настенные надписи на немецком и английском языках во франкфуртском метро: «Ахмед, тебя ждет газовая печь», «Мусульмане, убирайтесь домой!». Или же предупреждение, написанное на двух дюжинах скамеек по дороге от управления полиции до территории франкфуртской ярмарки: «Только для немцев». Когда, будучи турком, уже несколько раз встречаешь намалеванное на стенах «Турки — вон!», это постепенно становится чертой, определяющей лицо города. И тогда уже не ошеломляет реакция чиновника из 4-го полицейского участка на фотографию, которую я ему протягиваю. На снимке — одна из многочисленных настенных надписей «Турки — вон!». «Ну и что?»

АНОНИМНЫЕ ЗАКАЗЧИК

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

Корнилов кивнул и заметил, как порозовели у Осокина щеки. Но Борис Дмитриевич тут же справился со своим смущением и взглянул Корнилову прямо в глаза.

— Вы не подумайте ничего плохого. На рыбалке я потерял записку с вашим адресом.

...Это была старая история. Корнилов последним поездом приехал на Варшавский вокзал с Сиверской, где гостил несколько дней у матери и брата. Метро уже не работало, такси шли в парк. Корнилов «проголосовал», и какой-то сердобольный частник остановил рядом с ним свой «Москвич».

— До Кировского не подбросите? — попросил Игорь Васильевич.

Шофер кивнул на сиденье рядом с собой. В руках у Корнилова была удочка. Удобнейшая из удочек — разборная, из трех частей, — легкая бамбуковая удочка, которую он очень любил. В дороге они разговорились с водителем о рыбалке. Звали водителя Борис Дмитриевич. Он рассказал, что едет сейчас на дачу. Завтра к нему заглянет старый приятель, они тоже пойдут ловить рыбу на заливе, да только удочкой для приятеля он не успел запастись.

— Могу одолжить, — сделал широкий жест Корнилов. — Но с отдачей. Это моя любимая... Самая добычливая.

Водитель обрадовался.

— Вот уж не знаешь, где найдешь... — сказал он с искренней благодарностью. — Послезавтра я вам ее завезу.

Когда они остановились, переехав Кировский мост, Игорь Васильевич нацарапал на клочке бумаги свой адрес и телефон и с легким сердцем передал водителю. У водителя было мягкое, интеллигентное лицо, добрые глаза. Они попрощались. Корнилов вылез из машины и зашагал через сквер к себе домой. И даже не оглянулся на «Москвича». Чтобы не обидеть нового знакомого подозрением. Борис Дмитриевич мог подумать, что он хочет запомнить номер его автомашины...

— Правда, товарищ Корнилов, — тихо сказал Осокин. — Я потерял ту записку. Поверьте мне. Я бы тотчас вернул вашу удочку.

«Неужели и моя фамилия и имя сразу же улетучились из вашей головы? — хотел сказать Корнилов. Но не сказал. Только подумал: — Мне с ним долгие беседы бесадовать, еще решит, что из-за удочки придаюсь. Черт с ней, с удочкой. Может, и правда позабыл. Клев хороший начался — все позабудешь».

Он беспечно махнул рукой:

— Ерунда. Не думайте об этом! Удочка — то удочка!

— Все равно неприлично, — поморщился Осокин. — Из-за таких мелочей люди теряют веру друг в друга.

«Хороший заход, — подумал полковник. — Умница, Борис Дмитриевич. Для человека, который знает, что за ним еще и серьезное преступление числится, совсем неплохо».

Воспоминание об истории с удочкой настроило Корнилова на легкий иронический лад, и он даже подумал о том, что допрашивать Осокина нужно именно вот так — легко и непринужденно, может быть, даже чуть-чуть иронично. Он постарался припомнить коллекционеров, с которыми приходилось иметь дело, и сделал вывод, что эту категорию людей природа почему-то обделила чувством юмора. А может быть, это только ему такие попадались?

— Товарищ Корнилов! — вывел полковника из задумчивости Осокин. — А ведь та удочка у меня до сих пор цела. На даче.

— Прекрасно, Борис Дмитриевич, — улыбнулся Корнилов. — Будет повод заехать к вам на дачу!

— Конечно!

— Да я шучу. Столько лет прошло... — Он прикинул в уме. Вышло не меньше десяти. И видели друг

друга не больше получаса в голубом сумраке белых ночей, а поди ж ты — запомнил. Узнал с первого взгляда. Я-то не в счет — это мой хлеб, а вот товарищ доцент... Зрительная память у него отличная. И сказал, давая понять Осокину, что тема с удочкой исчерпана: — Удочки у меня уже получше есть, да только со временем туго.

Поколдовав над пустым багажником, Коршунов попросил Осокина сложить все вещи назад, а сам начал снимать отпечатки пальцев на «Жигулях». Лицо у него было сосредоточенное и сердитое — отпечатков было много, а Корнилов приказал собрать все. «А хоть бы и сто! — сердито сказал он Николаю Михайловичу еще в управлении, когда они собирались к Осокину. — Мне все нужны».

Улучив момент, когда Осокин, склонившись над багажником, аккуратно раскладывал свое барахлишко, Корнилов вопросительно посмотрел на Коршунова. Тот отрицательно покачал головой.

В багажнике и салоне он искал следы крови. Если Осокин, вернувшись за сбитым им мужчиной, увез его на своих «Жигулях», эти следы должны были остаться.

...Через полчаса Коршунов и Лебедев закончили свою работу.

— Поезжайте, — кивнул полковник на «Волгу», — и сразу приешите назад.

Когда сотрудники уселись в машину и шофер уже включил мотор, Игорь Васильевич поднял руку, прося задержаться. Лебедев открыл дверцу, вопросительно глядя на шефа.

— Скажите в НТО, чтобы на кровь экспертизу сделали молнией. А «пальцы»... — Он сделал короткую паузу. — Да вы сами знаете. В первую очередь пускай сравнят с отпечатками Котлукова. — И, склонившись совсем близко к старшему лейтенанту, чтобы не услышал Осокин, дал ему еще одно задание.

— Есть, товарищ полковник! — бодро отпартовал Лебедев, и Корнилову показалось, что в голосе у него прозвучали озорные нотки.

«Ты бы еще рот до ушей разинул, — с неудовольствием подумал он. — Каждый дурак догадается, что мы тут театр разыгрываем».

К «театру Корнилова», который, как правило, был экспромтом, сотрудники давно привыкли и восхищались, как удачно он находил момент для маленького представления, всегда рассчитанного на то, чтобы настроить подследственного на определенный лад или заронить в его душу искру тревоги, которая во время допроса мешала бы ему сосредоточиться, отвлекала от заранее разработанного метода защиты.

Все, о чем он сказал сейчас Лебедеву, предназначалось для Бориса Дмитриевича Осокина. Лебедев с Коршуновым твердо знали свои обязанности.

Машина уехала.

— Ну что ж, Борис Дмитриевич, — сказал Корнилов, приглядываясь к посуровевшему лицу Осокина. — Если не возражаете, поднимемся к вам. Побеседуем.

— Прошу вас, — показал Осокин на двери подъезда. На лбу у него, над переносьем обозначились две резкие морщины.

Осокин провел его в свой небольшой кабинет, одна стена которого была заставлена книжными шкафами, а на другой на обтянутых разноцветным бархатом картонах красовались значки. На каждом картоне, как понял Корнилов, отдельная страна. Картонных этих прямоугольников, напоминающих абстрактные картины, было так много, что Игорь Васильевич даже не попытался их сосчитать.

Они сели друг против друга в удобных, чуть жестковатых креслах перед большим, инкрустированным разными породами дерева журнальным столиком. Корнилов видел как-то в мебельном магазине такие гарнитуры — два кресла, маленький диванчик и журнальный стол. Кажется, арабские. Жене гарнитур очень понравился, но стоил он так дорого, что Игорь Васильевич взял Олю под руку и увел из магазина.

— Борис Дмитриевич, — сказал Корнилов почти весело, — допрос — дело официальное. Есть некоторые

формальности, о которых я должен вас предупредить...

Он упомянул об ответственности за дачу ложных показаний, посвятил Осокина в его права и обязанности, дал расписаться на бланке. И спросил неожиданно:

— Борис Дмитриевич, у вас есть карта Ленинградской области? И города.

Осокин смотрел на него с удивлением.

— Ну, обыкновенные карты. Вы же автомобилист. Изъездили, небось, все окрестности за грибами да на рыбалку.

— Есть, конечно, — наконец сказал Осокин и, встав с кресла, подошел к письменному столу. Выдвинул один из ящиков, вынул целую пачку потрепанных карт. Начал перебирать их. — Вот и Ленинградская область. — Он бросил на столик пакет. — И план города.

Корнилов осторожно развернул карту, кое-где уже стершуюся на сгибах.

— А поновее нет?

— Нет. Да к этой я уже привык, — ответил Осокин. — Ну что ж, и такая сгодится, — кивнул Корнилов, удовлетворенно разглядывая карту.

Это была его маленькая тайная страсть — разглядывать карты. Угадывать за сотнями всевозможных мелких значков, за едва различимой разницей тонов окраски знакомые деревушки и домики лесников, болотца с небольшими озерами, на которых ему когда-то удавалось ловить рыбу или охотиться.

— Давайте, Борис Дмитриевич, повторим по этой карте ваше путешествие в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое. До того момента, когда вас угораздило попасть в аварию на «чертовом пяточке»... — Он покачал головой. — До чего удачно окрестил народ это местечко! Действительно чертов пяточок!

Осокин слушал Корнилова со смешанным чувством — ему казалось, что этот пожилой человек, полковник, опытный, наверное, человек, просто разыгрывает его. Но за таким розыгрышем, за неприужденностью, почти веселыми его разглагольствованиями наверняка кроется какая-то скрытая угроза. И эти слова про «пальчики» неведомого ему Котлукова... Что они означают? И кто такой Котлуков? Может быть, сбитый им мужчина? Может быть, жена и права — он не так уж и пострадал и запомнил номер его «Жигулей»? И милиционеры все уже давно знают, только решили поиграть с ним в кошки-мышки.

Корнилов ткнул карандашом в один из коричневых квадратов на улице Чайковского.

— Насколько я разбираюсь в географии — мы сейчас здесь?

Осокин согласно кивнул.

— Выехали вы из дома...

— Нет. Из института. В десять закончилась консультация у абитуриентов. Я позвонил домой, поговорил с дочерью и поехал к приятелю. На Васильевский остров.

— Из института... — повторил Корнилов, выискивая на карте технологический институт. — Значит, отсюда. — Он ткнул карандашом в пересечение нескольких проспектов, где в маленьком кружке алела буква «М». — А где живет ваш приятель?

— На Косой линии. Дом семнадцать. Номер квартиры вам тоже нужен? — Эта история с картой начала раздражать Бориса Дмитриевича, хотя он твердо решил сохранить спокойствие и доброжелательность.

— Да. И номер квартиры. И фамилия вашего друга. И сколько вы у него пробыли... Но только давайте не будем торопиться, Борис Дмитриевич. Побеседуем обстоятельно. Это поможет и мне и вам. Время у нас есть. — Он взглянул на часы — было без четверти четыре.

Осокин говорил спокойно, иногда пускался в подробности, мало интересовавшие Корнилова, но полковник не останавливал его. Лишь изредка задавал вопросы: в какое время проехал пост ГАИ в Лакте? Не встретилась ли на пути от Солнечного до Зеленогорска патрульная милициска машина?

Но он даже не спросил Бориса Дмитриевича о самом главном — не видел ли он на пятьдесят пятом

Продолжение. Начало в №№ 14—19.

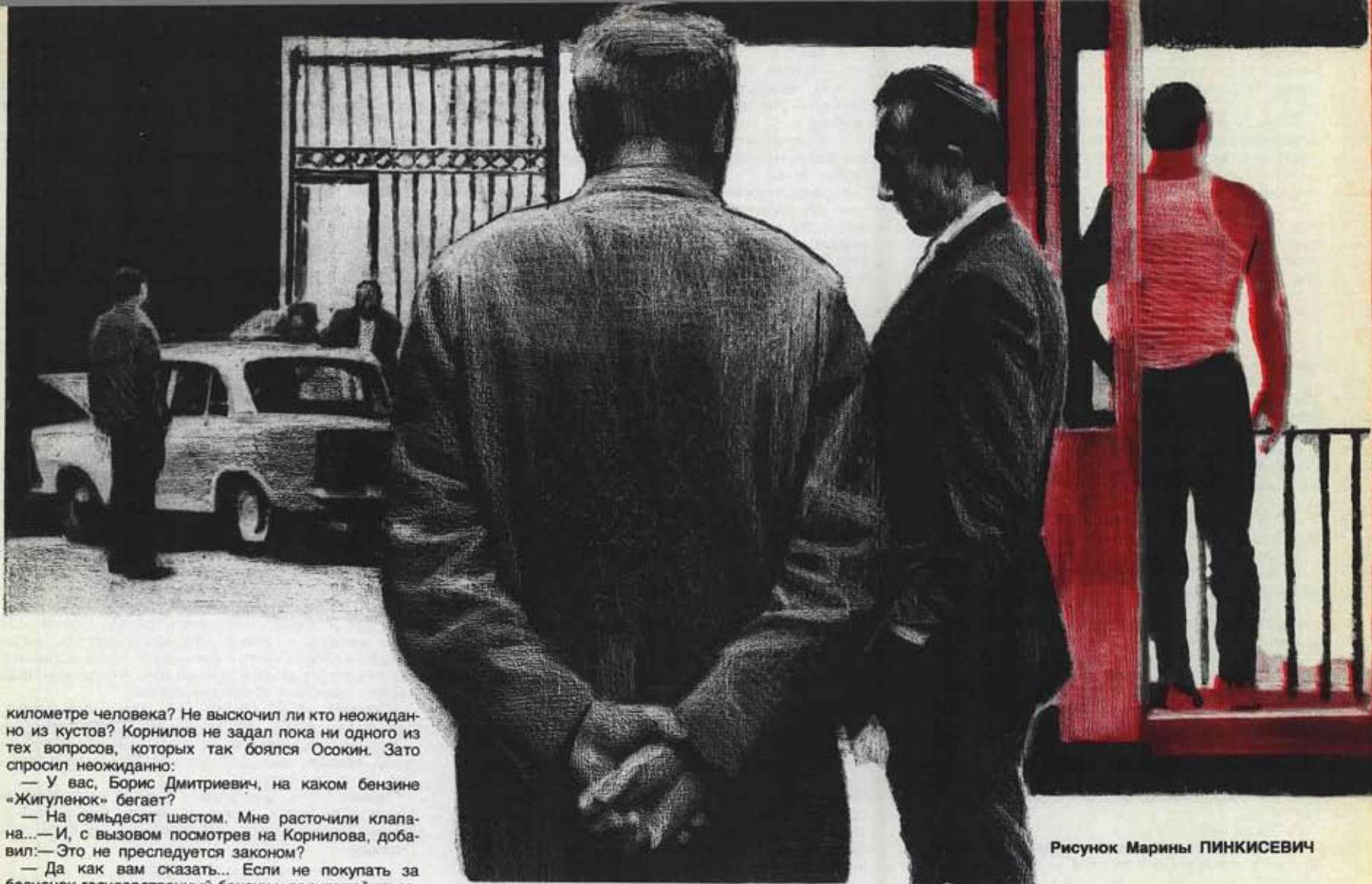

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

километре человека? Не выскочил ли кто неожиданно из кустов? Корнилов не задал пока ни одного из тех вопросов, которых так боялся Осокин. Зато спросил неожиданно:

— У вас, Борис Дмитриевич, на каком бензине «Жигуленок» бегаёт?

— На семьдесят шестом. Мне расточили клапана...— И, с вызовом посмотрев на Корнилова, добавил:— Это не преследуется законом?

— Да как вам сказать... Если не покупать за бесценок государственный бензин у водителей грузовиков, то не преследуется.

— Слава богу!— демонстративно вздохнул Осокин.— Я заправляюсь только на бензозаправочных станциях.

— Кстати, а почему у вас в багажнике не было канистры с бензином?

— Перестал возить с собой. Напугал один приятель— сказал, что в случае аварии может загореться.

— Вряд ли,— усомнился Корнилов.— Перестраховщик ваш приятель. Все возят с собой канистры.— И быстро, без всякого перехода, спросил:— А где вы заправлялись в ту ночь? Или в то утро?

— Нигде. До нашей дачи— семьдесят. Обратно я ехал Верхне-Выборгским шоссе. Этот путь подлиннее, но ведь бак-то на четыреста километров рассчитан.

— Борис Дмитриевич,— ласково сказал Корнилов,— вы же умный человек. Неужели вы так плохо о нас думаете?

Осокина бросило в жар. Он только сейчас вспомнил, что хмурый дотошный эксперт, осматривая его «Жигули», включал зажигание. Значит, видел, что бак был почти полон.

«Дурак,— выругал он себя,— что я стал врать? Почему растерялся? Это ж такая глупость— скрывать, сколько было бензина! Да хоть сколько! Мало ли заправочных станций на трассе!» И тут же понял, что запутывается всерьез: заправочных станций действительно было мало. На том пути, который он показал по карте полковнику, всего две. На одной из них он и заправлялся ргнo утром. Его машина была в то время на стоянке единственной. И женщина, заправлявшая его «Жигули», могла заметить вмятину на радиаторе. Могла запомнить, что клиент нервничал. А он и правда очень нервничал. Поспорил с ней о чем-то...

— Значит, все-таки заправлялись?— добродушно сказал Корнилов. Его не покидало веселое, ироническое состояние, которое он почувствовал, узнав в Осокине ночного автомобилиста из далекого прошлого.— Забыли, наверно. Но теперь, мне кажется, вспомнили. Значит, помните и на какой станции заправлялись?

«Станции две,— лихорадочно думал Осокин.— Проверить легче легкого. Сейчас надо говорить правду». И спокойно, глядя прямо в глаза Корнилову, ответил:

— В Зеленогорске.
— А в какое время?

Полковник, так медлительно и добродушно обсуждавший поначалу ночную поездку Осокина, вдруг вцепился в него словно клещами, не давая времени обдумать ответ.

— В семь. Может быть, в семь с минутами.— Осокин назвал точное время и, только уже назвав, понял, что и на этот раз поступил правильно.

— А на даче у вас есть гараж?
— Есть,— сказал Осокин, догадываясь, каким будет следующий вопрос Корнилова.

Но полковник спросил у Бориса Дмитриевича совсем не о том— держит ли он, как всякий запасливый автомобилист, пару канистр с бензином в своем гараже, а если держит, то почему там и не заправился.

— Чем вы занимались четвертого августа?— спросил Корнилов, как будто неожиданно потерял всякий интерес к поездке Осокина.

— Что вы имеете в виду?
— Просто хотел знать, как проводят свободное время преподаватели вузов. У вас ведь сейчас отпуск?

— Да нет. Консультации для заочников... С первого принимаю экзамены...— Осокин пожал плечами.— Но бывают и совсем свободные дни.

— А четвертого? Что делали четвертого?
Осокин задумался.

— Борис Дмитриевич,— попросил Корнилов,— постарайтесь вспомнить все поточнее. С кем встречались, время... Меня интересуют даже мелочи: кого встречали, выходя из дома? Кому звонили? Кто звонил вам? И всякий раз старайтесь припомнить время. Указать его поточнее. Я понимаю, это нелегко, но иногда маленькая деталь все ставит на свои места. Например, полуденная пушка.

— Пушка?— удивился Осокин.
— Ну, конечно. Петропавловская... Пальнет, поневоле вспомнишь о времени.

Борис Дмитриевич улыбнулся. Первый раз с начала их беседы.

— Да уж, петропавловская не дает нам забыть о времени. Даже счастливым. Только в новых районах ее уже не слышно.

— А вы в тот день куда-то ездили? В новый район?
— Нет. Не ездил. Сейчас я постараюсь все рассказать по порядку. Утром мы встали поздно. Около девяти. У жены были библиотечный день. В десять она поехала в «публичку». В газетный зал. На Фонтанке, знаете?

Корнилов кивнул.
— А ко мне приехал мой аспирант.

— Поточнее, Борис Дмитриевич. Время, фамилия аспиранта...
— Да, да! Понимаю. Правда, скорее ничего не понимаю.— Он снова улыбнулся открытой, подкупающей улыбкой.

«Ну вот, Борис Дмитриевич, теперь ты совсем другой человек,— подумал Корнилов.— Куда подевалась твоя скованность? Где осторожность и взвешенность в ответах? Теперь тебе нечего скрывать! Можно говорить правду. Насколько легче говорить правду. И не бояться проговориться! Не напрягать свое серое вещество, чтобы удержать в уме детали, которые ты уже скрыл или придумал, и чтобы согласовать их с новыми, которые еще предстоит придумать. Придумать или скрыть. Как это трудно— говорить неправду...»

Осокин рассказывал быстро и уверенно. Иногда, вспоминая что-нибудь новое, о чем забыл упомянуть раньше, извинялся и уточнял подробности.

Делая беглые записи на листе бумаги, Корнилов почти не сомневался, что все рассказанное Осокиным верно. Весь день четвертого августа, час за часом, можно будет перепроверить показаниями свидетелей, подтвердить фактами. Корнилов уже не сомневался и в том, что к нападению на Колокольникова Борис Дмитриевич не имел никакого отношения. И еще он удивлялся, что этот умный и, похоже, эрудированный человек не чувствует, что выдает себя с головой, показывая теперь свою наблюдательность и целостность памяти. Эмоциональная разрядка— Корнилов нередко использовал в своей практике такой прием. Но чаще всего этот прием срабатывал, когда имел дело с людьми ограниченными, малоразвитыми. А тут преподаватель вуза...

— ...В шесть я зашел за женой в библиотеку, и мы поехали в гости. На Гражданку. У ее сестры день рождения. Вернулись домой поздно. Не помню точно. Был, как говорится, изрядно подшофе.— Осокин вприсильно посмотрел на полковника, давая понять, что добавить ему больше нечего.

— Спасибо, Борис Дмитриевич,— поблагодарил Корнилов.— Все очень четко и убедительно. Приятно иметь дело с умным человеком.— Он помедлил немного и добавил, внимательно взглянув на Осокина, чтобы не пропустить, какой эффект произведет его слова:— А вот когда вы рассказывали о своей поездке на «Жигулях» за город, я огорчился. Подумал, что память у вас плохая...

Осокину удалось справиться с собой. Лицо его не залило краской, как в тот раз, когда он понял свою первую ошибку. Только глаза сверкнули яростно. Но Борис Дмитриевич тут же опустил их и сказал:
— Как прикажете понимать ваши слова?

— Как шутку. Как шутку, Борис Дмитриевич. Вы не обижайтесь. А что касается четвертого числа, то могу вам объяснить, в чем заключался мой интерес.— Он сделал нажим на слово «заключался».— Во второй

половине дня, где-то между четырьмя и шестью часами, был тяжело ранен инженер Колокольников. Свидетель катастрофы на пятьдесят пятом километре...

— Ну, знаете ли! — возмущился Осокин. — Подозревать меня в покушении на убийство?! Это... это... Черт знает что такое! Ну и дожили же вы, Борис Дмитриевич! — Осокина прямо распирало от сарказма. — Зачислены в убийцы! Позор!

— Зачем же вы так? — остановил его Корнилов. — Вас никто не обвиняет в покушении на убийство. На этот день вы дали мне исчерпывающий ответ. Я вам верю. Хочу только предупредить — какие-то детали мы уточним, поговорим с теми людьми, которых вы назвали. Но так, что никто ни о чем не догадается...

— Безобразие! Хамство! — все больше и больше распалая себя и озлобляясь, твердил Осокин. — До чего докатились...

— Простите, Борис Дмитриевич. Поберегите нервы. Мы еще не все выяснили по поводу вашей поездки на дачу. Уточним некоторые детали, но прежде я должен позвонить...

Осокин молча показал на телефонный аппарат. Корнилов набрал номер научно-технического отдела, попросил Коршунова.

— Что нового, Николай Михайлович?

— На бампере «пальцы» Котлукова нашли! — выпалил эксперт.

— Ошибки быть не может?

— Какая ошибка! Самые четкие отпечатки. Он, наверное, вцепился в бампер.

— Понятно, — сказал Корнилов, не желая в присутствии Осокина задавать вопросы и ожидая, о чем еще доложит ему эксперт.

— Бурные пятна в багажнике ничего общего с кровью не имеют. Кажется, все...

— Передайте мою просьбу: пусть пришлют сюда наши «Жигули». Только обычные, не фирменные. — Он положил трубку и снова сел в кресло напротив Осокина.

— Мы уже так долго беседуем, — иронично сказал Осокин, — что вы, наверное, проголодались?

— Не беспокойтесь, Борис Дмитриевич. Аппетита нет.

— Тогда чай?

— Скажите, Борис Дмитриевич, — не ответив на вопрос о чае, спросил Корнилов, — у вас на даче есть огород?

— Ну и вопросы вы задаете! — удивился Осокин. — Самые неожиданные. Да. Есть небольшой огорожок. Клубника, петрушка, морковь... Всякая ерунда. Сажаем больше для того, чтобы в земле покопаться, душу отвести.

— Вас жена в тот раз ничего не просила с дачи привезти?

— Не просила, — ответил Осокин и тут же вспомнил, что дочь говорила ему про варенье. — А может, и просила, да я забыл. Во всяком случае, ничего не привез. — Он с сожалением подумал о том, что заранее не условился с женой об этой мелочи. Но это не страшно. Даже если и просила, разве есть люди, никогда ничего не забывающие?

— А вы позвоните жене, — предложил Игорь Васильевич. — Уточните, давала она вам поручение или нет.

— Позвонить? Сейчас?

— Ну да! Разве сложно?

— Да нет... — Осокин медленно поднялся с кресла, подошел к телефону, лихорадочно соображая, чем может грозить этот звонок. «А если набрать другой номер, спросить Осокину, там ответят — не туда попали, а я скажу Корнилову, что жены на работе нет? А потом мы договоримся с ней. А если он не поверит? И позвонит сам?»

Он думал об этом, автоматически набирая номер, готовый в последний момент сделать ошибку на седьмой цифре. Но набрал точно.

— Марину Игоревну, — сухо попросил Осокин, услышав в трубке бархатный голос младшего редактора Летниковой.

— Осокина! К телефону! Твой благоверный, — крикнула Летникова и уже тише добавила: — Даже не поздоровался. Сердитый!

— Боря, ты? Что-нибудь случилось? — спросила жена. Голос у нее был тревожный.

— Ничего особенного, — стараясь говорить спокойно и непринужденно, ответил Осокин. — У нас дома товарищ из уголовного розыска. — Он посмотрел на Корнилова и попытался даже улыбнуться, но улыбка вышла у него жалкая. — Задаёт мне много странных вопросов... — Осокин услышал, как жена охнула. Спрашивает, что ты просила привезти меня с дачи.

— У меня об этом только что спрашивал молодой человек... откуда же... В чем дело? Может быть, дачу обворовали? — Эту фразу жена сказала явно для тех, кто сидел с нею в комнате.

— Нет, не обворовали, — ответил Осокин, и им вдруг овладела такая вялость, что нестерпимо захотелось лечь на диван и лежать с закрытыми глазами.

— Так что ты просила меня привезти с дачи? — совсем тихо повторил он свой вопрос.

— Я передала тебе через Алену про банку варенья... — Она не успела договорить. Осокин бросил трубку.

— Я устал, — сказал он полковнику. — Может быть, мы сделаем передышку? Нельзя же допрашивать целый день!

Корнилов посмотрел на часы, согласно кивнул.

— Да. Заговорились. Уже больше двух часов. Может, и лучше сейчас прерваться. У меня была одна задумка... — Он встал, подошел к окну. Выглянул на улицу. Рядом с черной «Волгой» стояли обычные бежевые «Жигули».

— Я хотел попросить вас проехать вместе с нами по маршруту, которым вы ехали второго августа. Чтобы можно было по ходу дела кое-что уточнить. Побывать у вас на даче, поговорить с соседями, заехать на ту заправочную станцию, где вы заправлялись. Да мало ли мелочей можно уточнить в дороге? Ведь подозрение на вас лежит серьезное. Я даже подумал, что вы сами сядете за руль, и потому попросил подъехать наши «Жигули». Но раз вы устали, давайте все отложим. И поездку и продолжение разговора...

— Пожалуйста, отложим, — сказал Осокин. — Все это для меня так непривычно, я очень устал...

— Завтра рано утром вас устроит? — спросил Корнилов. — Часиков в шесть? Пока мало транспорта?

— В шесть так в шесть.

Корнилов протянул Осокину руку, чуть задержал его вялую руку в своей.

— Борис Дмитриевич! У вас есть время подумать. С вами произошло несчастье. Пока вы сделали все от вас зависящее, чтобы лишить себя смягчающих вину обстоятельств, чтобы несчастье стало серьезным уголовным преступлением. Не надо труситься, не надо увязать все глубже и глубже.

Осокин, не проронив ни слова, осторожно высвободил руку.

— Как только мы начнем проверку фактов, которые вы мне сейчас привели, вы... — Корнилов поморщился, подирая слова помяче, — запугаетесь.

— Я не стану вам ничего отвечать. — В голосе Осокина появились упрямые нотки. — Вы меня подозреваете, вы и доказывайте. Я никого нигде не сбивал! И еще эти подозрения в нападении на свидетеля! Просто смешно. И страшно. За вас страшно — вы можете наделать непоправимых ошибок. А этот раненый свидетель?! Как он мог обо мне сказать, когда я никого не сбивал!

— Он про вас ничего не говорил. Он видел на шоссе сбитого насмерть мужчину и удаляющиеся белые «Жигули»...

Осокин напрягся и мертвенно побледнел.

— Но он не разглядел номер, — развел руками полковник.

— Какой же он свидетель! — крикнул Осокин.

Корнилов вздохнул:

— Вы видите, я от вас ничего не скрываю. Не буду скрывать и того, что на бампере ваших «Жигулей» эксперты обнаружили четкие отпечатки пальцев сбитого человека.

...Когда на следующее утро сотрудники милиции во главе с Корниловым подъехали к дому Осокина, тот уже ждал их у подъезда. Погода была хмурая, с залива дул сильный ветер. То и дело начинал накрапывать дождь. Борис Дмитриевич был в плаще с высоко поднятым воротником. Выглядел он усталым и невыспавшимся.

Выходя из машины, Корнилов машинально поднял голову и посмотрел на окна четвертого этажа. В двух окнах рядом виднелись женские фигуры. Игорь Васильевич успел заметить, что одна из них совсем тоненькая, с пышной копной волос на голове. «Наверное, дочь, — подумал полковник. — А рядом — жена. Вот для кого трагедия».

Борис Дмитриевич сел за руль «Жигулей». Корнилов расположился рядом, а Коршунов и Лебедев — сзади.

— Поехали прямо к дому вашего друга, — махнул рукой полковник и, обернувшись к Коршунову, сказал: — И хронометраж оттуда начнем.

Город был еще пустой. Редкие машины, одинокие пешеходы. До Лахты они доехали за полчаса. Осокин вел машину хорошо — спокойно, без рычков, чувствовалось, что он опытный водитель. Но, как только миновали Ольгино, он съехал на обочину и остановил машину.

— Нет, — сказал он совсем тихо. Сказал скорее самому себе, а не спутникам. — Дальше я не поеду. Моя дочь права. Лучше пройти через все это и остаться самим собой.

«Вот так, — ревниво подумал Корнилов. — Не я, а дочь нашла к нему верный подход. — И сам себя успокоил: — Ну и прекрасно! Мы тоже не зря поработали. Через два часа ему бы все равно пришлось признаться. Но только что с его признания? Трупато нет!»

— Давайте немного отдохнем, — попросил Осокин, повернув бледное лицо к Корнилову.

Полковник кивнул. Он чувствовал, что Борис Дмитриевич вот-вот разрыдается.

Коршунов и Лебедев остались в машине, а Корнилов с Осокиным перебрались через канаву и пошли по мягкой лесной тропинке. Уже лежали на темно-зеленом мху первые желтые листья. Ветер раскачивал верхушки сосен, наносил полосами мельчайшие, словно пыль, капли дождя.

Осокин шагал молча, спутлившийся.

— Не промокнем? — спросил Корнилов.

— А? — словно очнулся от забытья Борис Дмитриевич.

— Не промокнем? — повторил Корнилов.

Осокин провел рукой по мокрому лбу и виновато улыбнулся.

— Я иду и думаю про тот случай... Про удочку.

Корнилов протестующе поднял руку, но Борис Дмитриевич сказал:

— Не останавливайте меня. Я понимаю, это глупо — вспоминать о том случае, когда тебе угрожает тюрьма, но не могу не думать. Бумажку с вашим адресом я потерял. Но адрес-то помнил. И сейчас помню. И все время собирался приехать к вам, вернуть удочку. Приехать с бутылкой коньяка. Вот, дескать, как поступают порядочные люди... И все не ехал, не ехал. То одно, то другое. Какие-то мелочи мешали. А потом как-то подумал: чего я потащусь с этой грошовой удочкой? Кого удивлю? Да и зима наступила. — Он замолчал. Остановился. — Пойдемте назад.

— Пойдемте. — Корнилов с сожалением посмотрел на светлую сводку стволы сосен поляну. Казалось, что над поляной не было ни туч, ни дождя.

— Вот и сейчас... — волнуясь, сказал Осокин. — С этим наездом... Первое, что хотел сделать, когда пришел в себя, — ехать в милицию. А потом вспомнил, что предстоит защита докторской. Что дочери надо помочь поступить в консерваторию...

Корнилов хотел сказать: «А дочь, оказывается, распустила иначе», — но перебивать Осокина не стал. «Пусть высказывается. В конце концов, облегчив душу, человек перестает бояться. Ему тогда и решение легче принимать».

Однако Борис Дмитриевич больше не сказал ни слова. Они молча дошли до шоссе, молча сели в машину. Теперь уже на заднее сиденье. «Жигули» вел Лебедев...

... Он выскочил из кустов прямо перед машиной, — сказал Борис Дмитриевич, когда они приехали на Литейный, в Главное управление, и Корнилов, включив магнитофон, начал допрос. — Притормозить было поздно, хоть я и пытался. Машину понесло юзом. Я еле выправил ее и хотел остановиться. И в это время увидел, как из кустов вышел второй мужчина... Я струсил и дал газ...

Несмотря на то, что Бугаев добрался до своей «казенной» квартиры часа в два ночи, проснулся он рано. Большой дом еще только заселялся. Многие жильцы, прежде чем въехать в новые квартиры, делали ремонт. Приходили с утра пораньше, циклевали полы, сверлили дырки для карнизов.

«Нет, утренний сон и квартира в новостройке — понятия несовместимые», — подумал Бугаев, проснувшись от дикого завывания циклеванной машины где-то прямо под ухом. Несколько минут он лежал, не открывая глаз, прислушивался к тому, как хлопчет жизнь вокруг его квартиры. Только за стеной справа было тихо. «Наверное, будущим счастливым еще не вручили ордер», — подумал Семен. Счастливыми он считал всех, кто поучил в этом новом доме квартиры с видом на залив.

Бугаев любил свой город, любил Васильевский остров, на котором он родился и прожил всю свою жизнь — ходил в детский сад, учился в школе, а потом на юрфаке университета, помещавшемся тогда в уютном, много лет не ремонтированном Меншиковском дворе. Но больше всего он любил Неву и залив. Еще в детстве часами бродил по набережным — выходил из своего дома на Седьмой линии и шел по бульварчику к Неве. Мимо кинотеатра «Форум», мимо Андреевского рынка, мимо красивого, отделанного коричневой плиткой дома, в котором помещалась аптека и сохранилась с дореволюционного времени четкая надпись: «Т—во профессора доктора Пеля и сыновей». Напротив Академии художеств, у сфинксов, он всегда спускался по гранитным ступенькам к воде и подолгу наблюдал, как закопченные буксирные тенты вверх по течению медлительные, тяжелые баржи. Любил Бугаев звонкие весенние ледоходы, когда большие льдины прямо на глазах рассыпались на тысячи похожих на сосульки прозрачные иголки, и вода от этого становилась густой и маслянистой. Любил огуречный запах только что выловленной корюшки, которую рыбаки черпали в ящички прямо со dna остроносых смоленых лодок.

Когда несколько лет назад Семена хотели перевести на работу в Москву, в Управление уголовного розыска Союза, он наотрез отказался. Не хотел расставаться с Невой, не представлял себе жизни вдали от бесконечной, то искрящейся на солнце, то отливающей свинцом глади залива.

«Семен вскочил с раскладушки — ему, как человеку, только что поселившемуся в новой квартире, да еще, по легенде, недавно возвратившемуся из заключения, не полагалось на первых порах обзаводиться приличной полутораспальной кроватью. Как не полагалось иметь и множество других необходимых серьезному человеку в хозяйстве вещей. Ощущение временности, неустойчивости должно было броситься в глаза каждому, кто вошел бы в эту квартиру. Пустые бутылки из-под пива и водки, привезенные им из дома, а также перекупленные у изумленного приемщика стеклопакеты, неумолимо свидетельствовали о наклонностях хозяина.

Окна глядели прямо на залив. Семен вышел на балкон и осматрелся. Территория дома была еще не благоустроена, кучами лежал строительный мусор, щебень. Но какой-то старик уже разравнивал у подъезда землю граблями, копал неглубокие ямки. Рядом лежал большой пучок кустов с укутанными в мешковину корнями.

За вздыбленной бульдозерами землей, за незасыпанными, но уже заросшими травой траншеями рабочие приводили в порядок набережную. Автокран укладывал гранитные плиты. Мужчина в оранжевой каске отмахивая руки показывал крановщикам место для плит. В ожидании, когда подвезут асфальт, стояли два больших желтых катка, и несколько мужиков, собравшихся в кружок, разговаривали, наверное, о чем-то смешном. Время от времени до Бугаева доносились раскаты хохота. Пахло дымком, горячим асфальтом, краской, но через все эти запахи большой городской стройки ветер наносил порывами с залива легкий запах вянувших водорослей.

«Сейчас бы кресло на балкон поставить и сидеть полдня, наслаждаясь, — помыслил Семен и усмехнулся. — А кто мне мешает? Самое подходящее время — на службу пешити не надо. Сделаю сейчас гимнастику, позавтракаю и стульчик на балкон поставлю».

С гимнастикой он спуска себе не давал никогда — с институтских времен внушил себе, что это так же неизбежно и так же необременительно, как чистить зубы. После завтрака он сделал контрольный звонок в управление. Корнилова на месте не было, Варвара, его секретарша, сказала, чтобы он звонил Лебедеву. — Жогина положили в больницу, — сказал Володя. — Шеф поднял нас с Белянчиковым в шесть утра. Ему пришла идея, чтобы инфаркт Евгения Афанасьевича рано утром произошел. Перед работой. Сказал, что утром это правдоподобнее. Ему виднее. — В голосе Лебедева чувствовалась ирония. Видать, ранняя побудка его не особенно вдохновила. — У шефа жена медик. А может, так и лучше — утром многие видели, как «Скорая» приезжала...

— А как сам-то Жогин к этому отнесся? — спросил Бугаев. Он теперь чувствовал себя ответственным за его судьбу.

— Он ничего. Жена перепугалась. Думала, мы хотим его арестовать, а чтобы соседи не догадались,

под видом «Скорой» приехали. Ну, а когда сказали, что она несколько дней вместе с ним проведет, поверила.

— В какую больницу положили? — В Военно-медицинскую академию. На заводе скажут, что ближе всего везти было. Да так оно и есть... — Он помолчал немного. — Шеф просил передать: держи теперь ухо вострой.

— А с рыжим никаких новостей? — спросил Бугаев. — Не удалось выяснить?

— Да что вы, Семен Иванович! — искренне удивился Лебедев. — Еще и девяти нету.

— И правда что, — засмеялся Семен, взглянув на часы. — А мне тут в одиночестве кажется, что неделя уже прошла. Ты, Володя, свяжись с районным отделом, пусть они тебе участкового инспектора пришлют. С того участка, куда ресторан входит. Он многое может знать.

— Свяжись, Семен Иванович! — пообещал Лебедев. — А вам — ни пуха!

— К черту! — привычно ответил Бугаев и положил трубку.

«Значит, Жогин в больнице, жена рядом с ним. Я, естественно, кроме того, что его телефон не отвечает, не знаю ничего другого. Пойти к Жогину домой, где соседи могут мне сообщить про больницу, я могу не раньше чем через день-два. В нашем «обществе», — он вздохнул, — заботу проявлять не спешат. Особенно когда телефон вдруг перестает отвечать. Мало ли что там у человека стряслось? А вдруг на квартире засада? Кто же голову совать в петлю будет? Значит, высовываться мне пока рано. Потом, при случае, можно и проявить осведомленность. Сослаться, например, на какого-нибудь соседского мальчонку. Спросил, дескать, у него, куда дядя Женя из сороковой квартиры подевался».

...Пока Бугаев разговаривал с Володей Лебедевым, пока расхаживал по комнате, размышляя о том, как себя держать, если все-таки на него «поставят», прохладиться на балконе ему расхотелось. Он был человеком живым, подвижным, его всегда тяготило ожидание. Из десятка изречений, оставшихся в памяти после сдачи экзамена по латыни, он чаще всего повторял: «Вдвойне дает тот, кто дает скоро». «Юре Белянчикову бы здесь сидеть, — в который раз уже подумал Бугаев. — Он человек уравновешенный, сидел бы, продумывал варианты». Но Белянчиков в уголовном розыске проработал уже чуть ли не двадцать лет, среди уголовников был фигурой известной. Мог напороться на какого-нибудь крестника. А Володя Лебедев был еще совсем молод.

Взгляд на ряды пустых бутылок под кухонным столом направил мысли Бугаева в определенное русло. «Что делает утром прощелыга вроде меня, крепко погулявший накануне? Идет к ближайшему пивному ларьку и поправляет сильно подорванное здоровье. А к одинадцати заглядывает в винный магазин — неприлично, чтобы в таком доме стояли только пустые пыльные бутылки. Пора, наконец, действовать, — подумал Семен. — Пора знакомиться с окрестными жителями, с любителями побалагурить у пивного ларька». Решение начать «нормальную» жизнь немного разрядило его — даже такая жизнь все-таки означала движение. А движение и было для Бугаева жизнью...

Осокин выглядел подавленным. Застывшие голубые глаза смотрели безучастно, лицо было плохо выбрито. Да и костюм он надел какой-то помятый. У Корнилова, понимавшего, что Борису Дмитриевичу сейчас не до своей внешности, мелькнула все-таки мысль: а не играет ли Осокин чуточку «на публику»?

Перечитав свои показания, Осокин подписал их и вздохнул:

— Ну вот, подписал себе приговор.

— До приговора еще далеко, — сказал Корнилов.

— А-а-а! — отмахнулся Осокин. — Этот приговор главный. Он подвинул полковнику листок с показаниями.

— Придется еще все-таки съездить на место. В присутствии понятых показать, откуда выскочил человек, где вы остановились...

Борис Дмитриевич поморщился. Потом спросил:

— Что хоть это за мужчина? Я видел только, что пожилой...

— В мае пятьдесят лет исполнилось. Котлуков Лев Алексеевич, по кличке «Бур».

— По кличке? — Брови у Бориса Дмитриевича подскочили вверх, и Корнилов впервые за время разговора увидел, что глаза у него ожили. В них появился огонек интереса. — Он что же, уголовник?

— Недавно вышел из заключения.

Осокин некоторое время сидел молча, сосредоточенно обдумывал услышанное. «Уж не надеется ли он, что за уголовника ему могут смягчить наказание? — подумал Корнилов. — А что скажет, когда узнает, что тело еще не найдено?! Отретесет от своего признания? Да-а, юридический казус... Но скрывать от него мы ничего не имеем права».

— А у погибшего есть родители? — спросил наконец Осокин.

— Нет, Борис Дмитриевич. И детей тоже нет. Так что гражданского иска к вам не последует. И есть еще одно обстоятельство, о котором я должен поставить вас в известность: тело сбитого вами Котлукова пока еще не найдено.

— То есть как это «не найдено»?

— Когда приехали милиция и «Скорая помощь», вызванные одним из дачников, тела уже не было.

— Значит, он остался жив?! — В голосе Осокина смешались удивление и надежда.

— Колокольников, тот дачник, что наткнулся на тело, дал показания, что человек был мертв. Мы проверили все больницы и поликлиники. Никаких следов.

— Но куда-то он ведь делся?

— У нас есть предположение, — сказал Корнилов, — но это пока только предположение. Служебная версия.

— Так... — Борис Дмитриевич закрыл лицо ладонями и опять долго молчал, а когда отнял ладони, Корнилов поразился перемене, происшедшей с Осокиным. Перед ним был энергичный мужчина с пытливыми, требовательными глазами, и даже его плохо выбритые щеки уже не казались плохо выбритыми, а просто чуть отливали синевой.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

Составил В. Михайлов,
Москва

По горизонтали:

5. Комедия Мольера. 7. Руководитель среднего звена. 9. Садовый цветок. 12. Устройство для обогащения угля с помощью воды. 13. Служивавший на Руси, обслуживавший крепостную артиллерию. 14. Опера Л. Делиба. 15. Архитектурное украшение в виде колесницы, запряженной четверкой лошадей. 16. Речной причальный пункт. 17. Словосочетание, оборот речи. 20. Порода голубей. 24. Масличное растение. 27. Река бассейна Дона. 28. Специальность строителя. 29. Приправа к пище. 30. Комедийный персонаж французского народного театра. 31. Вид спорта. 34. Певчая птица. 38. Денежное наказание. 41. Съедобный гриб. 42. Текст к оперетте, опере. 43. Скульптор, народный художник Литовской ССР. 44. Кусок дотканного полотна. 45. Жительница европейского государства. 46. Мелкие круглые конфеты. 47. Смола, вытекающая из надреза на хвойном дереве. 48. Декоративное растение с цветами разной окраски.

По вертикали:

1. Областной центр Казахстана. 2. Морская промысловая рыба. 3. Мясо одной из ценных рыб. 4. Ивановый кустарник. 6. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 7. Опера П. И. Чайковского. 8. Испанский мыслитель и врач, изучавший кровообращение. 10. Порода собак. 11. Журнал ЦК ВЛКСМ. 18. Прибор, регулирующий сопротивление току. 19. Героиня сказки Ш. Перро. 21. Город в Анголе. 22. Английский философ, последователь Юма. 23. Байкальский тюлень. 24. Американский пушной зверек. 25. Скошенная часть кромки изделия. 26. Отдельное помещение на корабле. 31. Техническая культура. 32. Род, из поколения в поколение наследующий одну профессию. 33. Автономная республика. 35. Младший научный работник. 36. Вступительная часть книги. 37. Фармацевтическое учреждение. 38. Загадка. 39. Бальный танец. 40. Борт или закраина на конце вала, трубы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 19

По горизонтали:

1. Молибден. 6. Позитрон. 10. Кессон. 13. Эльгер. 14. Водоворот. 15. Состав. 17. Оцеола. 18. Беллетристика. 21. Нарцисс. 24. Ресивер. 25. Квадрат. 26. Чеммень. 27. Дискант. 28. Идальго. 29. Цвингер. 30. Горница. 31. Лилпут. 34. Колонок. 35. Товарищ. 40. Виноградовник. 43. Уролог. 44. Ельник. 45. Фонтенель. 46. Жнивье. 47. Юкагир. 48. Йоккаити. 49. Дизайнер.

По вертикали:

1. Мокасины. 2. Лосось. 3. Баобаба. 4. Яркость. 5. Шапорин. 7. Иглица. 8. Регион. 9. Норматив. 11. Моллюск. 12. Портрет. 16. Верцингеториг. 17. Оксидирование. 19. Бадминтон. 20. «Шелкунчик». 22. Свидник. 23. Одиллия. 24. Рангоут. 31. Ломонос. 32. Торвилл. 33. Хорунжий. 36. Прокурор. 37. Братина. 38. Единица. 39. Зодиак. 40. Вольта. 41. Клюква. 42. Онегин.

СМЕНА 31

В 1984 году будет отмечаться 90-летие со дня рождения знаменитого советского сатирика Михаила Зощенко. К этой дате приурочен выход первого тома четырехтомного Собрания сочинений писателя, работа над которым идет в ленинградском отделении издательства «Художественная литература». Кроме широко известных произведений, в Собрание войдет несколько десятков рассказов и фельетонов, неизвестных не только сегодняшнему читателю, но и самим Зощенко в свое время забытых, затерянных в сатирической периодике 20-х годов (в те годы выходило более 200 «веселых» журналов).

Как же можно такое забыть, затерять?

Зощенко не собирал журналы, в которых печатался, не делал из них вырезки, не заносил в записную книжку, что и где опубликовал. А работал он в молодые годы с поразительной быстротой, не оглядываясь на то, что сделано вчера и позавчера. К тому же зачастую писал на ходу — где застигнет вдохновение, там и писал. «Например, «Аристократку», — вспоминал Зощенко, — я написал на лестнице. Я шел к знакомым и, поднимаясь по лестнице, обдумывал сюжет, который записал утром. И вот неожиданно возник стройный скелет рассказа. В 15 минут я набросал рассказ почти целиком на полях газеты».

Редкие номера таких журналов, как «Красный ворон», «Дрезина», «Бузотер», «Бегемот», «Смехач», «Пушка», выходили без зощенковских текстов. А порой их бывало несколько — без подписи, под псевдонимами, которых у Зощенко было более двадцати: Назар Синебрюхов, Семен Курочкин, Мих. Гаврилов, Гаврила, Гаврилыч, Михал Михалыч, приват-доцент М. М. Прищемихин... Однако читатель легко угадывал, кто скрывается за той или иной подписью: неповторимый язык, которым были написаны рассказы и фельетоны, говорил сам за себя — это он, Зощенко.

Его знали все — от домохозяйки до академика. Он был «крестником» Горького, который писал: «Отличный язык выработали вы, М(ихаил) М(ихайлович) и замечательно легко владеете им (...) А юмор я ваш ценю высоко, своеобразие его для меня — да и для множества грамотных людей бесспорно, так же, как бесспорна и его «социальная педагогика».

За годы работы Зощенко выпустил более ста книг (только первым изданием). Его перу принадлежат повести, пьесы, киносценарии, критические статьи, более тысячи рассказов и фельетонов. Четыре из них (из тех самых — забытых, затерянных, никогда не бывших под книжной обложкой) публикует сегодня «Смена». Не все проблемы, затрагиваемые в этих рассказах и фельетонах, дожили до наших дней. Но главный предмет сатиры не столько время и события, сколько люди. Времена уходят — люди остаются жить. Потому-то у сатиры Михаила Зощенко век долгий. «Социальная педагогика», пронизывающая все, что он создал, продолжает свою работу.

Юрий ТОМАШЕВСКИЙ,

секретарь комиссии по литературному наследию М. М. Зощенко

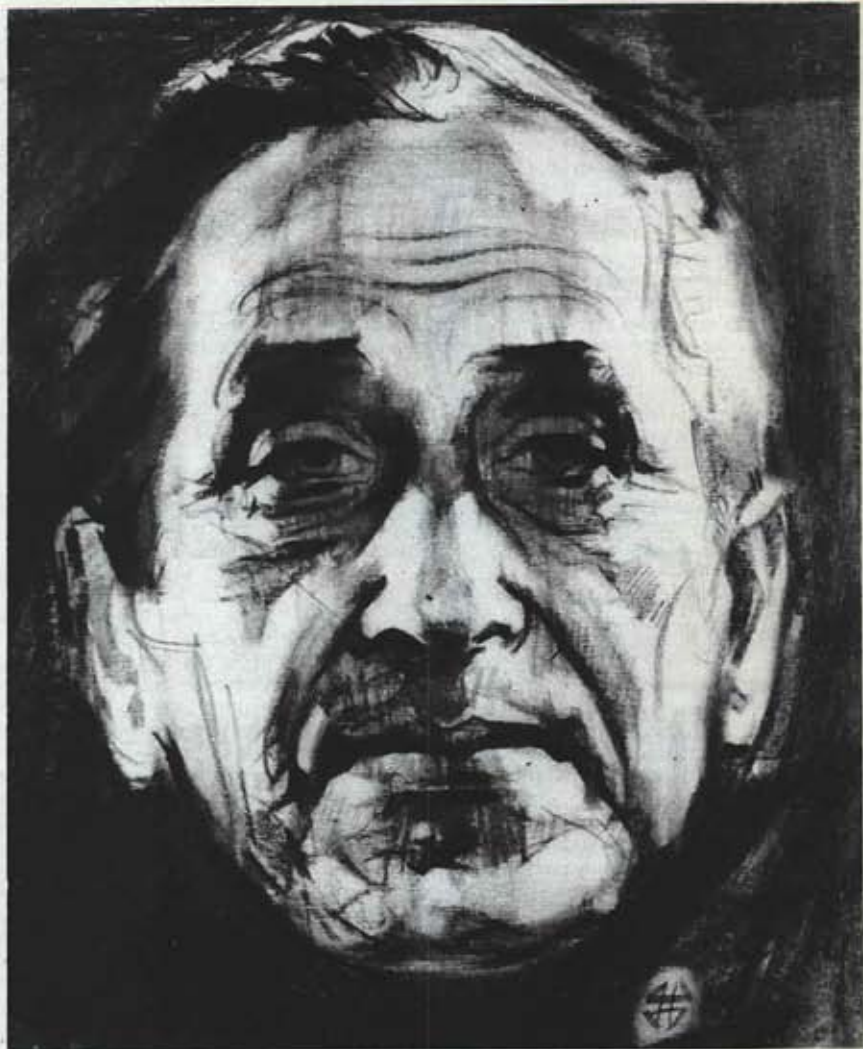

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

КОМИКИ

Я, граждане, не особенно долюбливаю концерты и всякие там балы. Мне на них всегда скучновато бывает. Даже, признаться, ко сну клонит, ежели тихое, например, пение или музыка без барабанов.

А вот один концерт-бал мне действительно понравился. В Петергофе было. Военно-железнодорожники устроили. Это действительно был вечер.

Конечно, весь концерт-бал был не ахти какой. Как говорится: бал — кот с печки упал. Но вот один номер был выдающийся. Главное, уж очень смешно было. Многих слабосильных дамочек даже заживо выносили в истерике, до того они хохотали.

И нельзя было не смеяться. Потому выстроили железнодорожники все свои батальоны и объявляют: сейчас, дескать, произойдет комический номер. Каждому железнодорожнику выдадут по фунтовой булке, и какой батальон скорее скушает, тому премия в размере двух пирожных и вообще слава в петергофском масштабе.

И вот rozdali по булке, и по сигналу началось.

Я, граждане, видал, как едят и сам едал, а такой еды не видывал. Многие давятся, мотают башками, шипят, плюются... Многие, что жабы, захватили зубами булки и ни туды и ни сюды, ни чихнуть, ни сморкнуться...

В публике стон стоит от хохота. Слабосильных дамочек заживо выносят в истерике... А те жуят наспех.

А тут с одного батальона молодой парнишка умял свою булку и кричит: — Братцы, неужели же осраим оружие! Наляжем по возможности.

Тут, конечно, и налегли. И через две секунды объявляют: дескать, этот батальон выиграл. И могут получать премию.

Тут публика начала «бис» требовать. Начали просить за свои деньги, чтобы и с пирожными устроили такой же номер: кто скорей.

Но батальон стал категорически отказываться.

— Не можем, — говорят. — У нас, — говорят, — некоторые несознательные товарищи захворали.

И действительно, выходит вперед один блондин и икает. А у самого рот раскрыт, глаза выпучены, и пот со лба капает.

— Граждане, — говорит, — я булкой подавился. Я, — говорит, — ее враз проглотил... Проскользнула она внутрь.

Начали его расспрашивать, куда, дескать, проскользнула и дошла ли до живота.

— Не знаю, — говорит.

Начали блондина успокаивать, дескать, вполне переварится — не тарелка ведь. Тарелка, это действительно может не перевариться, а булка, хоть и целая, всегда размякнет и со временем, даст бог, вон выйдет.

Но этот случай не омрачил праздника. Веселье продолжалось. И даже в газете «Красная Звезда» № 81, густым шрифтом был отмечен необыкновенный успех вечера:

«4 апреля военно-железнодорожники гор. Петергофа в присутствии гостей и петергофской молодежи устроили комбинированный вечер...»

Все остались довольны, особенно одним комическим номером, а именно: участникам соревнования дано по фунтовой булке, и кто первый съест, тот получает еще премию — два пирожных. Пальму первенства получил Н. батальон, который в этом спец».

Далее корреспондент расстроился и пишет от себя разные слова, — дескать, безобразие, обжорство, унижение и тому подобное. Но это он не иначе как из зависти. Дай ему, каналье, фунтовую булку, так он минут двадцать лопать будет да еще корочки оставит.

Знаем мы этих писателей. Сами пишем.

ЩЕДРЫЕ ЛЮДИ

На пивоваренных заводах рабочим для поддержания здоровья выдают по две бутылки пива.

Ну что ж, пущай выдают. Мы не завидуем. Мы только несколько удивлены постановкой этого дела. Оказывается, на некоторых ленинградских заводах пиво выдается особенное — брак. В этом специальном пиве попадают: щепки, волосы, мухи, грязь и прочие несъедобные предметы.

Любопытная картиночка нам рисуется.

Рабочий варочного отделения Иван Гусев получил две бутылки пива, сунул их в карман и, весело посвистывая, пошел домой.

— Все-таки не забывают нашего брата, — думал Гусев. — Все-таки про наше рабочее здоровье стараются. Ежели, например, цех у тебя вредный — получай, милый, для поддержки две бутылки бесплатно. Ах ты, щедрые люди какие! Ведь это выходит шесть гривен в день... А ежели в месяц — пятнадцать рублей... Ежели в год — двести целковых набегает.

Сколько набегает в 10 лет, Гусев не успел высчитать.

Дома Гусева обступили родные.

— Ну что, принес? — спросила жена.

— Принес, — сказал Гусев. — Очень аккуратно выдают. Стараются про наше рабочее здоровье. Спасибо им. Жаль только, пить его нельзя, а то совсем бы хорошо.

— Может, можно? — спросила жена.

— Да нет, опять чего-нибудь в ем плавает.

— А чего в ем сегодня плавает? — с интересом спросил Петька, сын Гусева.

— Сейчас посмотрю будем.

Гусев открыл бутылку и вылил пиво в глиняную чашку. Все домочадцы обступили стол, вглядываясь в пиво.

— Есть, кажися, — сказал Гусев.

— Есть! — вскричал Петька с восторгом. — Муха!

— Верно, — сказал Гусев, — муха. А кроме мухи, еще чевой-то плавает. Сучок, что ли?

— Палка простая, — разочарованно сказала жена.

— Палка и есть, — подтвердил Гусев. — А это что? Не пробка ли?

Жена с возмущением отошла от стола.

— Все ненужные вещи для хозяйства, — сердито сказала она. — Палка, да пробка, да муха. Хотя бы наперсток дешевенький попал или бы пуговица. Мне пуговицы нужны.

— Мне кнопки требуются, — ядовито сказала тетка Марья. — Можете ободдать с вашими пуговицами...

— Трубу хочу, — заныл Петька. — Хочу, чтоб труба в бутылке...

— Цыц, — крикнул Гусев, открывая вторую бутылку.

Во второй бутылке тоже не было ничего существенного: два небольших гвоздя, таракан и довольно сильно поношенная подметка.

— Ничего хорошего, — сказал Гусев, выливая пиво за окно на улицу.

— Ну, может, завтра будет, — успокоила жена.

— Рояль хочу, — захныкал Петька. — Хочу, чтоб рояль в бутылке.

Гусев погладил сына по голове и сказал:

— Ладно, не плачь. Не от меня это зависит — от администрации. Может, она к завтраму расщедрится насчет рояля.

Гусев спрятал пустые бутылки за печку и, грустный, присел к столу. А за окном тихо плакал прохожий, облитый густым баварским пивом.

ДОРВАЛИСЬ

Ух, и накрутим же мы сейчас хвост ждановским мужикам! Дайте, братцы, только отдышаться. Дайте только дух перевести. Очень уж мы, знаете, сердимся на этих ждановцев.

Сейчас объясним все по порядку: что, к чему и почему. Ну, держись, ребята! А есть, знаете, такое село Ждановка. И было в этом селе четыре трактора. Четыре новеньких коммунальных трактора.

И пуцай теперь ждановские мужики ответят, куда они, между прочим, щучьи дети, позадевали эти тракторы? Ась?

Ага, небось, молчат. Корежатся от совести. Вот мы им еще пару поддадим. Хватай их за бородачки!

Так вот, между прочим, насчет этих тракторов.

Первый трактор у них, видите ли, сломался.

А отчего он, позвольте узнать, сломался? Не почесавшись, ведь и чирий не всочит.

Оттого он сломался, что Васьки Великанова корова рогом чтой-то там прободала. Одним словом, какую-то нужную штуковину смяла рогом.

Ах, какие, право, несознательные хозяева эти Великановы! Ну, разве ж мыслимое дело — допускать несознательную корову до трактора? Да разве ж она понимает науку и технику? Тыфу, захворать можно от таких ненормальностей!

Теперь пойдем дальше.

Второй трактор у них в воду свалился. Отчего он в воду свалился? Оттого он в воду свалился, что ждановский мужик Иван Николаев Косоглотов некультурно управлял этим трактором. И, будучи маленько под мухой, шибко попер на этом тракторе и с обрывчика сверзился.

Пуцай этого Косоглотова теперь весь мир знает и его презирает.

У третьего трактора отчаянные ждановские парнишки какую-то немаловажную штуковинку оторвали.

И теперь, ежели говорить прямо, по совести и без прикрас, то остался у них, у ждановцев, единственный-один трактор.

Оно, конечно, и с одним трактором жить можно. Да только не такие это ждановские мужики. Это очень дико-отчаянные мужики. Дорвались они, знаете, и до этого трактора. И трактор этот им теперь вроде автомобиля, только что без гудка. Истинная правда.

Чуть, знаете, они напыются маленько — сейчас велят трактор им предоставить. Ну и катаются на нем, что ответственные.

Председатель, подлая его душа, тоже ежедневно катается. Он до того, знаете, разленился через этот трактор, что идет, например, к куму своему, к Петровичу, через три дома — и то велит трактор себе подавать. И прет на нем стоя.

А касаясь свадеб в Ждановке и говорить не приходится. Молодых обязательно даже на тракторе развозят...

А когда ребятенка недавно у Власовых октябрили, его тоже на тракторе везли. Ребяенок, знаете, дико орет и вообще истекает, а его прут и прут. Да еще сам папаша Власов сзади на трактор вскочивши и орет: «Ого-го!»

Вот какие ядовитые делишки творятся у ждановцев. Пуцай теперь вся республика про них знает и проклинает.

А так на остальном деревенском фронте все обстоит довольно отлично и симпатично. За исключением, значит, тракторов.

И хотя бы в центре на этот счет небольшой декретик удумали — мол, не катайтесь, черти ситцевые, на тракторах. Это ж вам не мотоцилы. Понимать надо.

ГЕРОЙ

Ну, вот. Каждый день пишешь, стараешься, нервы свои треплешь, а публика, между прочим, все недовольна.

— Что вы, — говорят, — гражданин хороший, все анекдотики строчите?! Вы бы, — говорят, — заместо того написали бы чего-нибудь этакое натуральное, из жизни.

Ну что ж! Можно из жизни. Извольте, дорогие граждане. Прикажете, может, для верности, адресок сообщить? Извольте и адресок. Вот он, адресок, — Дивенская улица, 8-б.

А только пуцай домашние хозяйки этого рассказа не читают. Не то расстроятся, а после котлеты пережарят. Глядишь — лишние неприятности в жизни. А неприятностей этих и так не обобратся. Вот, не угодно ли.

В одном доме, в городе Красном Ленинграде (Дивенская, 8-б) жил-был человек. По профессии водопроводчик. Беспартийный. Фамилию этого водопроводчика мы, к сожалению, не запомнили. Вообще какая-то лошадиная фамилия на букву К.

А водопроводчик этот, надо сказать, до страсти не любил кошек. Некоторые граждане говорили, будто у него в 19-м году хозяйская кошка полфунта масла уперла и слопала. Другие говорили, будто цельный фунт. Одним словом, симпатичный герой наш не одобрял этой породы. И чуть какая кошенка бежит, он уж обязательно ногой ее пхнет, или плюнет в ее сторону, или сердито и задумчиво посмотрит на нее.

И вот, в один прелестный зимний день, в этом доме (Дивенская, 8-б) стали подыхать кошки. То есть так подыхать, что в короткое время не осталось в доме ни одной кошки. Прямо хоть занимай у соседей. Собак тоже не осталось. Собачки тоже передохли.

Очень расстроились от этого факта в доме. Созвали, конечно, экстренное собрание жильцов. Начали дискутировать — как и отчего околевают кошки.

Одна гражданка на собрании заявила:

— Кошки, граждане, так себе не кончаются. Это, — говорит, — заметна чья-то преступная рука.

Другая гражданка говорит:

— А преступная рука, граждане, это не кто иной, как наш общий сукин сын, водопроводчик с пятого номера. Это, — говорит, — не кто иной, как он, подложил свиной кошкам.

И вдруг приходит сам гражданин водопроводчик и усмехается.

— Об чем, — говорит, — речь? Ну да, — говорит, — не отпираюсь. Это, — говорит, — я насыпал яду в выгребную яму. Не иначе как от яду они и дохнут. А что собачки кончаются, то пуцай и собачки. Собачек я тоже не одобряю. А без жертв обойтись немислимо.

Сказал и ушел. А после еще записку под воротами приляпал: «Принимаю заказы на отравление кошек и собак».

Вот и все. Вот вам и весь рассказ с натуры.

Конца у этого рассказа нету. Это происходит оттого, что жильцы и сами не знают, чем кончить. То ли плюнуть на водопроводчика, то ли под суд его отдать.

Вот и пиши после этого из жизни! Конца-то и нет. Не обижайтесь, граждане!

ШАШКИШАХМАТЫ

ШАШКИ

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

Контрольные часы и пользование ими.

- Для контроля времени на обдумывание и совершение ходов применяются специальные контрольные часы с двумя циферблатами, пускаемые в ход судьей или по его указанию в момент объявления о начале игры. Часы устанавливаются с левой стороны от участника, играющего белыми.
- Участник соревнования, не сделав своего очередного хода, не имеет права включить часы противника, а сделав очередной ход, обязан их включить.
- Если участник, сделав свой очередной ход, забыл включить часы противника, то судья имеет право указать ему на это. Каждый из участников обязан переводить часы только той рукой, которой он сделал ход.
- Если один из партнеров просрочил время и не успел сделать нужное количество ходов в установленный срок, то ему засчитывается поражение.

Для установления факта просрочки времени судья имеет право остановить часы и проверить количество сделанных ходов.

Если после совершения на доске очередного хода на часах одного из участников упал флажок, а у его партнера на доске все шашки уже взяты или залпеты, то просрочка времени не фиксируется и сильнейшей стороне засчитывается выигрыш.

4. Остановка часов рассматривается как сдача партии. Остановка контрольных часов сильнейшей стороной, имеющей теоретически явно выигрышную позицию, фиксирует ничейный исход.

Шестой тур.

Публикуется впервые.

- Ю. Маркварде (Минск)**

2. В. Дерябин (Ленинград)

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

В обоих позициях белые начинают и выигрывают.

Последний срок отправления ответов на задания шестого тура — 15 декабря (по почтовому штемпелю). Не забудьте сделать пометку «Шашечный конкурс-83. 6-й тур».

В шестом туре нашего шахматного конкурса читателям «Смены» предстоит решить трехходовую и многоходовую задачи. В обоих заданиях своеобразно трактуется тема перекрытия. В трехходовой задаче она ярко и четко представлена в четырех равноценных вариантах. В семиходовой задаче эта тема как бы остается за кадром, являясь, по сути, ключом к тонким маневрам белой ладьи. Не найдя этой скрытой пружины, трудно будет решить простую на вид задачу.

Шестой тур

I

Белые: Кра1, Лd3, Лd8, Cf3, Ch4, Ke7 (6).
Черные: Кре5, Ла7, Kh5, пп. a3, b7, c7, e6, f4, f5, h7 (10).
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

II

Белые: Крс1, Ле1, Лg8 (3).
Черные: Крh5, Cd1, пп. c2, e2, h2 (5).
Белые начинают и дают мат в 7 ходов (3 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «Шахматный конкурс-83. 6-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 декабря (по почтовому штемпелю).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 05.09.83. Подписано к печати 16.09.83. А 02784. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 115000 экз. Изд. № 2442. Заказ № 1402. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВЫБЕРИ ПЕСНЮ

Можно себе представить, как любили бы этого своего учителя музыки и пения школьники. Он не был бы строг с ними — да и зачем? У него не было бы необходимости записывать в дневниках: «Не выполнил домашнего задания. Просьба к родителям явиться в школу». С его уроков не сбегали бы. Он не заставлял бы петь «по программе» бесконечные гаммы — только то, что на душу ложится: и народные песни, и классику советской эстрады, и современные мелодии. «Он такой симпатичный», — перешептывались бы девочки в классе. «Он не зануда», — солидно констатировали бы мальчишки...

Да, не повезло ребятамишам одной из школ Одесской области: именно в эти места приехал по распределению молодой специалист, учитель Николай Васильевич Гнатюк, окончивший Ровенский пединститут, музыкально-педагогический факультет. Но зато повезло всем нам: мы, как дети, радуемся, встречаясь с этим певцом, как дети, стараемся не замечать его недостатков, переживаем его неудачи, доверяем его искренности, ждем непременно от него всегда нового.

Когда в 1979 году в Дрездене Николай Гнатюк за исполнение песни Давида Тухманова «Ну что тебя так тянет танцевать» получил «Гран-при» — награду, присуждавшуюся до этого только вокально-инструментальным ансамблям и считающуюся особенно престижной, — пресса ГДР, отмечая природную музыкальность Гнатюка, несколько сдержанную и потому убедительную манеру исполнения, продолжила этот список достоинств «исключительно важным для эстрадной сцены его дарованием зрительного воздействия на публику». Что ж, внешнее обаяние для артиста так же важно, как и актерское мастерство, диапазон вокала, как своя, неповторимая манера исполнения, спектр выверенного репертуара.

Следуя семейной традиции, Николай после школы поступил в педагогический институт — мама Анастасия Тарасовна, сельская учительница, передала сыну не только «семейную» профессию, но и любовь к народной украинской песне. Мечтал ли Коля Гнатюк, паренек с Хмельниччины, о звездной карьере певца? Да, мечта была. И были не только любовь к музыке, не только желание петь — была цель и целеустремленность. И первые успехи, подтвердившие право мечтать: еще в школе играл на баяне, выступал в самодеятельности, побеждал на областных и республиканских конкурсах.

И вот институт окончен, распределение, работа в школе, участие в самодеятельности и после первого же выступления — признание, удача — приглашение в Одесскую филармонию. Потом армия — и снова Николай Гнатюк поет: в военном ансамбле песни и пляски. Учеба в Ленинграде, в студии эстрадного искусства, выступления с популярным ансамблем «Дружба». Возвращение на Украину. Николай Гнатюк — солист Укрконцер-

та, а сейчас — Киевского театра эстрады. 1979 год — год особых удач певца, год напряженной работы, год борьбы за любовь и признание слушателя. VI Всесоюзный конкурс артистов эстрады — звание лауреата. Победа на международном фестивале эстрадной песни «Шлягер-79» в Дрездене. Следующий — 1980 год не менее удачен: I премия на конкурсе Интервидения «Сопот-80». И присвоение звания заслуженного артиста УССР артисту Киевского мюзикхолла Николаю Гнатюку.

Поначалу все складывалось, казалось бы, на редкость удачно. Лирико-романтический стиль, популярные песни, подхватываемые с первых тактов публикой. Не всегда богатого содержания были эти песни, не всегда оригинальные мелодии, но зато милая сердцу зрителя непосредственность, обаяние, напор сценической энергии певца. Эксплуатируя себе музыкальность, радужный, светлый тембр голоса, тиражируя раз найденную манеру... Но Николай Гнатюк постепенно отказывается от «шлягерного» репертуара, в его исполнении мы все чаще и чаще слышим песни, ставшие классикой советской эстрады, певец готовит и с успехом исполняет сольную программу из произведений Александры Пахмутовой «Комсомол — судьба моя...». Берет на себя нелегкую задачу первого исполнения произведений украинских авторов — П. Майбороды, А. Би-лаша, И. Каробица, К. Мяскова... Не страшась быть в числе многих и многих, поет песни, в которые, казалось бы, невозможно внести ничего нового, которые невозможно вытянуть «своим голосом», песни, известные всей стране, исполняемые самыми маститыми эстрадными певцами, — песни Т. Хренникова, Н. Богословского, Д. Тухманова, Р. Паулса, В. Шаинского, Е. Мартынова...

И все ярче проявляется актерская индивидуальность певца, накрепко связанная с традициями народной украинской песни, все значительнее становится сценический образ, создаваемый исполнителем. Вдохнув с облегчением, мы, с затаенным волнением за будущее начинающего певца наблюдавшие эквилибры танца на барабанах, теперь можем сказать, что Николай Гнатюк успешно преодолел стереотип, этакий эстрадный штамп.

Каким будет завтрашний день певца? Что принесут нам новые встречи с этим знакомым, но всегда неожиданным исполнителем? Чему научит Николай Гнатюк своего слушателя? Урок непредсказуемости в творчестве, преодоления штампов, веры в богатые возможности традиций и обретения неповторимости мы уже получили.

Мария МУСИНА

Фото
Александра БРОНШТЕЙНА

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820